

Игорь Ушаков

РАССКАЗЫ

САН - ДИЕГО
2013

Игорь Ушаков

Игорь Ушаков

ПРОЗА

Сан-Диего

2014

Оформление обложки
Кристины Ушаковой

Копирайт Игоря Ушакова
San Diego, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ	6
ВЕЗУНЧИК.....	6
ДОЛГИЙ ДОЖДЬ.....	
	О
ШИБКА! ЗАКЛАДКА НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.	
САД КАМНЕЙ.....	43
ЛЮБОВЬ БОЛЬШЕ ЖИЗНИ.....	65
БАБИЙ ВЕК.....	77
ОЛЕНЁНОК.....	94
ПИСЬМО В НИКУДА.....	105
ОХОТА НА КЛОПОВ.....	120
ПИСЬМО СЫНУ.....	133
КАК УБИВАЮТ В НЕОТЛОЖКЕ.....	143
КОД ДОВИНЧЕН.....	151
АНТОНИО ХЕРНАЛЬДИНИ.....	191
ВЕЧНЫЙ ЖИД.....	197
ИЕХУДА ИШ-КЕРИЙОТ.....	214
ИЕШУА ИЗ НАЗАРЕТА И ПОНТИЙ ПИЛАТ.....	234
ШЛОМА И АХИШАР.....	237
КАИН И АВЕЛЬ.....	265
НОСТАЛЬГИЯ	273
СКАЗКИ	327
ПРИТЧИ	362
ВРЕМЯ ДЛЯ УЛЫБ©КИ	368
РАССКАЗ КОЗОФИЛА.....	368
КТО ИЗ НАС НЕ ЛЕТАЛ ВО СНЕГ?.....	379
КАПТАНКА.....	385
Е-БУДУЩАЯ Е-ЖИЗНЬ.....	392
КОНИ ПАСУТСЯ.....	395
ОБЛОЖКИ ДЛЯ КНИГ.....	396
ВНЕ ЖАНРОВ	397
ЛОЖИТЬ-ПОКЛАСТЬ.....	397

РАССКАЗЫ

ВЕЗУНЧИК

1.

Дмитрий был, что называется, везунчиком. Окончив мединститут, он, занявшись модной тогда теорией биополя, под руководством известного биолога Аарона Гершензона, провел ряд экспериментов, доказавших существование биофотонов. Это было новым словом в биологической науке. По этой теме он уже через три года после окончания института защитил кандидатскую диссертацию. Сама диссертация уже через год вышла в виде монографии в издательстве «Наука».

Его дальнейшая работа под руководством того же Гершензона привела к сенсации: впервые была доказана возможность создания «руководимой жизни». Еще через два года Дмитрий с блеском защитил докторскую диссертацию. Этого он достиг к своим неполным тридцати годам.

Естественно, успешные работы по синтезу живой природы были сразу же засекречены. Была создана сверхсекретная Лаборатория №Б-1, во главе которой поставили Дмитрия. Для прикрытия и научной дезинформации был создан открытый филиал – Лаборатория биотехнических проблем при НИИ Химико-Биологических Исследований. В этом филиале «разрабатывались» тупиковые направления нового научного

направления: таким образом, органы госбезопасности пытались убедить иностранных специалистов в том, что в Советском Союзе никаких позитивных результатов в данном направлении нет.

Несмотря на «отсутствие успехов в научных исследованиях», Дмитрия выбрали членом-корреспондентом на специально выделенную целевую вакансию. Вскоре Лабораторию биотехнических проблем преобразовали в академический Институт Проблем Бионики. Подводная часть этого научного айсберга – Лаборатория №Б-1 разрослась невероятно: видимо, реальные успехи были налицо. Дмитрию «сверху» закрытым постановлением предложили развернуть параллельно с совершенно секретными работами какую-нибудь выигрышную открытую тематику с реальным практическим выходом. Этого требовали секретные заказчики: институту нужна была уже не липовая, а настоящая, надежная «ширма». Безобидную, но громко звучащую тему Дмитрий сформулировал быстро, и работа закипела и на этом фронте. Уже через год на «гараканьих бегах», как Дмитрий называл выборы в Академии Наук, его избрали академиком за вполне понятные для всех научные результаты.

Вскоре он становится Президентом Международного Биологического Общества... Ему присваиваются многочисленные почетные степени различными университетами Европы и Америки. Для «полного джентльменского набора» ему не хватало только Нобелевской Премии, но, судя по всему, это было лишь делом времени.

2.

А ведь с самого начала, казалось, Дмитрию ничего не светило в жизни. Как говорится, семейные обстоятельства складывались далеко не в его пользу.

Дело в том, что профессор Аарон Моисеевич Гершензон был дедом Дмитрия по материнской линии. В тридцать седьмом его забрали в НКВД как шпиона западных разведок. Каких – ему толком даже и не сказали, поскольку ничего сказать и не могли. На всякий случай, желая спасти свою семью от возможных трагических последствий, Аарон Гершензон сумел переправить из застенков НКВД на волю записочку жене, в которой настоятельно требовал, чтобы она публично отреклась от него как от «врага народа». Его жена, Эсфирь, привыкла не перечить своему мужу и беспрекословно выполнила его волю, хотя на душе у нее скребли кошки, а некоторые из друзей молча от нее отвернулись за то, что она предала своего мужа. Но Эсфирь понимала, чего боялся Аарон: семьи врагов народа жесточайше преследовались, а у них с мужем к тому времени было уже трое взрослых детей. Как у детей врага народа у них были бы разрушены не только мечты, но и сами жизни.

На семейном совете – три дочери и зять одной из них – Эсфирь сказала, что им всем надо коллективно «отречься от врага народа». Больше всех противился отказу от родства с Аароном его зять – Владимир, муж Цили, старшей дочери Аарона Моисеевича и Эсфири. Он был честный и смелый человек, но беспрядельно верил в справедливость советской власти. Владимир был известным летчиком-испытателем, который совсем недавно участвовал в спасении челюскинцев, получил за это только что введенное

звание Героя Советского Союза и вообще был в большой чести у власти.

Он убеждал всех, что произошла ошибка, которая непременно выяснится, и Аарона Моисеевича непременно отпустят. Но Эсфирь была непреклонна: «Во-первых, так надо, а во-вторых, это воля Арика».

Аргументы Эсфири были, как говорится, убойными, а к тому же в этой семье слово старшего всегда было законом.

Владимир не успокоился: он использовал все свои связи и знакомства, обращался к своему командованию и даже написал письмо Сталину.

Неизвестно, помогло ли это или же нелепость обвинений, предъявленных Аарону Гершензону, оказалась настолько очевидной, но его через полтора года выпустили на свободу. Остались только следы «допросов с пристрастием», но какие это были пустяки по сравнению с тем, что могло бы быть!

Тем не менее, мудрый Аарон, боясь второй волны преследований, не восстановил формальных отношений со своей женой, хотя они и продолжали жить одной семьей в квартире, доставшейся ему еще от его отца, который был известным московским врачом.

Вскоре Эсфирь, здоровье которой сильно пошатнулось после ареста Аарона, умерла от инфаркта, будучи совсем еще не старой женщиной. Аарон тяжело переживал смерть любимой жены, с которой они прожили такую долгую жизнь, переполненную трудностями, счастьем и любовью. Он сник и даже как-то съезился, сгорбился.

Но семья не осталась без стержня: Циля взяла на себя все заботы о доме, цементируя семью так же, как это делала ее мать. Так они и жили одной семьей – благо квартира была трехкомнатная: она с Владимиром и маленьким сынишкой Димой, которого назвали в честь отца Владимира – Дмитрия Алёхина, погибшего во времена раскулачивания, две ее сестры и отец – Аарон Моисеевич...

* * *

Началась война, и в первый же день Владимир Алёхин пошел добровольцем на фронт. Потом ушли добровольцами и сестры Циля – они обе хорошо знали немецкий и стали военными переводчицами.

Вскоре пришла похоронка: погиб Владимир... В октябре сорок первого в дни обороны Москвы, совершив вслед за Виктором Талалихиным таран фашистского самолета. Ему посмертно было присвоено еще одно звание Героя Советского Союза.

Цилю с отцом и сыном эвакуировали в Свердловск, где она стала работать медсестрой в госпитале для раненых. Биология, которой занимался Аарон, стала никому не нужна, все исследования, которые он вел, были свернуты еще в Москве. Поэтому Аарон, имевший медицинское образование, стал работать врачом в том же госпитале, что и Циля.

Уже в 1943 году они с первой же «обратной волной» вернулись в Москву. У всех даже появилось ощущение скорой победы: враг был отброшен от столицы, даже налеты фашистской авиации стали сравнительно редкими, в Москве продолжали назло врагу строить метро...

Дед и мать постоянно твердили Диме, что хорошая учеба в школе – это его, Димы, вклад в победу над фашизмом, это его дань памяти отца-героя.

Дима был в школе всегда одним из первых: при его данных – цепкой памяти, сообразительности и упорстве, он с самых ранних классов выделялся среди своих однокашников.

Он много читал. Он любил, казалось бы, несовместимых авторов – Гоголя и Жюль Верна, Достоевского и Джека Лондона. Его любимым героем был Мартин Иден. Еще в школе, классе в восьмом, он познакомился с французским импрессионизмом по альбомам, которые видел дома у одного своего товарища. С одним из школьных меломанов он регулярно ходил в Консерваторию. Особенно нравились ему фортепьянные концерты, в первую очередь, концерт Грига и Третий концерт Рахманинова.

Учась в школе, Дима мечтал стать биологом, как и его дед. Однако, хотя школу он и закончил с золотой медалью, «пятый пункт» по матери помешал ему поступить на Биофак МГУ, несмотря на отца-героя. В анкетах того времени были пункты, где нужно было указывать не только был ли ты в оккупации во время войны, но и спрашивались национальность родителей и даже девичья фамилия матери. Время было тяжелое: только что прогремел так называемый процесс врачей-убийц, на котором фигурировали сплошь еврейские фамилии. Государственный антисемитизм бушевал в стране со средневековой свирепостью. Пришлось ему поступать в медицинский институт, где на мальчиков был спрос, а анкетные данные играли второстепенную роль.

В институте Дима встретился с Люсей, ставшей впоследствии его женой. Оба были личностями яркими, от них исходил какой-то социальный магнетизм: их вечно окружали многочисленные друзья, они всегда оказывались в центре студенческой жизни.

Буквально в первый же месяц учебы у Люси и Димы начался бурный роман. Они были идеальной парой: оба высокие, статные, красивые. Люся была светленькая, с фигурой «под мальчика» – тогда очень модной. Дима был хорошо сложен, с густой вьющейся иссиня черной шевелюрой, орлиным носом и добрыми, вечно как бы смеющимися глазами – он был вылитый его дед в молодости. К тому же он играл на гитаре и сочинял неплохие стихи.

Люся обладала прекрасным контральто и имела идеальный слух. Она сочиняла приятные песенки на Димины слова, поэтому они в паре были вечным гвоздем программы студенческой самодеятельности и заводами во время всех туристских сборов. Словом, они, дополняя друг друга, были на редкость гармоничной парой.

Развитие их отношений привело к браку уже на третьем курсе, вопреки открытому сопротивлению и Цили, и Люсиных родителей. Но Дима с Люсей были непреклонны, что впоследствии стало понятным: меньше чем через полгода у них родилась Светка – милая курносая кроха, как две капли воды похожая на свою маму. Люсины родители работали на одном из московских заводов и жили в совершенно кошмарных условиях, поэтому, естественно, заботы о воспитании ребенка легли целиком на Цилю Аароновну, которую девочка, начавши говорить, стала называть «Мама-Тиля». Эта помощь Дими-

ной мамы позволила Люсе успешно и без отсрочек закончить институт.

Маленькая Света, запутавшись в родственных отношениях после проживания почти четырех лет в доме родителей Димы, называла Цилю «мамой», а своих родителей, соответственно, просто «Димой» и «Люсей». Всем такая игра нравилась, поскольку постоянно приводила ко всевозможным комическим ситуациям.

Жила семья профессора Гершензона – в своем расширенном варианте – все в той же трехкомнатной квартире старого еще дореволюционного дома на Старом Арбате. Потолки там были высокие-превысокие, стены образовывали какой-то узкий каньон: комнаты напоминали школьные пеналы. В семье обычно шутили, что лучше бы их дом положить набок, тогда жилплощадь существенно бы увеличилась.

После женитьбы Дмитрия и Людмилы, им выделили самую маленькую комнату, где они разместились со Светой. В большой комнате, которая одновременно служила и гостиной, жила Циля, а средняя комната была рабочим кабинетом и спальней Аарона Моисеевича. В центре «гостиной» стоял старинный круглый дубовый стол с дутыми ножками, поближе к двери – диван, а напротив него – телевизор КВН с водяной линзой. Кровать Цили была упрягана за большим старинным гардеробом, что создавало некую иллюзию уединенности.

По вечерам, когда семья собиралась за столом, было полное ощущение, что над головой не потолок, а небо: древний абажур довольно темного вишневого цвета, спускавшийся с высоченного потолка, как паук на паутине, освещал только обеденный стол, стоявший по центру

комнаты, оставляя верхнюю часть стен и потолок в полумраке.

* * *

Отношения Димы с Люсей не были похожи на отношения одногодков. Дима относился к Люсе, как старший – заботливо, нежно и снисходительно. Люся относилась к нему, как к несомненному лидеру и авторитету, она его обожала и восхищалась каждым его шагом, каждым поступком. Дима неплохо играл в волейбол, даже выступал за сборную института. Люся не пропускала ни одного матча с его участием, всегда бурно выражая эмоции по поводу каждого успешного его удара или броска, когда он в акробатическом падении брал мяч.

* * *

Буквально сразу после окончания института у Димы с Люсей родилась еще и Маринка. Так у Цили Аароновны появилась еще одна «дочка». В садик девочек устроить было почти невозможно, поэтому они проводили все время с Цилей. Обе девочки уже без всяких сомнений называли бабушку Мамой-Цилей.

Дима с Люсей много работали, часто приходили домой, когда девочки уже спали. Дима писал кандидатскую, пропадая до самого закрытия в Ленинке.

Дима часто ездил в командировки на различные конференции и всегда брал с собой Люсю, которая на работе брала отгулы для ухода за ребенком. Они объездили весь Союз вдоль и поперек: были и во всех Закавказских столицах, и в Средней Азии, и в Прибалтийских республиках. В места удаленные и экзотические они ездил-

ли в отпуск: катались на горных лыжах на Чегете и в Хибинах, на Чимбулаке и в Закарпатье, ходили на плотах и байдарках по Кожиму на Приполярном Урале и Витиму в Сибири, плавали по Байкалу. Меньше всего они любили Черноморские курорты, которые казались им приторными и чересчур переполненными празднопатающими пижонами.

Как-то почти незаметно Дима защитил кандидатскую, а вслед за ней и докторскую диссертации. Его карьера была головокружительна, и при этом он оставался, как и раньше, «центром притяжения», душой любой компании, заядлым горнолыжником. Все считали его везунчиком, и только Люся знала, как он, не разгибая спины, работает каждую свободную минуту.

Дима и на работе, занимая большую административную должность, умудрялся все организовать так, чтобы оставалось как можно больше времени на науку: у него все было строго распланировано.

В заграникомандировки Дмитрия стали пускать только тогда, когда он стал уже академиком. На «всякий случай» Люсю с ним никогда не пускали.

С годами, казалось, их любовь только крепла. Они были счастливы, поэтому окружающие тянулись к ним, любили их: ведь что может быть приятнее, чем общение со счастливыми людьми!

* * *

К описываемому моменту – а уже пошли восьмидесятые годы – Света с Мариной выросли. Света с блеском закончила Консерваторию по

классу виолончели. Она была не только внешне поразительно похожа на свою мать, но получила от нее в подарок и музыкальные способности. Марина подшучивала над ней: «Так и будешь всю жизнь ездить верхом на своей виолончели, как ведьма на метле».

Сама же Марина поступила в Строгановку, где сразу была замечена еще на первых курсах. Внешне Марина, как и ее старшая сестра, была больше похожа на мать, такая же светловолосая и тоненькая, но какие-то неуловимые черточки она взяла и у отца. Она очень любила Ван Гога и писала такими же смелыми и неожиданными мазками, за что ее даже поругивали некоторые преподаватели. Но именно какой-то внутренний бунт против того стандартного, чему их учили, привел к тому, что она выделялась среди всех своим особым, уже не подражательским стилем.

Люся была известна на всю Москву как первоклассный врач-терапевт. Она остановилась на кандидатской диссертации, отшучиваясь, что на одну семью двух докторов наук многовато — хватит просто двух докторов. Ей предлагали возглавить большую клинику, но она отказалась, сказав, что предпочитает быть хорошим врачом, нежели плохим администратором. Это еще больше добавило уважения к ней со стороны коллег.

К сорока с небольшим годам у Люси вдруг обнаружилась сильная гипертония. То ли это была какая-то врожденная предрасположенность, то ли сыграла роль напряженная работа в клинике. Домашние, оберегая ее, заставляли начать ездить в санатории, а не мотаться с Дмитрием по командировкам: до этого она отпуск раз-

бывала, чтобы путешествовать с мужем во время его деловых поездок.

И вот в очередную командировку на конференцию в Ялту Дмитрий направился один...

3.

Конференция начиналась только в понедельник, но Люся посоветовала Дмитрию вылететь в Ялту в пятницу вечером после работы: можно было воспользоваться двумя деньками и немного пожариться на южном солнышке. Она и сама с удовольствием смоталась бы с Дмитрием в Ялту, но в субботу у нее было дежурство, да и настроения в этот раз не было – что-то опять шалило давление и покалывало сердце.

Последний вечер перед завтрашним вылетом Дмитрия, семья проводила не в полном составе – девочки умотали к каким-то своим то ли школьным, то ли студенческим друзьям. Люся, возвращаясь с работы, забежала в винный магазин в Столешниковом переулке и купила бутылку отличного массандровского портвейна. Вообще-то все Алёхины предпочитали пить либо красное сухое, либо коньяк, но на этот раз было сделано исключение: в доме любили всяческие ритуалы, поэтому к поездке Дмитрия в Крым было куплено именно крымское вино.

Сев втроем за традиционный круглый стол – Циля Аароновна, Дима и Люся – поминули сначала Аарона Моисеевича, поскольку исполнилось ровно пять лет со дня его смерти, а потом выпили еще одну рюмочку и за удачную командировку Димы. После этого Люся пошла

собирать Диме нехитрые командировочные ма-
натки.

На следующий день сразу же после рабо-
ты Люся повезла Дмитрия в аэропорт Домодедо-
во. Машина формально принадлежала Дмит-
рию, но водить умела только Люся, а посему
только она на ней и ездил, выполняя обязанно-
сти семейного шофёра.

Водитель она была прекрасный, до Домо-
дедова домчали быстро. Не паркуясь, Люся ос-
тановила машину около входа в здание аэропор-
та, они вышли, достали из багажника небольшой
чемоданчик, обнялись, как всегда посмотрели
друг другу в глаза, поцеловались, и Дмитрий по-
шел в здание аэропорта. Люся постояла немно-
го у машины, помахала ему рукой, когда он обер-
нулся в последний раз, и сев после этого за руль,
помчалась домой.

* * *

Дмитрий, прилетев в Ялту, быстро нашел
гостиницу, в которой должна была проходить
конференция, наскоро перекусил и пошел в
свой номер. Никого из участников конферен-
ции еще не было, поскольку регистрация начи-
налась только в воскресенье вечером.

На следующее утро, в субботу, после лег-
кого завтрака, надев спортивный костюм, он по-
шел на море. Народу на пляже было относитель-
но немного, поскольку настоящий «горячий
сезон» еще не наступил. Он заметил группу мо-
лодых людей, игравших в кружок в волейбол.
Его глаза невольно остановились на изящной
фигурке молоденькой девушки, одетой в эле-
гантный купальник. Она мягко принимала мяч и

иногда «гасила» его расслабленной кистью, что показывало, что она умеет неплохо играть в волейбол. Все ее движения были удивительно грациозны.

Дмитрий, не отрывая глаз, наблюдал за игрой этой девушки, которую про себя уже окрестил «Пантерой». Тут словно бес подтолкнул его: он подошел и спросил, можно ли присоединиться к играющим. Его приняли холодно, поскольку всем было заметно, что он давно уже вышел из их возрастной категории. Дмитрий почувствовал это и, как всегда в особых ситуациях, он собрался, адреналин заиграл в его жилах, и он начал показывать этим соплякам, как надо по-настоящему играть в волейбол. Он хорошо играл в пасс, «вытягивал» трудные мячи, словом, все завелось. Кто-то предложил пойти поиграть на волейбольную площадку. Разбились на две команды по четыре человека. «Пантера» оказалась в одной с ним команде.

На волейбольной площадке Дмитрий был король. Игра была столь неравной, что после первой же партии, он предложил одному из игроков своей команды перейти в команду противников. После этого игра немного выровнялась, но и пятеро не могли справиться с тройкой, в которой играл Дмитрий. Он выпрыгивал над сеткой чуть ли не по пояс, засаживая такие «коль», что даже противники стали восторгаться его игрой. «Пантера» тоже выделялась: в защите она «вытягивала», казалось бы, неберущиеся мячи, а ее мягкий пасс под удар Дмитрино был просто бесподобен.

Однажды в попытке «вытянуть» слишком уж трудный мяч, Дмитрий и «Пантера» столкнулись и упали. Он вскочил первым и подал ей

руку, помогая подняться. Их взгляды встретились, и Дмитрий почувствовал, как какая-то невидимая ниточка протянулась между ними. Это было уже забытое ощущение трепета, которое бывало в далекой юности.

«Пантера», в полголоса поблагодарила Дмитрия, оценивающе смерив его взглядом, от которого у него ёкнуло сердце.

После игры все пошли купаться. Плавание было вторым спортивным увлечением Дмитрия. Он, правда, никогда не выступал на соревнованиях, но плавал отменно. Он одним из первых вошел в воду и поплыл кролем. Плыл он не быстро, но движения его были уверенными и красивыми. Минут через пять он перевернулся на спину и посмотрел в сторону берега. Он заметил, что за ним следом тоже кто-то плавает. Голубенькая шапочка разрезала волну, как киль лодки. Понятно, что это была девушка, плывшая брассом. У Дмитрия в очередной раз ёкнуло сердце: «Не иначе это “Пантера”!»

Она плыла прямо на него, поднимая голову для вдоха, но, не открывая глаз. Он решил пошутить и остался на ее пути. Через несколько мгновений девушка наткнулась на него и, видимо, не ожидая этого, мгновенно подняла голову и вскрикнула.

Они оба засмеялись. «Ну, что же давайте знакомиться, – сказал Дмитрий. – Меня зовут Дмитрий, а вас?» – «Мария. И пожалуйста, никаких “Маш” и “Мань”» – ответила «Пантера». К берегу они плыли молча, думая каждый о своем.

Дмитрий подумал, что ему не придется скучать два дня до конференции в обществе

этой прекрасной незнакомки, если она соблаговолит оказать ему такую честь.

Мария, плывя следом за Дмитрием, удивлялась тому, как ее буквально с первого взгляда повлекло к этому хорошо сложенному и, видимо, умному человеку, который был, как ей казалось, лет на десять-пятнадцать старше ее. Но разве дело в возрасте, думала она?

В свои двадцать три года Мария так и не познала еще, что такое любовь. Она была, правда, однажды еще в десятом классе влюблена в Сергея – парня, который ухаживал за ее старшей сестрой. Но вскоре сестра вышла за него замуж, и они уехали, кажется, в Якутию, куда его направили по назначению после окончания Горного института. Эта первое платоническое чувство как-то заблокировало эмоции Марии, сравнение сверстников с тем, кто для нее так и остался сказочным принцем, всегда оказывалось не в их пользу.

Выйдя на берег, Дмитрий и Мария разговорились. Оказалось, что Мария остановилась в той же гостинице, что и Дмитрий. Они договорились встретиться в вестибюле через полчаса.

Когда Дмитрий минут через двадцать спустился вниз, Мария уже ждала его, стоя у большого, во всю стену зеркала. Идя ей навстречу, он, увидев себя в зеркале, подумал, оценивая: «Издали я выгляжу всего лет на тридцать пять! – подумал он про себя. – Не так уж плохо для сорока двух!»

Мария была одета в коротенькую юбочку, которая открывала ее стройные, по-спортивному сильные ноги. Кофточка с короткими рукавами стягивала грудь, образуя чарующую

ложбинку, а снизу также плотно облегла тело, подчеркивая тонкую красивую талию, переходящую в крутые бедра. Дмитрий сразу же отметил все внешние достоинства Марии. «Эх, к такому платью бы да еще бы голову!» – вспомнил он Маяковского. Впрочем, он ничего еще о ней не знал, может, Мария является не только обладательницей прекрасной фигуры?

Они пошли по набережной. Она взяла его под руку, он согнул руку в локте и почувствовал ее пальцы на своей руке. По его телу от точки, где лежала ее рука, разливалось блаженное тепло. «Ну, этого только не хватало!» – подумал Дмитрий. – Не хватает мне еще вляпаться в любовную историю!»

«Дмитрий... А как ваше отчество?» - спросила его Мария.

«Ну, какое там отчество! Зовите меня просто по имени».

«Ну, хорошо. Тогда можно я буду звать вас Митей?»

Тут Дмитрий невольно посмотрел на нее, что Мария сразу заметила.

«Я что-нибудь не то сказала?» – спросила Мария, заглядывая на него сбоку.

«Нет, нет! Просто когда я был совсем маленьким, так меня называла моя мама. И больше никто никогда так меня не называл!»

«Ну, вот вы и будете опять Митей, как в детстве!» – весело сказала Мария.

Они начали обсуждать, куда пойти. Мария предложила для начала пойти в Никитским ботанический сад, который она очень любила. Она тут же проявила совершенно профессио-

нальное знание сада, рассказав Дмитрию массу интереснейших вещей: что «Эконом-ботанический сад» был основан 1812 году; что называется он Никитским, поскольку место его было выбрано близ деревни Никита в девяти километрах от Ялты; что в коллекции сада более тысячи различных видов растений со всех материков; что достопримечательностью парка является дерево дикой фисташки, которому более тысячи лет; что самое крупное дерево сада – гигантская 35-метровая секвойя...

Дмитрий с удивлением посмотрел на Марию, спросив, откуда она столько знает об этом Ботаническом саде. Та ответила, что она учится на журналистике в МГУ и сейчас готовит два материала для дипломной работы, одним из которых является Никитский сад, а вторым – интервью, которое она должна провести в понедельник-вторник.

Они поймали такси и поехали в Ботанический сад. Таксист гнал лихо. На поворотах Марию буквально кидало на Дмитрия. Она смущалась, все время извинялась, от волнения разругнилась, что ей было к лицу. Дмитрий же получал от всего этого просто наслаждение: близость молодого упругого девичьего тела буквально опьяняла его.

Вот они и приехали. Выйдя из такси, Мария снова взяла Дмитрия под руку. Она чувствовала какую-то дрожь по всему телу. Она не могла понять, что с ней творится, ей вдруг нестерпимо захотелось прильнуть к этому сильному мужчине, захотелось почувствовать его руки... Она, повинувшись какому-то необъяснимому импульсу, как маленькая девочка, обхватив его руку обеими своими руками и повернувшись к нему

вполоборота, продолжала рассказывать про Никитский сад. При этом с каждым ее шагом Дмитрий ощущал прикосновение ее пружинящей молодой груди к своему предплечью... Он испытывал истинное блаженство, ему хотелось, чтобы эти мгновения продолжались и продолжались...

Они ходили по дорожкам сада, но, казалось, не обращали внимания на окружавшие их красоты. Они были поглощены друг другом, и каждый открывал для себя все новые и новые притягательные стороны другого. В основном, разговор вертелся вокруг литературы и искусства. Мария очень любила Цветаеву и Пастернака. Они сели на скамейку, и она читала ему одно стихотворение за другим. Читала она хорошо, будто делилась своими сокровенными мыслями. Он отметил про себя, что редко кто умеет читать стихи так естественно, без всякого натужного артистизма.

Он, будто невзначай, заметил, что и сам немного пишет стихи. Он знал, что стихи у него неплохие, почти профессиональные, хотя он никогда не пытался печататься. Себе он признался тут же, что ему хочется перед этой юной красавицей чуть-чуть порисоваться и распустить немножко этакий павлиний хвост. Пусть не подумает, что он только в волейбол играть умеет.

Он прочитал ей одно стихотворение, которое очень нравилось Люсе, и которое он сам находил одним из наилучших. Стихотворение было грустным, оно было написано в раннюю пору их любви с Люсей, когда вдруг какая-то черная кошка пробежала между ними. Мария слушала, опустив голову. Когда он закончил читать, она подняла лицо с глазами, застланными слезой, и вдруг порывисто притянула его к себе

и на какое-то мгновение крепко прижалась сомкнутыми губами к его щеке. Потом она резко вскочила со скамьи, отпрянула в сторону и, отвернувшись от Дмитрия, зарылась лицом в ладоши... Дмитрий поднялся, обнял сзади ее за плечи и стал успокаивать, говоря какие-то бессмысленные слова. Мария повернулась к нему и уткнулась ему в грудь своим лицом. «Митя, Митенька, прости меня, что я не удержалась... Но это такое стихотворение... Я чувствовала, что ты какой-то необычный... Но это... Но это...» Она даже и не заметила, как перешла с ним на «ты».

Дмитрий никогда не ощущал своих сорока двух лет, но сейчас, держа в руках красивую двадцатилетнюю девушку, он и вовсе почувствовал себя молодым и сильным. Вдруг где-то в подсознании вспыхнула мысль, что он делает что-то не то. Он отстранился от Марии и сказал ей, что пора уже возвращаться в город. Мария будто ждала, что он поступит именно так. Она перешла опять на обычный дружеский тон и предложила вернуться в Ялту на катере, с которого можно увидеть всю красоту Крыма. Так они и сделали.

Когда они сели на верхней палубе, им в лицо бил прохладный ветерок. Мария поёжилась от холода. Дмитрию очень хотелось обнять ее и согреть своим теплом, но он удержался, просто снял свою спортивную курочку и накинул ее на плечи Марии. Та благодарно ему улыбнулась и уткнулась носом в воротник куртки. Она наслаждалась, вдыхая тот особый запах, которым пахнут только любимые люди. Она поняла, вернее, почувствовала, что влюблена. Влюблена впервые в жизни по-настоящему. Это был не тот платонический порыв, который она

испытывала к Сергею. Она почувствовала неодолимое плотское влечение. Как это ни странно, с ней такого не случалось, хотя ей было уже целых двадцать три года! Все ее подружки давно уже попереспали со своими мальчиками, но никто из них ни разу не произнес и слова о любви. А вот она, Мария, почувствовала себя счастливой, потому что всю ее наполнило необыкновенное чувство всепоглощенности Митей, новым, еще неизведанным желанием быть с ним, слышать его голос, любоваться им...

Когда они уже подплывали к пристани, Мария спросила Митю, не почитает ли он ей еще своих стихов. Договорились посидеть в парке перед гостиницей, где было небольшое кафе.

Минут через пятнадцать они уже были в холле гостиницы и разошлись по номерам, договорившись встретиться минут через тридцать.

Через двадцать минут Дмитрий, желая придти на свидание первым, спускался по лестнице. Но выйдя в холл, он увидел, что Мария и на этот раз опередила его: она стояла на том же месте около зеркала, как и в прошлый раз. Увидев его, она улыбнулась, не скрывая своей радости.

Они вышли на улицу, подошли к кафе и сели за один из столиков, стоявших между деревьями. Дмитрий пошел к буфету и вернулся с какой-то легкой закуской и бутылкой ново-светского шампанского. Солнце садилось, стало заметно холодать. Когда Дмитрий накинул ей на плечи свою курточку, Мария предложила просто пойти в гостиницу, например, к ней в номер, и посидеть там. Митя купил в буфете еще одну бутылку шампанского и, забрав ее с собой, они пошли в гостиницу.

Оказалось, что Мария живет выше этажом, в угловом номере с небольшим балкончиком, с которого открывался чудесный вид на море.

Они откупорили шампанское, разлили его по тонким чайным стаканам, которые стояли на умывальнике, и стали неспешно потягивать пенящийся напиток. Дмитрий начал читать стихи, тщательно фильтруя их, чтобы опять не привести Марию в слишком эмоциональное состояние. Прочитал он ей и свой цикл стихов, посвященных французским импрессионистам, которых, оказывается, Мария боготворила. Здесь опять она как-то погрузилась в себя, притихла.

Закат уже догорел, наступали быстрые южные сумерки. Мария и Митя вышли на балкон полюбоваться фантастической игрой красок умирающего дня. Он прислонился спиной к стене, она стояла перед ним, почти касаясь своей спиной его груди. Вдруг она отклонилась и облокотилась на него, как на стену. Он тихонько взял ее за плечи, чувствуя, как она дрожит всем телом. Он понял, что это не была дрожь от холода, хотя на улице и, правда, уже похолодало...

Она повернулась к нему, глаза ее были замурены, рот слегка приоткрыт. Дмитрий, теряя голову, тихонько наклонился и нежно поцеловал ее в губы, она ответила, и вот они уже слились в долгим и головокружительном поцелуе. Тело ее обмякло, ноги у нее подкосились. У него мелькнула шальная мысль – подхватить ее на руки...

Через несколько мгновений Мария пришла в себя, отстранилась от Дмитрия, одернула кофточку и сказала: «Митя, пойдем лучше допьем шампанское...»

Они долго молчали, как бы приходя в себя после случившегося эмоционального потрясения. «Ты совсем, совсем не похож ни на кого... – Помолчав сказала Мария. – Ну, что – до завтра?» Он поднялся, поняв, что «прием окончен». Она проводила его до двери. Тут он остановился и, наклонившись, нежно поцеловал пальцы поданной ему для прощального рукопожатия руки. Она легонько потрепала его волосы. Он быстро выпрямился и вышел из ее номера.

Мария закрыв дверь, прислонилась к косяку. В ее груди разлилось какое-то томление и ощущение чего-то небывалого. Потом она разделась, юркнула под одеяло, но долго не могла заснуть: она продолжала явственно ощущать Митины губы и его сильные руки вокруг своего тела.

4.

У себя в номере Дмитрий ходил из угла в угол, как тигр в клетке. Его захватило сильное, неведомое ему чувство. Это было что-то новое, сильное и необычное...

Он попал в какой-то капкан: умом понимал, что у него нет никого ближе и роднее Люси, но в то же время Мария стала ему просто необходима... Ему было нужно видеть ее каждый миг, касаться ее одежды, слышать ее голос... Он не мог ничего с собой поделать...

Вдруг, будто отрезвев, Митя решил: нет, надо обуздать себя, пока это не зашло слишком далеко. Что за мальчишество? Да он в два раза старше ее. Он ей в отцы годится! Это, в конце концов, просто глупо!

В понедельник и вторник он будет целый день на конференции, а у Марии какое-то интервью с кем-то. Они остынут, успокоятся... Потом он вернется домой... Он убеждал себя, а в его голове, будто сам по себе, независимо от его воли, возникал образ Марии.

Подойдя к телефону, Дмитрий набрал Москву. Трубку моментально сняла Люся, будто ждала его звонка. Она стала говорить, как ей тоскливо без него, рассказала про дежурство в больнице, где вполне могли обойтись и без нее, жалела, что она не поддавалась уговорам Димы поехать в Ялту... Дмитрий что-то отвечал невпопад и невнятно. Разговор не получился, и Люся деликатно прекратила его, попросив завтра опять позвонить.

После разговора с Люсей на душе у Дмитрия стало совсем омерзительно. Он ругал себя последними словами, все его угрызения совести пересиливало чувство отчаяния: он разрывался на части, он понимал, что запутался в своих чувствах.

С одной стороны, это завораживающее чувство, которое буквально вдохнуло в него забытую уже юность... А в то же время – то прекрасное прошлое, которое ему подарила Люся, две его дочки... Какое же у него будущее? Ведь без прошлого в жизни не может быть счастливого будущего... Нет, нет и нет! Надо выбросить из головы эту очаровательную девочку: на курортный роман он не способен, это было бы против всех его жизненных принципов...

И все же сквозь чувство вины и раскаяния, заслоняя всё, проступало прекрасное лицо Марии, явственно ощущалось прикосновение ее

губ, чувствовалось тепло ее тела... Это было какое-то наваждение!

Он лег спать, но долго не мог сомкнуть глаз. Ночью он несколько раз просыпался от страшных снов – ему виделось, как он стоит на краю глубочайшего каньона с Марией, а на другом краю стоит Люся. Он шагает ей навстречу и падает с обрыва в глубокую темную пропасть...

Утром Дмитрий подумал, что если бы Люся поехала с ним, ничего бы не случилось. Не было бы этого крушения жизни, не было бы этих невыносимых терзаний, этого состояния психологического раздвоения...

И с настойчивостью дятла, долбящего кору, в его голове невольно звучали кочетковские строчки:

С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них, -
И каждый раз навек прощайтесь,
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг!

Он с каким-то отчаянием думал про Люсю, будто рвался к ней душой. Но тут же перед ним возникал образ Марии, юной и обаятельной. И опять его мятущаяся душа не давала ему покоя...

Спускаясь вниз по лестнице, Дмитрий загадал, что если он не встретит сейчас Марию, то он решительно, любой ценой оборвет свои с ней отношения. Но решивши так, он тут же захотел, чтобы она оказалась внизу, чтобы они не-

пременно встретились... Он не мог себе даже представить, что не увидится с ней в этот последний день перед неизбежным расставанием.

Он чуть не вскрикнул от радости, когда увидел Марию, стоящую на том же самом месте, что и в прежние разы. Сердце его бешено заколотилось от радости, от восторга, что – вот она, он снова видит ее! Она импульсивно метнулась ему навстречу, но потом сконфузилась и смущенно сказала: «А я вот тут стою на всякий случай, вдруг ты появишься...» – «И давно стоишь?» – «Да нет, всего минут сорок...»

Он подумал: «Значит судьба! Да я ведь, честно говоря, и хотел этого!»

Они опять провели весь день вместе. Дима повел ее в необычный ресторан «Ласточкино гнездо», потом они исколесили все улочки, большие и малые, наконец, поужинав уже на скорую руку, они пошли в сторону гостиницы.

«Митя, а почему бы нам не повторить вчерашний вечер? А то ты говоришь, что, начиная с понедельника, у тебя будет напряженная работа, да и мне предстоят нелегкие деньки...»

Улицы опять стали быстро погружаться в ароматную тьму южной ночи. Они зашли в то же кафе около гостиницы, купили две бутылки полусухого шампанского и направились в гостиницу. Договорились, что Дмитрий придет к ней минут через двадцать. Когда он пришел к ней бутылками шампанского, то сразу же заметил, что Мария хорошо подготовилась: на настольную лампу была накинута рисунчатая шелковая шаль, создававшая в комнате приятный полумрак, на журнальном столике около дивана уже стояли два тонких стакана, в вазе лежали фрукты.

«Когда же она успела сбегать за фруктами? – Подумал Дмитрий. – Наверное, с самого раннего утра».

Комната была наполнена тихими звуками, которые лились из профессионального журналистского магнитофона. Это была чарующая мелодия из фильма «Мужчина и женщина», весьма популярного лет пятнадцать тому назад. Дмитрий очень любил эту грустную мелодраматическую историю. Он пытался припомнить, имя композитора. «Я очень люблю Френсиса Лея, – сказала Мария, как бы угадывая вопрос Мити. – У него такая тонкая лирическая грусть... Как у тебя в том твоём стихотворении...»

Они опять вышли на балкон. Постояв немного, они вернулись в комнату, сели на диван у журнального столика. Дмитрий налил шампанского. «За тебя!» – сказала Мария. «За тебя!» – ответил ей Дмитрий. Она пригубила свой бокал, поставила его на журнальный столик, стоявший перед диваном, и положила свою ладонь сверху на Митину руку. «Мне очень хорошо с тобой, Митя... Пожалуйста, не подумай, что я решила завести пляжный роман... У меня ощущение, что ты – это судьба...»

Митя промолчал, не зная, что на это ответить. У него защемило сердце от нежности к Марии и понимания несбыточности мечты. Они сидели, молча и не двигаясь. После долгой паузы, Мария вдруг встала с дивана и сказала: «Митя, пригласи меня, пожалуйста, танцевать». Дмитрий поднялся, картинно по-гусарски щёлкнул каблуками, как бы подкрутил несуществующие усы и произнес: «Мадемуазель, позвольте пригласить вас к танцу!» Они оба рассмеялись, она подошла к нему, сделала легкий книксен, и

они начали танцевать медленное танго. Она прильнула к нему, они растворились друг в друге. В нем опять проснулось неодолимое, безумное желание... Она обняла его за шею, и прижалась к нему всем телом. Он чувствовал через тонкую блузку налившиеся бутоны ее сосцов...

Она наклонила его голову к себе и сначала тихонечко поцеловала его в губы. «Я люблю тебя... Я люблю тебя...» – прошептала она и начала целовать его страстно и безудержно... Вдруг кто-то из них споткнулся – то ли он, то ли она – и они упали на кровать. Чувствуя под собой ее тело, Митя бессвязно бормотал какие-то слова: «Не надо, не надо... Мы сходим с ума... Нужно остановиться...». «Нет, надо, надо... – отвечала ему она. – Глупенький мой... Не бойся, не бойся...». И они погрузились в пьянящий танец любви...

5.

Когда они очнулись, уже светало: короткая летняя ночь промчалась, как одно мгновение. Он лежал на спине, а она, наклонившись над ним, ладошкой водила по его щеке. Дмитрий впал в отчаяние: Мария оказалась девушкой, девиственницей. Он чувствовал себя почти преступником.

«Машенька... – начал он, забыв о ее просьбе называть ее только “Мария”. – Дорогая ... Любимая...»

«А ты знаешь, меня Машенькой называла моя мама... Она умерла два года назад... Кажется, что это было так давно...» – задумчиво и вроде бы невпопад сказала Мария.

«Машенька, Мария!.. Я чувствую себя последним подлецом». - «Глупенький, совсем как маленький мальчик! Ты сделал меня счастливой. Сколько женщин проживают длинные жизни и никогда не получают того, что дал мне ты». – «Я старый, мне уже сорок два... Я вдвое старше тебя!» – «Дурачок, разве возраст человека определяется прожитыми годами? Ты для меня всегда будешь самым молодым и самым красивым. Ты в душе моложе, чем все эти сопляки, которые окружают меня в моей каждодневной жизни!» – «Но я не смогу быть с тобой! Я женат, у меня умная и добрая жена, я ее очень люблю. У меня две дочки твоего возраста!» – «А я и не хочу отнимать тебя у твоей семьи. Я хочу любить тебя. И просто буду любить тебя всю жизнь».

Он лежал, и ком в горле не позволял ему произнести ни единого слова. Он чувствовал, как предательская слеза стекает из уголка глаза...

Мария приблизилась к нему и стала целовать, целовать, целовать – в глаза, в щеки, в переносицу, в лоб – утешая его, как ребенка: «Ну, не надо, на надо... Успокойся... Все будет хорошо... Я обещаю тебе – все будет хорошо...»

Он обнял ее сильно-сильно. Мир опять растворился в окружавшей их тьме.

Когда настало время ему уходить, он начал одеваться. Он уже намеревался подойти к кровати и поцеловать Марию на прощанье. Но она встала с кровати и подошла к нему сама. Она была безумно красива и так безумно молода! Уже совсем светало. Она стояла обнаженная на фоне балконной двери, практически виден был только силуэт ее фигуры. Она была похожа на античную амфору.

Она стояла перед ним нагая, и в этой наготы была такая чистота, такая святость, было столько доверия к нему и столько открытой любви, что Дмитрия в очередной раз пронзила боль от чувства нереальности всего происходящего. Она приблизилась к нему, обхватила его за шею и на этот раз как-то осторожненько поцеловала.

6.

Несмотря на бессонную ночь, Дмитрий выглядел к пленарному заседанию, как огурчик. Когда председатель конференции представил его присутствовавшим, раздались, как тогда шутили, передразнивая официозную прессу, «бурные, долго несмолкающие аплодисменты». После этого состоялась процедура вручения академику Дмитрию Владимировичу Алёхину Золотой Медали Международного Биологического общества за успехи в науке, а затем последовал пленарный доклад, который делал Дмитрий. Он вышел на сцену, включил проектор и положил на него первый слайд. Рассказ о своем основном «открытом» научном результате он начал, как всегда, уверенно и артистично. Дмитрий не любил заранее заготовленных речей, да даже и не умел их произносить: ему гораздо лучше удавались экспромты. Он умел держать аудиторию в напряжении, делать необходимые паузы, вставлять для разрядки подходящие к случаю анекдоты и шутки. Как всегда, налаживая контакт с залом, он ходил по сцене, обращая то к одному крылу аудитории, то к другому.

Вдруг он сбился с речи, растерялся, потом, чтобы выиграть время, пошел к столу президиума и попросил воды. Он не поверил своим

глазам: в пятом ряду около бокового прохода сидела Мария и держала в руке микрофон, подсоединенный к тому самому магнитофону, который звучал вчера, когда они танцевали...

Быстро придя в себя, Дмитрий продолжал доклад, хотя та всегда присутствующая ему легкость, так и не вернулась...

После доклада в перерыве к нему подошла Мария и официально представилась, сказав, что у нее задание от редакции газеты «Известия» взять у него интервью. Он оценил ее деликатность, что она ничем не показала их знакомства, и ответил, что после перерыва будет готов уделить ей время.

Когда настало время перерыва, участниками конференции поднялись на крышу гостиницы, где были расставлены столики и стояли титаны с горячим кофе и чаем. Там же оказались и Мария с Дмитрием.

Когда перерыв закончился, и прозвенел звонок, все пошли по своим местам, а Мария с Дмитрием остались одни, если не считать официантов, которые суетились вокруг, убирая посуду.

* * *

«Когда я тебя увидела на сцене и поняла, что ты-то и есть Дмитрий Владимирович Алёхин, я чуть не потеряла сознание!» – немножко напряженно, с нервным подхихикиванием сказала Мария.

«А я так просто потерял дар речи, когда увидел тебя с микрофоном!..» – в свою очередь отпарировал Дмитрий.

«Если бы я знала, что это ты...»

«А если бы я знал бы, что ты знаешь, — ответил ей Дмитрий, — то тогда произошло бы ужасное — между нами ничего бы не было!»

Они оба засмеялись. Напряжение было снято. Они договорились, что никакого интервью не будет, Мария просто даст ему список вопросов, на которые тот ответит письменно во время вечернего заседания.

Вечером они опять договорились провести время вместе. Когда Дмитрий пришел в свой номер переодеться, зазвонил телефон. Это звонила Люся... Он с ужасом вспомнил, что забыл вчера позвонить Люсе. Она сказала, что не могла застать его весь прошлый вечер в номере. Он соврал, что ездил на экскурсию в Гурзуф и вернулся уже к полуночи. Когда Люся заметила, что последний раз она звонила около двух часов ночи, Дмитрий начал что-то мямлить. Но Люся слишком хорошо его знала: он не умел врать, поэтому, решив не ставить его в дурацкое положение оправдывающегося, она быстро свернула разговор.

Дмитрий чувствовал себя потерянным, уничтоженным, ничтожным... Он вышел из номера и пошел в вестибюль гостиницы, где они договорились встретиться с Марией. Он не мог найти управы на обрушившуюся на него лавину противоречивых чувств.

Увидев Марию, Дмитрий забыл все, вернее, он выбросил все из головы и целиком отдался обрушившейся на него волне безрассудства жизни.

Они опять провели безумный вечер и безумную ночь. Только под утро Дмитрий со-

брался пойти в свой номер побриться да сменить рубашку. Он встал и начал одеваться.

«Митя, ты когда летишь в Москву? В пятницу? Давай поедem вместе поездом в четверг? Купим билеты в СВ и проведем вместе еще один день, хорошо?» – спросила Мария. Дмитрий молчал.

«Нет, Машенька... Я не могу... Я полечу в пятницу. Меня будет встречать жена... Она знает о моем рейсе».

Этот разговор вернул его к реальности: «Пройдет и это»... Ему вспомнились всегда казавшиеся грустными слова, начертанные, по преданию, на кольце Царя Соломона... Пауза затянулась...

«Ну, хорошо, хорошо, мой любимый, ты полетишь в пятницу... А я полечу в четверг, как и собиралась... Мне же нужно сдать материалы в редакцию до конца недели. Но ты проводишь меня, хорошо?»

7.

В четверг Дмитрий провожал Марию в аэропорт, наплевав на все заседания. Они сели в такси и поехал в Симферополь. Долгая дорога показалась им ужасно короткой. Они сидели на заднем сидении и бессовестно целовались, не обращая внимания на шофера. Они шептались друг другу какие-то безумные слова...

Уже в аэропорту после регистрации, они обнялись и слились в долгом поцелуе. Потом Мария резко повернулась и почти побежала на посадку.

Она нашла свое место у окна и, отвернувшись ото всех, сидела, беззвучно плача. Что-то оборвалось в ее жизни, на нее навалилось чувство страшного отчаяния... К этому добавилось непонятно откуда выросшее чувство, что она больше никогда, никогда уже не увидит Митю... У нее защемило сердце.

В это время самолет, набрав скорость, оторвался от земли. Мария уперлась лбом в холодное стекло иллюминатора. Вот уже самолет начал пробивать низкие облака. Их рваные клочки мелькали перед глазами, земля вскоре совсем скрылась из глаз...

Мария ощутила такую гнетущую, такую беспросветную тоску...

* * *

Дмитрий взял такси и поехал обратно в Ялту. Он сидел на заднем сиденье, откинув голову и закрыв глаза. Перед его глазами вставали, чередуясь, картинки из прошлого. Он поймал себя на мысли, что последние четыре дня занимали в его воспоминаниях едва ли не половину всей его прожитой жизни. У него не было чувства вины перед Люсей в том обыденном смысле. Ему было мучительно горько, что он одним махом разрушил хрустальный дворец своей счастливой семьи... Он был в отчаянии... Он разрывался на части. Он чувствовал себя предателем и подлецом. Как жить дальше с таким грузом? Ведь он предал не только Люсю, но и себя самого...

Он приехал в Ялту уже почти под вечер.

Он пришел в гостиницу, в свой номер, но не находил себе места. Он вышел из номера и пошел к морю. Закатное небо уже сильно по-

багровело и занимало уже довольно узкую полосочку на горизонте. Спокойное и беззаботное море ласково лизало берег.

На юге быстро темнеет... Вот уже безлунный небосвод слился с морем в одну черную бездонную бесконечность... Только робко подмигивали рассыпанные по небесной сфере алмазики маленьких звезд.

Эта темнота и эта звенящая тишина совсем повергли Дмитрия в полное отчаяние. У него вдруг возникла мысль, что его жизнь вот так же, как этот закат закончилась... На него навалилась какая-то нечеловеческая усталость. Он стоял, глядя в темное никуда.

Вдруг он решительно повернулся и пошел в сторону гостиницы. Поднявшись в свой номер, он сел на диван к телефону, набрал московский номер, но, не дождавшись звонка, нажал на рычаг. Что он скажет Люсе?! И тут же его пронзила боль: он буквально физически ощутил отсутствие Марии. Он опять встал и начал мерить шагами комнату.

Пересилив себя, он все же позвонил в Москву. Люся будто ждала его звонка. Она спросила: «Ну, как ты, Дима?» Он был спокоен и, сказав ей только: «Я люблю тебя... Я очень-очень тебя люблю...» – и, не дожидаясь ее ответа, повесил трубку. Потом он опять снял трубку телефона и положил ее рядом с телефоном. Дмитрий переоделся в спортивный костюм, открыл дверь, но вдруг неожиданно вернулся и взял полотенце из ванной комнаты, прежде чем выйти из номера.

Выйдя из гостиницы, он опять пошел к морю. Как и прежде, пляж был абсолютно пуст.

Дмитрий разделся, вошел в воду. Нагревшись за день вода ласкала его ноги. Он, сделав пару быстрых шагов, нырнул и поплыл. Он плыл и плыл навстречу тьме, будто мягко падая в глубокую черную пропасть. Было совершенно безветренно, гладь воды была спокойна, будто это было не море, а озеро. Он плыл и плыл вперед. Спустя какое-то время он обернулся назад: огоньки на берегу стали малюсенькими.

Он глубоко, как только можно, вдохнул и нырнул, уходя все глубже и глубже в воду. Глубже, глубже, глубже... Уже начало стучать в висках и почувствовалась боль в барабанных перепонках.

Ну, еще, еще!.. А потом сделать так, как сделал когда-то его любимый герой... Он выдохнул воздух. Он знал, что теперь его инстинктивно борющееся за жизнь тело уже не сможет добраться до поверхности... Резкое удушье сменилось каким-то ударом, и тьма, окружавшая его, вспыхнула на мгновение ярким-ярким светом...

8.

Люся пыталась перезвонить Диме, но телефон в гостинице был занят. Она знала, что завтра, в пятницу, он прилетает. Тем более странным показался ей этот звонок. Ей стало почему-то очень беспокоино. Она была дома одна: Цилия Аароновна была на даче у своей подруги, а девчонки умотали со своими друзьями в автомобильную поездку по Золотому Кольцу. Люся почему-то была почти уверена, что произошло что-то... И что-то очень серьезное. «Роковые сороковые»?.. Но это на Дмитрия совершенно не похоже. Она верила ему, как самой себе. Да нет, это невозможно! За все долгие годы совместной жизни между на их небосклоне не возника-

ло даже малейшего облачка... Ну, были иногда несерьезные обиды, которые на следующее же утро забывались.

И все же у нее защемило сердце. Она выпила капель Вотчила, но облегчение не приходило. В пустом доме тягостное напряжение нарастало. Она поискала снотворное, выпила его и заснула.

На следующий день, она, не дождавшись звонка от Дмитрия, поехала в Домодедово. На прибывшем точно по расписанию рейсе Дмитрия не оказалось. Прождав больше часа, Люся метнулась домой. Позвонила Дмитрию на работу, там тоже никто ничего не знал.

К вечеру зазвонил телефон, Люся бросилась к нему в надежде, что это звонит Дмитрий. Но звонили из Академии наук: из Ялты сообщили, что было обнаружено тело Дмитрия Владимировича Алёхина, утонувшего во время ночного купания.

Люся уронила трубку... Из трубки звучали частые гудки отбоя.

Не хватало воздуха, в глазах потемнело. Люся пошла к окну, чтобы распахнуть его, но ее грудь пронзила резкая обжигающая боль...

Эпилог

Друзья, провожая Диму с Люсей в последний путь, говорили: «Да, прожили они жизнь прямо, как в той сказке: жили счастливо и умерли в один день. Жаль только, что прожили недолго...»

САД КАМНЕЙ

Я встретил Дэвида на конференции по искусственному интеллекту, которая проходила в Москве в мае месяце. Собственно говоря, я от тематики конференции был весьма далек: даже однажды неудачно пошутил в кругу друзей, которые были специалистами в этой области, что, мол, на черный день сойдет и искусственный интеллект, если естественного не хватает. Положенную долю презрения с их стороны я получил и боле не острял на эту тему.

Если сказать по-честному, я немного волновался перед конференцией. И не потому, что мое коротенькое сообщение было, мягко говоря, не по теме конференции, а потому, что я впервые участвовал в работе конференции, на которой были иностранцы. Дело в том, что я тогда работал в «дремучем» почтовом ящике, откуда, как шутили сослуживцы, не выпускали даже за пределы Садового кольца. А меня через месяц посылают на конференцию уже по моей тематике и не просто «за пределы Садового кольца», а прямо в логово международного империализма — в США! Я должен был лететь в Бостон на Меж-

дународную конференцию по теории информации, а на эту конференцию, которая проходила в Москве, меня послали, чтобы я хоть немного «акклиматизировался».

О Бостоне у меня представления были весьма смутные: из истории знал про Бостонское чаепитие, а из институтских вечеринок — про вальс-бостон, танцевать который, правда, не только не умел, но никогда даже и не пытался.

Поэтому, когда в регистрационном листе я увидел имя Дэвида Сальцмана из Бостонского Массачусетского Технологического Института, то у меня даже сердце ёкнуло: во-первых, это был *тот самый* Сальцман — один из американских «китов» в области теории информации, а во-вторых, оказалось, что он как раз из Бостона. Вот везуха!

Я знал, что работая в почтовом ящике, я не имел права на общение с иностранцами, поэтому заранее взял «индальгенцию» у кегебешного куратора нашего института, попросив разрешения задавать вопросы иностранным докладчикам. Он сказал, что, мол, давай — тренируйся! Так что алиби у меня было.

Я пошел на ту секцию, где делал доклад Сальцман. После доклада, я подошел к нему в числе прочих охочих поглазеть на живого американца, задавал какие-то вопросы по делу и удостоился его визитной карточки.

Из карточки следовало, что был он Директором Вычислительного Центра Массачусетского Технологического Института, который известен всем просто как «Эм-Ай-Ти». Имя Сальцмана было у нас хорошо известно по публикациям в престижных американских журналах: он

стоял у истоков нескольких научных направлений, в том числе и того, которым занимался я сразу после окончания института

На следующий день я был приятно удивлен, увидев Сальцмана на моем докладе: было очень лестно видеть живого классика, внимательно слушающего переводчика. Я даже начал контролировать свою речь: обычно я выступаю свободно, без шпаргалок, люблю, когда из зала задают вопросы. Это делает доклад трудным для синхронного перевода. На этот раз я обуздал себя и следил, чтобы у переводчика не возникало трудностей с переводом.

После моего доклада Сальцман поддержал легкие традиционные аплодисменты, которыми завершались все доклады, и при этом даже как-то одобрительно покивал головой.

* * *

Месяц пролетел быстро. И вот после перелета Москва – Париж – Нью-Йорк – Бостон, советская делегация – мы с моим приятелем физтехом Колей Буньковым, возглавляемые некой «темной лошадкой» (наверняка, «оттуда») – оказались в том самом всемирно известном Эм-Ай-Ти!

Разместили нас в студенческом общежитии, из окон которого бы виден почти весь студенческий городок. Прямо напротив моего окна открывался вид на удивительное здание, представлявшего собой стеклянную полусферу, усеченную тремя вертикальными плоскостями. Нам объяснили, что в этом здании и будет проходить конференция.

Из номера гостиницы я сразу же позвонил Дэвиду в Вычислительный Центр и на чис-

тейшем английском языке с чистейшим американским акцентом попросил секретаршу соединить меня с профессором Дэвидом Сальцманом. (Тогда-то я даже и не подозревал, сколь ужасен мой английский! Даже и сейчас, спустя семь лет после моего переезда в США, я говорю на таком языке, что понимают меня, в основном, только японцы и индусы...)

Подошедший к телефону Сальцман сказал, что как же, как же, он, конечно, помнит меня и мой доклад в Москве, и что с удовольствием встретится со мной минут через 20-25 у меня в номере.

Теперь я понимаю, что русские в Америке тогда были такой же диковиной, как и американцы в России. Сейчас, я думаю, такой чести в Америке не был бы удостоен не только какой-то несчастный кандидатишка, но и вполне солидный русский ученый.

Через положенные двадцать минут Сальцман в подтверждение пресловутой американской точности (теперь, пожив изрядное число лет в Америке, я в нее не верю!) уже легонечко стучал в дверь моего номера. Мы сидели вдвоем с Колей, радуясь случаю, что наш «охранник» расслаблялся с бутылкой водки. Дэвид, войдя, радушно приветствовал меня, дружески похлопав по плечу, как старого знакомого, а Коле представился и вручил ему свою визитку. Он тут же сказал мне, что познакомился с моей статьей, представленной на конференцию, и заметил: «Знаете, мне показалось, что ваши теоретические изыскания очень близки к моим, и я даже думаю, что вы, как и я, тоже занимаетесь криптографией для сетей управления баллистическими ракетами».

От неожиданности у меня и у Коли челюсти отвисли – уж вот этого никто не должен знать! Но я быстро пришел в себя и пошутил, что мы, советские, криптографию применяем почти везде и почти всегда, даже когда посылаем сводки об уборке урожая в дождливые годы. Сальцману, судя по его ухмылочке, понравилась моя диссидентская шуточка, а Коля с облегчением вздохнул, оценив мою быструю реакцию: он-то знал, в каком институте я работаю! Я не растерялся и подал Дэвиду визитку, сделанную по рекомендации КГБ: на ней был адрес института Академии Наук, который служил моей официальной крышей. Закончив короткий визит, Дэвид пригласил нас с Колей посетить его Центр.

И вот мы, сбежав с какого-то скучного доклада, созвонившись с Дэвидом, направились в его Центр. Я заранее прихватил с собой традиционную матрешку и альбом цветных фотографий с видами Москвы, чтобы преподнести сии подарки Дэвиду в более торжественной обстановке.

Центр, которым руководил Дэвид, находился в небольшом двухэтажном здании, обвитом буквально «с ног до головы» (а как еще сказать иначе?) плющом. Это было очень красиво и очень необычно – окна здания и выглядели, как квадратные глазища какой-то лесной кикиморы.

Когда мы открыли входную дверь, нас встретил мужчина, у которого по понятным причинам немного оттопыривался пиджак сзади – знакомая картина по посещениям отечественных кегбешных фирм. Мы представились и нас любезно проводили на второй этаж, где располагался кабинет руководителя Центра. Когда мы

вошли, я преподнес Сальцману свои более чем скромные дары, но его восторгу не было предела! Он стал восторженно говорить о русской культуре, о Большом театре, в котором ему удалось побывать, о «Пускин музием», о Кремле. Он говорил, что мечтает побывать в Советском Союзе еще раз, но уже туристом, добавив, что его жена также мечтает побывать в Москве. Оказалось, что Эстер – так звали жену Дэвида – считает Россию родиной предков: ее бабушка родилась в Белоруссии под Пинском в бедной еврейской семье, которая бежала еще до революции от погромов. Конечно, Белоруссия – не Россия, Пинск – не Москва... Видимо, родиной предков она считала Российскую Империю, превратившуюся в Советский Союз!

После этого коротенького разговора Дэвид сел за свой стол, нажал на кнопку, и через минуту появилась его секретарша – длинноногая блондинка в мини и с не слезающей с лица улыбкой. Дэвид ей что-то вполголоса сказал, и через пару минут та принесла нам на серебряном подносыке три чашки, кофейник, сахарницу и какие-то крендельки.

Ох, как я тогда презирал эти неискренние американские улыбки! Только теперь, живя в этой стране уже много лет, я понял, что это привычка, привитая с детства. Сколько раз я видел детишек даже в колясочках, которые машут тебе ручонкой и говорят «хай»... А даже на улицах городов (исключая, правда, москвообразные монстры типа Нью-Йорка и Лос-Анджелеса) прохожие улыбаются и произносят то же приветствие «хай». Это так напоминает мне то, как в студенческие годы в турпоходах мы встречали на тропках где-нибудь в забытой Богом и партией глу-

ши старичков и старушек, которые поражали нас своим: «Бог в помощь, детки!»

Впрочем, в любом случае неискренняя доброжелательность лучше искреннего хамства!

Но вернемся опять в Бостон...

Мы начали пить кофе, который назвать кофе можно было с большой натяжкой – это была коричневая бурда без вкуса и запаха. Но поскольку мы с Колей не успели позавтракать, то и эти помои с плохо пропеченной булочкой в придачу казались нам подарком богов. Те, кто бывал за границей в конце шестидесятых, помнят, как приходилось экономить на всем, ради того, чтобы привести закордонных презентов родным, близким и сослуживцам! Ведь тогда и хорошая шариковая ручка была в диковинку.

После небольшой «разминочной» беседы Дэвид повел нас в зал, где сидела дюжина программистов. Когда мы вошли, все повернули головы, но даже те, кто сидел, закинув ноги на стол, не пошелохнулся, хотя все вразнобой и произнесли: «Хай, Дэйв!» Я тогда еще подумал: какое хамство – даже не снять ноги в ботинках со стола при входе светила мировой величины!

Мы подошли к одному из свободных столов, на котором стоял монитор. Дэвид включил экран и стал нам что-то объяснять. Вдруг экран «завис». Дэвид негромко сказал, обращаясь вроде бы в пустоту: «Вот дерьмо! Опять программа дабл-ю-два барахлит!»

В тот же момент одна пара ног – как я увидел боковым зрением – спорхнула со стола, потом легонько хлопнула дверь. Дэвид извинился и сказал нам, что сейчас все будет в порядке. Действительно, буквально через две-три минуты

программа заработала, а через несколько секунд появился выходявший парень и опять забросил ноги на стол... Да, подумал я, неплохо вышколены! И, конечно же, я тут же простил парням непочтительное отношение к своему научному руководителю.

Вечером мы с Колей были приглашены Дэвидом на домашний ужин. Мы, придя в гостиницу, заглянули к «главе делегации» и попросили разрешения подышать вечерком воздухом около гостиницы. Он был не против – видимо, у него была припасена бутылка и на вечер...

Нас встретила жена Дэвида, относительно молодая обаятельная женщина спортивного сложения. Она была моложе мужа лет на десять-пятнадцать, а может, просто очень хорошо выглядела. (В том возрасте я еще не умел оценивать возраст женщин.) Кроме хозяев, на обеде присутствовала также еще пара: соседи Сальцманов, Чак и Полли Мэллон, тоже обаятельные люди. Чак представившись тут же заявил, что он советолог-любитель и ему очень интересно поглядеть на живых советских.

Вечер прошел замечательно!

* * *

Когда я вернулся домой, я написал Дэвиду письмо с благодарностью за прием. Мы начали переписываться с Дэвидом, причем переписка была не деловая, а обычная, как переписываются друзья. Писал он мне на домашний адрес. Конечно же, все было с разрешения КГБ, которое, видимо, было заинтересовано в том, чтобы как-то вовлечь Дэвида в контакты с советскими.

И вот из нашей переписки мы выяснили, что и он, и я собираемся участвовать в одной и той же конференции в Венеции! Я был этому несказанно рад: дело было вовсе не в том, что сама встреча с ним была для меня профессиональной гордостью. Мне просто очень нравился и он сам, и его жена, и их отношение ко мне – дружеское, искреннее, на равных.

Меня опять выпустили: видимо, оправдал доверие – съездил и не убежал. Правда за последние два года у меня произошли перемены – я защитил докторскую, стал начальником отдела, хотя все еще и ходил в беспартийных.

* * *

Встретились мы с Дэвидом и Эстер в Венеции, как старые друзья. Они сразу заявили, что берут меня под свою опеку, на что я с радостью согласился.

Симпозиум проходил во Дворце Дожей. Я впервые видел такое величие. В моей памяти и сейчас – а прошло уже более сорока лет – ничто не сохранилось таким четким и красочным, как Пьяццо Сан Марко с Дворцом Дожей, с высоченной колокольней, с Часовой башней с колоколом, по которому стучат, отбивая часы, два чугунных мавра. Между площадью Святого Марка и Большим каналом расположена сбоку от Дворца маленькая Пьяцетта Сан Марко, на которой стоят две колонны: одна с Крылатым Львом – символом Венеции, а другая с фигуркой Святого Теодора – покровителя города. Отсюда открывается вид на Гранд-канал, причалы которого уставлены причудливыми гондолами, а вдали видна затянутая обычно легкой кисеей тумана базилика Санта Мария дела Салюте. Стоит мне и сейчас закрыть глаза, и эта картинка оживает

во всех своих ярких красках! Побывать еще раз в Венеции стало моей *idée fixe*. А почему бы и не съездить? С американским паспортом виза не нужна, а деньги... Ну, что такое деньги, в конце концов?

Но я опять отвлекся...

Мы втроем – Эстер, Дэвид и я – начали часто прогуливать заседания: Дэвид объяснил мне, что он приехал в Венецию ради Эстер, а не ради «всей этой скукотищи», как он выразился про конференцию. Я хоть и приехал все же именно на симпозиум, с радостью к ним присоединился, поскольку решил, перефразируя известное выражение, что Венеция стоит говорить. К тому же близость с Дэвидом и Эстер извиняла мое поведение даже в глазах главы советской делегации.

Хотя Дэвид был лет на двадцать, если не более, старше меня, я этой разницы не замечал: он не важничал, не пыжился показать, какой он знаменитый, а со мной так вел себя даже чересчур просто, видимо, совсем меня не стеснясь. Дэвиду ничего не стоило, например, подхватить Эстер на руки и начать кружиться на площади, распугивая голубей, или лечь на мостовую на спину, чтобы найти интересный ракурс для фотографии колокольни. Когда мы однажды поехали втроем на гондоле, он попросил гондольера «дать ему порулить». Гондольер дал ему не только весло, но и свою шляпу и шейный платок, что привело Дэвида прямо-таки в детский восторг. Он так разошелся, что запел своим сильным баритональным тенором «Санту Лючию», по-моему, на непонятном никому языке. (Теперь я понимаю, какую тарабарщину слышат американцы, когда я пытаюсь исполнить какую-

нибудь английскую песенку, за исключением, быть может, Harry birthday to you...) Но это Дэвида нисколько не смущало, если даже не сказать, что подзадоривало. Звук хорошо распространялся по воде, достигая отдаленных уголков: я видел, как люди на Пьяццо Сан Марко останавливались поглазеть на «настоящего гондольера».

Ходили мы и по замечательным картинным галереям: от классики в Галерее Академии до модерна на выставке коллекции Пегги Гугенхайм.

Произошел со мной казус в кафе «Флориан», выходящем на Площадь Святого Марка. Была жара, парило, как перед дождем, хотя дождя не было и в помине. Когда мы зашли в кафе, то Дэвид первый обратил наше внимание, что среди знаменитостей, посещавших кафе есть два русских – Александр Куприн и Иван Бунин. «Вот теперь и твое имя появится на стенке. Пойду, узнаю, сколько стоит сделать еще одну надпись», – пошутил он.

Мы сели, и нам быстро принесли маленькие чашечки густого турецкого кофе и графинчики с холодной водой, которые были похожи больше на химические колбы только что вынутые из холодильника. Я, еще не отхлебнув кофе, выпил сразу всю воду и почувствовал себя на седьмом небе. Когда я сделал первый маленький глоточек кофе, то у меня будто свело рот оскоминой, во рту стало жарко, как в преисподней, язык, казалось, был сухой, будто протертый салфеткой. Заметив мою реакцию, Дэвид улыбнулся и сказал: «Второго графина воды не будет... Ведь так мы разоримся! Здесь стакан воды стоит больше, чем два литра хорошего вина за углом. Потерпи, сейчас затушим пожар в винном по-

гребке». Так мы и сделали, засидевшись в кабачке до сумерек.

По вечерам Дэвид подолгу и увлеченно делился со мной своими новыми идеями, спрашивал каких-то моих советов, чем повергал в меня в полное недоумение: ну что я могу посоветовать самому Сальцману?

У нас сложились совершенно необычные отношения, где он был одновременно и старший друг, и наставник, и учитель. Видимо, именно из-за этого Венеция и запала так глубоко в мою душу.

Одним словом, время в Венеции я провел отлично и вернулся в Москву с ценными материалами: Дэвид подарил мне с дюжину своих препринтов и отчетов, которые сразу же по прибытии в Москву переключевали в руки «кому следует»...

* * *

Как-то Дэвид написал мне в письме, что собирается приехать в Москву. Я согласовал «с кем-надо» возможность встречи с ним, после чего радостно ответил Дэвиду, что буду рад видеть их с Эстер в Москве и даже возьму неделю отпуска, чтобы провести с ними время.

Дэвид позвонил уже из «Метрополя» — он из деликатности решил не утруждать меня встречей его и Эстер в аэропорту.

У меня к тому времени уже были четыре билета в Большой. Достать смог только на «Жизель», хотя хотелось чего-нибудь «по-русские», но какая разница? Большой всегда есть Большой!

Как и ожидалось, «Жизель» прошла «на ура». Потом была, конечно, Третьяковка, где Эстер, насмотревшись наших передвижников, изрекла грустно: «Gloomy Russia¹...». Но в то же время оба – и Эстер, и Дэвид – вышли из музея потрясенными: это была их первая встреча с русской живописью «живьем». Больше всего они говорили о Левитане и Рерихе-старшем. Пушкинский поразил Дэвида и Эстер обилием импрессионистов, любителями которых они были страстными.

Два вечера они провели у нас дома: жена расстаралась, достав неведомо откуда такие дефициты, что создала у гостей ошибочное представление о нашей безоблачной жизни.

Потом я съездил с ними в Суздаль на интуристовскую экскурсию, куда уже они взяли меня с собой – без них это было бы немислимо. Они представили меня как своего русского племянника, на что гидша – симпатичная молодая «инязочка» – насмешливо подмигнула мне: мол, знаю, знаю, у нас американцев часто «пасут» ваши!

Неделя в Москве пролетела быстро, мои американские друзья уезжали на неделю в Ленинград. Но в последний день не обошлось без казуса. Они потащили меня в «Березку», чтобы купить какие-нибудь русские подарки для своих родственников. Дэвид, разглядывая какие-то русские шали, положил футляр со своим шикарным фотоаппаратом на стекло, под которым лежали выставленные товары, подбежал к Эстер, которая стояла перед зеркалом у другой витрины, кокетливо накинув шаль себе на плечи и изображая

¹ Унылая Россия...

на лице гамму чувств жеманной женщины. Мы все весело хохотали, потом Дэвид пошел в кассу, заплатил за шаль и попросил ее упаковать. Когда мы вышли на улицу, он вдруг спохватился, что оставил футляр с фотокамерой в магазине. Мы остались подождать, но потом стали беспокоиться, что он что-то застрял в магазине. Когда мы вошли в магазин, то увидели, что Дэвид взволнованно что-то обсуждает с особой важного вида, видимо, с директором этого заведения. Увидев нас и поняв, что мы имеем некое отношение к Дэвиду, директриса сказала нам: «Если кто-то говорит из вас по-английски, то объясните этому господину, что магазин не несет ответственности за пропавшие вещи. Здесь много ходит всяких жуликов, которые охотятся за раззявками!»

Когда мы вышли на улицу, Дэвид сказал, что аппарат жалко – он долларов семьсот стоит, но главное, что в футляре – а это был кожаный «сундучок» довольно вместительных размеров – были еще уникальные насадки-телевики, которые он привез из Японии, заплатив там за них около двух тысяч долларов.

Чтобы хоть как-то утешить Дэвида, я рассказал ему байку о том, как на родину вернулся Александр Вергинский, поставил на платформе Белорусского вокзала чемоданы, которые нес, опустился на колени и трижды поцеловал «мать родную землю», а когда поднял глаза, то увидел, что оба его чемодана пропали... «Узнаю тебя, родина...» - проговорил он.

Реакция Дэвида превзошла все мои ожидания. Он громко заржал и долго смеялся буквально до слез, заразив своим смехом и нас с Эстер. «Ну, вот и я приобщился к России! - сказал

он. - Значит, как сказал ваш певец? “Узнаю тебя родина”? Что мне в вас, русских, нравится, так это чувство юмора!»

* * *

Следующая встреча с Дэвидом и Эстер состоялась в Японии, на очередной конференции, которая проходила в Киото. Ехали мы туда из Токио на монорельсе, который связывал современную столицу Японии с древней. Монорельс был в диковинку даже американцам.

В Киото мы втроем – Дэвид, Эстер и я – проводили еще меньше времени на конференции, чем даже в Венеции. Но в Киото надо приезжать не на четыре дня: мы сумели осмотреть лишь самую малость – храмы Хэйнан Дзингу и Киёмидзу, знаменитые Золотой и Серебряный павильоны, старый императорский дворец Госё, ну и, конечно же, – всемирно известный Сад Камней при храме Рёандзи.

В Саду Камней мы пробыли очень долго. Мы сидели на веранде храма, на низкой скамеечке, глядя на засыпанную белым гравием относительно небольшую прямоугольную площадку – всего-то размером с теннисный корт, – на которой расположены пятнадцать причудливых камней. Загадочность заключалась в том, что с любой точки можно видеть только четырнадцать из них, а пятнадцатый – каждый раз разный – каким-то магическим образом пропадал из поля зрения... Белый гравий, которым была засыпана вся площадка, был изрезан мелкими бороздками, будто какой-то гномик вспахал его крошечным плугом, и эти бороздки напоминали то ли волны, то ли

малюсенькие горные хребты... И тишина... Все это настраивало на погружение в себя, на размышления о вечности и смерти. Не зря средневековые монахи занимались в этом саду медитацией.

Никогда я не видел Дэвида таким отрешенным и почти печальным. Мы шли втроем молча, думая каждый о своем и боясь спугнуть мысли соседа.

Когда мы вышли на улицу и снова погрузились в окружающую повседневную суету, Дэвид сказал, не обращая ни к кому из нас: «Я очень люблю жить. Я люблю жизнь. Я не верю, естественно, в Бога, но поражен загадкой жизни. А христианская религия права – главное это Любовь и Добро. И в этом смысле я тоже верующий человек».

Вечером мы втроем с небольшой группой других участников конференции пошли в какой-то чисто японский ресторан. Обслуживали нас обаятельные японочки в традиционных кимоно и с прическами, украшенными длинными лакированными шпильками.

Мы ели суши, пили теплое саке из малюсеньких пиалочек. Дэвид называл жену «Эстерсан», потешно раскланивался, сложив ладони у груди и вообще забавлялся, как мальчишка... Любовь к жизни рвалась из него наружу, и он «завел» всех нас. Я не помнил такого беспешачного настроения со студенческих времен.

На следующий день мы разъезжались по домам. В аэропорт я ехал в одном автобусе с Дэвидом и Эстер. Мы вошли в здание аэропорта, стали прощаться – регистрация была в разных местах. Вдруг Дэвид схватил чемоданы и понесся

к пустым креслам невадалеке. Мы с Эстер недоуменно последовали за ним. Он брякнулся на кресло и, лукаво блестя глазами, сказал: «Присядем на дорожку! Ведь ты так учил нас, когда мы расставались в Москве, да?»

Это была наша последняя встреча. Потом мы только переписывались.

* * *

Однажды Дэвид спросил меня в одном из писем, не смогу ли я принять в Москве его младшего брата – Джона с женой. Я ответил, что буду, конечно же, страшно рад.

Джон со своей женой Джоан приехали туристами. В Москве они пробыли неделю, но у них была такая плотная программа и такой жесткий контроль со стороны Интуриста, что мне удалось их только однажды вытащить к себе домой в гости. Но мы успели подружиться. Потом их повезли в Ленинград. Когда мы прощались, они приглашали нас с женой обязательно навеситить их в небольшом городишке Пукипси в штате Нью-Йорк, где у Джона был свой бизнес.

Я, конечно, искренне обещал, что мы обязательно приедем, хотя знал, что уж вдвоем-то нас с женой никогда не пустят вместе даже в Болгарию и даже при условии, что мы оставим «заложниками» в Москве наших детей...

* * *

Прошло много лет. Моя переписка с Дэвидом как-то сошла на нет: несколько моих писем остались безответными. Потом перестали приходить и новогодние открытки... С Джоном же у нас, кроме обмена рождественскими по-

здравлениями, да и то нерегулярного, тоже связи особой не было.

Утекло так много воды, что размылись даже устои нашего непоколебимого государства. И границы подмыло: выехать за границу было хоть и все еще трудно, но уже возможно. Меня пригласили визитинг-профессором в столичный Университет Джорджа Вашингтона в США, куда мне удалось даже взять с собой жену. Все складывалось как-то так, что я «задержался» в Америке: мне сделали операцию на сердце, порекомендовали побыть под наблюдением врача с полгодика, а поскольку мой контракт с университетом закончился, то меня на это время взял поработать к себе в фирму один из новых американских друзей и... Одним словом, как-то мы задержались в Америке надолго.

Когда пришло время первого американского двухнедельного отпуска, мы с женой вспомнили про Сальцманов. Мои попытки найти Дэвида через Эм-Ай-Ти по телефону не увенчались успехом. Тогда мы вспомнили про Джона и Джоан Сальцманов. В старой записной книжке я нашел их адрес, и уже через три-четыре дня мы получили ответ, что Джон с Джоан нас ждут к себе в гости. Недолго думая, мы купили билеты на поезд и поехали.

На вокзале нас встретили Джон и Джоан. Как принято здесь, мы обнялись и расцеловались, будто ближайšie родственники или старинные сердечные друзья. Около вокзала на стоянке стоял довольно старый, но совершенно роскошный Кадиллак с опущенным верхом. Как я позже узнал, старые машины – это определенный шик в Америке, особенно в глубинке.

Выехав из города, который и сам-то по себе не велик, мы вскоре, проехав немного по настоящей сельской местности, свернули с шоссе и через ворота, одиноко стоявшие посередине поля, въехали на землю, принадлежащую Сальцманам. Вдали на пригорочке светился большой аквариум. Оказалось, что это и был дом Сальцманов.

Дом был настолько оригинален, что не сказать о нем несколько слов просто невозможно. Он был и на самом деле похож на аквариум из казавшегося темным непрозрачного стекла. Когда же тыходишь в этот дом, то и на самом деле оказываешься как будто в аквариуме: через слегка голубоватые тонированные стекла прекрасно виден окружающий мир. В центре дома был еще «внутренний аквариум» на этот раз из прозрачного стекла. Этот аквариум представлял собой небольшой внутренний дворик под открытым небом, на котором росло несколько тоненьких березок (уж не после ли поездки в Россию посаженных, мелькнуло у меня в голове), несколько небольших засаженных цветами пятячков земли, будто пробившихся сквозь бетонный пол да в уголке мирно журчащий фонтанчик в виде эдакого небольшого ручейка-водопада. С четырех сторон в этот райский уголок вели бесшумные скользкие стеклянные двери.

Джон рассказал нам, что дом этот был построен каким-то известным американским архитектором-модернистом, чуть ли не учеником самого Корбюзье. Фамилию того архитектора я запомнил, но он и, правда, был какой-то знаменитый.

За обедом мы стали вспоминать прошлое. Джон рассказал о брате. Оказывается, Дэ-

вид умер около восьми лет назад от тяжелой неизлечимой болезни, никогда не болевший, пышущий здоровьем и энергией человек сгорел буквально за полтора года. Эстер лишь ненадолго пережила его, но она-то болела давно и серьезно – у нее было две операции на сердце, потом обнаружился операбельный рак... Последние годы она страдала гипертонией...

Дэвид, чтобы быть побольше с ней вместе, перешел на работу консультантом в том самом Центре, который создал и которым руководил больше тридцати лет. По мере возможностей, они продолжали жить своей прежней активной жизнью. Правда, поездки за рубеж прекратились: Эстер не рекомендовалось летать на самолетах. Но они компенсировали это частыми автомобильными поездками по стране.

Когда Дэвида не стало, Эстер переехала к старшему сыну и снова оказалась окруженной вниманием и любовью. Но однажды она не проснулась...

После обеда женщины заговорили о чем-то своем, а Джон повел меня в свой кабинет, расположенный в торце дома, где были еще две спальни и бассейн, отгороженные от остальной части дома уже непроницаемой стеной. Закрыв за нами дверь, Джон сказал мне: «Я знаю, что тебя с Дэвидом соединяла большая дружба... Ты был для него тем первым русским, который разрушил привычные американские стереотипы. А думаю, что ты должен знать правду о том, как умер Дэвид. Об этом, кроме меня, не знает никто, даже Джоан».

С этими словами Джон достал из сейфа конверт, вынул из него письмо, написанное всего на одной страничке, и дал его мне. «Я не буду

мешать тебе, — сказал он, — займусь пока своей электронной почтой. Чувствуй себя комфортно».

Я сел в глубокое кожаное кресло, стоявшее под торшером у письменного стола, и начал читать письмо Дэвида, которое он написал брату.

«Дорогой братец!

Когда ты получишь это письмо, меня уже не будет. Я это твердо решил, и ничто не может помешать мне исполнить это мое последнее желание. Ты знаешь, что после операции мне сказали, что я вполне могу еще протянуть три-четыре года под капельницей. Ты знаешь, что я очень люблю жизнь. Но у меня всегда был свой стандарт жизни: я не считаю полувегетативное существование жизнью, достойной человека.

Я так жить не смогу, да и не хочу.

Но есть и дополнительный, очень важный фактор: каждый день моего медицинского содержания обходится примерно в тысячу долларов — медсестра, дорогие лекарства, все это оборудование жизнеобеспечения. Хотя мы с Эстер и не бедные люди, но за два-три года я пушу Эстер по миру с протянутой рукой, я разорю ее полностью. Этого я себе позволить не могу.

Когда ты получишь это письмо, возможно, тебе уже сообщат о моей смерти. Я узнал, что сменщица сегодняшней медсестры придет только завтра утром, поскольку у нее что-то случилось дома, и она не сможет прийти сегодня вечером в положенное время.

Воспользовавшись отсутствием круглосуточного надзора, сегодня ночью я упаду с кровати, оборвав все эти чертovsky трубочки и проводочки, без которых существовать я теперь просто не могу. Все будет просто и безболезненно. Найдут меня только утром, когда все будет

уже кончено. Все будет похоже на то, что я случайно упал кровати.

Об этом моем письме никто никогда не должен знать, поскольку в противном случае Эстер лишат страховки за меня, если узнают про самоубийство. Никто об этом не должен знать, понимаешь? Даже Джон. Нельзя допустить, чтобы это стало известно.

Тебе об этом не написать я не могу. Но даже своим сыновьям я об этом не сообщаю.

Позаботься об Эстер. Я ее очень люблю. Захотелось даже поверить в загробную жизнь, чтобы встретиться с ней там.

Я знаю, как будет тебе больно узнать об этом. Я понимаю, как будет горевать Эстер. Но поверь, что это лучший выход для всех.

Прощай, Джон. Ты был мне всегда очень хорошим братом. Я умираю с мыслью об Эстер и о тебе...

Прощай!

Дэвид».

Я кончил читать письмо. Мое горло было будто перетянуто петлей. На ум пришел Сад Камней, та моя последняя встреча с Дэвидом и Эстер. На душе стало ужасно пусто...

Джон встал из-за своего стола и подошел ко мне. Он взял протянутое мною письмо и спрятал его обратно в сейф. Потом он подошел к креслу, сел на его ручку, обнял меня легонько за плечо и сказал: «Ну, дружище, давай немного придем в себя, да и пойдем к женщинам. Не надо оставлять их надолго одних...»

ЛЮБОВЬ БОЛЬШЕ ЖИЗНИ

И вот я одна...

Уже три года я живу воспоминаниями. Три года назад моя жизнь кончилась. Мне очень часто хочется заснуть и никогда не проснуться... Не знаю, что меня держит на этой земле.

Ушел тот, кого я любила больше жизни. Ушел навсегда, И вот я одна...

Я решила написать эту исповедь. Для кого? Не знаю... Просто, может, мне станет легче на душе. Или же наоборот это будет последняя точка в моей жизни. Не знаю...

* * *

Зовут меня Людмила Герман. Родом я из семьи интеллигентов с незнамо какого колена.

Мой отец, Петр Леонидович Вяземский, был из знаменитого княжеского рода Вяземских, да и назван он был в честь своего знаменитого пращура – Петра Андреевича Вяземского. Да-да, того самого поэта Вяземского, который был другом и соратником самого Пушкина. Отец мой был довольно известным химиком, который даже во времена «железного занавеса» выезжал на различные крупные международные конференции, представляя отечественную науку.

Моя мать, Мария Александровна (в девичестве Воскобойникова), была преподавателем французского языка в Московском Инязе. Она продолжила семейную традицию: моя бабушка тоже была в свое время учителем французского языка, а прабабушка служила гувернанткой и обучала какого-то барчука языку аристократов. Словом, французский язык в нашей семье был вторым языком, а для меня даже и первым: мама

говорила со мной только по-французски буквально с пеленок. Именно поэтому в семье меня называли Люси (с ударением на последнем слоге), что и приклеилось ко мне на всю жизнь.

Да, так почему же я Герман? Нетрудно догадаться – это была фамилия моего мужа, которую, не знаю почему, я сохранила после развода. Как-то было не до этого.

Мой муж Эдуард Герман был каких-то западных кровей, то ли шведов, то ли немцев, обрусевших давно, чуть ли не в петровские времена. Был он здоровый увалень, прекрасного телосложения – с него можно было бы вполне лепить петергофского Самсона, рвущего пасть льву. Был он добр, как большинство физически сильных людей, но насчет интеллекта... Тут, как говорится, «природа отдыхала».

Как же вышло, что я вышла за него замуж?

С самого детства во мне бурлил дух противоречия. Началось, видимо, с того, что мама моя и из меня хотела сделать «аристократку по крови». Но уже в детстве, когда я стала общаться с «иностранными» девочками и мальчиками, говорившими на каком-то тарабарском языке, во мне возник протест: я же русская, я хочу говорить по-русски! Я начала говорить, конечно, по-русски, но сколько я наслушалась насмешек над своим французским прононсом. И так продолжалось почти до школы.

Словом, мама добилась своего: я знала французский в совершенстве, но как же я его ненавидела!

Своим обидчикам и обидчицам я жестоко мстила. Не одна мамаша приходила с жалобами на меня к моей маме: одному я разбила в кровь нос, другому чуть не оторвала ухо.

Но это, в конце концов, помогло: меня зауважали, перестали надо мной измываться. У меня же сформировался характер независимой и не дающей себя в обиду девушки. Словом, какая-то «железная леди»!

Учеба в школе мне давалась легко: сказались домашние занятия в детстве с папой и мамой.

Шло время, вот и наступило девичество. Не буду скромничать, парни вились вокруг меня роем, но я, никому не отказывая напрямую, в то же время никому и предпочтения не отдавала. Я была для всех, как бы это сказать... Ну, «свой парень».

Я не была недотрогой, у меня было в юности много разных мальчиков. Но я всегда была хозяйкой положения. Отношения начинались и кончались, когда я этого хотела, и развивались до той степени, до которой я допускала.

Не помню, кто сказал, что любовь в юности – это союз тел. Для меня, во всяком случае, это было так. На горизонте появился Эдик... Он был красив, строен, с идеальной фигурой: ни дать, ни взять – микеланджеловский Давид! Девушки от него сходили с ума (прямо, как от меня мальчишки!), поэтому судьба неизбежно столкнула нас. Эдик, привыкший к Цезареву принципу «вени-веди-вици», как только нас познакомили, во время разговора положил мне руку на талию. Я сбросила его руку, резко сказав ему: «Но-но, без рук! А то схлопочешь!»

Такой оборот, видимо, его даже заинтриговал: я была первая, кто не разомлел от счастья, а показал свой норов. Ну, не знаю уж, что было у него на уме на самом деле, скорее всего, это была наша судьба. Мы стали встречаться, гуляли по вечерам, как два юных пионера, он меня даже

под ручку не брал. Ходили в кино, где сидели, лишь касаясь друг друга локтями. Мне это было внове: прежние мои ухажеры все время норовили залезть в темноте рукой под юбку, хотя почти всегда получали отпор.

Я поняла, что я по уши втюрилась в Эдика. Я буквально чувствовала спиной, когда он входил в комнату, даже не глядя в ту сторону. Когда он был рядом, меня буквально пронизывали какие-то острые, будто электрические иголочки. Он мне стал просто физически необходим.

И вот однажды, гуляя по какой-то арбатской улице после проливного дождя, мы оказались перед огромной лужей. Я сказала: «Да, придется возвращаться, хотя я привыкла идти только вперед!» Эдик, сказав: «Ну, зачем же возвращаться!» - подхватил меня под коленки и понес через огромную лужищу. Я обхватила его шею и «поплыла», «поплыла», изведав никогда ранее не приходившее ко мне чувство. Вот Эдик уже перешел лужу, а я все не отпускала его, прижавшись к нему грудью и обняв его и второй рукой... Он осторожненько опустил меня на землю, мы так и стояли, обнявшись, а потом слились в долгом и всепоглощающем поцелуе...

Как два сомнамбулы, не понимая отчетливо, что мы делаем, мы ввалились к какой-то подъезда старого дома, Эдик увлек меня в дальний угол под лестницей, где нас не было видно, и мы, стоя во тьме, отдались нахлынувшей на нас страсти. Раза два хлопнула входная дверь и тяжелые шаги прошлепали над нашими головами, мы затихали на какие-то мгновения, а потом продолжали любить друг друга с еще большим безумством...

На следующий день, когда мы встретились, Эдик сделал мне предложение. Я была на седьмом небе от счастья.

Мы подали заявление в ЗАГС, и уже через месяц я стала «мадам Герман». Эдик жил со своей матерью в двухкомнатной квартире, поэтому мы стали жить у него. Первые годы нашей жизни были сплошным медовым месяцем. Мы никак не могли дождаться момента, когда мы, наконец, окажемся в нашей крохотной каморке, вдвоем... Эдик как изголодавшийся хищник набрасывался на меня, и мы оба безудержно предавались ночному безумству. И так изо дня в день, вернее, из ночи в ночь...

Потом мы купили кооперативную квартиру – у Эдика была неплохая зарплата, да и мне грех было жаловаться: хоть я и работала в академическом институте, но после защиты кандидатской моя «зряплата» существенно подпрыгнула. Да и должность у меня была довольно престижная – секретарь Ученого совета института.

Эдик оставался влюбленным в меня по уши, как мальчишка. Приходя с работы домой, он обнимал меня и кружил на весу по комнате. Его юношеский «козлизм» полностью испарился, на баб он, буквально, не обращал внимания.

Его страсть была хоккеем. Он вечера просиживал перед телевизором, бурно реагируя на детские игры взрослых мужиков. Болел он за «Спартак», поэтому когда эти майоровы-старшиновы заколачивали очередную шайбу, он вскакивал и плясал, как мальчишка. Меня эта его непосредственность сначала почти умиляла, а потом все же начала раздражать.

Говорил он со мной, в основном, о своей работе и об интригах в их конструкторском бюро. Я знала десятка два-три его коллег по име-

нам, хотя ни разу ни с кем из них не встречалась. Но все это было скучно и занудно.

Так мы прожили почти двадцать лет. Господь не послал мне ребенка. А время шло. Угар юношеской романтики развеялся, хотя наши ночи оставались такими же бурными. Он по-прежнему набрасывался на меня, аки голодный лев, и терзал, терзал... Но как заметил тот же автор, который так метко охарактеризовал любовь юношескую, любовь в зрелом возрасте – это любовь сердца. Это напоминает анекдот, как в медицинском институте профессор спрашивает студентку: «Расскажите мне, что вы знаете об органе любви». И та с увлечением начинает рассказывать про пенис, на что профессор почти про себя бурчит: «А в наше время это было сердце...»

А любви сердце у нас с Эдиком не вышло. Наш брак, по крайней мере для меня, умер... Нет, у меня никого не было, но просто радость куда-то исчезла.

* * *

И вот мне уже 37 лет, но, похоже, я не потеряла своей привлекательности. Видимо, это сыграло важнейшую роль в моей служебной позиции секретаря Ученого совета: директор решил украсить чисто мужской совет единственной женщиной. И это, видимо, сработало: конечно, никаких романов ни с кем у меня не было, но было видно, что мужикам со мной общаться приятно. Меня это вполне устраивало, а большего мне и не нужно было.

Но вот в наш Ученый совет ввели нового члена – академика Гурия Владимировича Серова, директора смежного института. Это был еще отнюдь не старый человек лет пятидесяти пяти – шестидесяти, который невольно привлекал внимание: на его немного грустном, если да-

же не сказать печальном, лице светились умные глаза с какой-то загадочной улыбкой. Да-да, именно глаза с улыбкой. Меня этот взор заворожил, и я стала обращать на этого человека внимание на заседаниях совета, поглядывая на него с интересом. Несколько раз и я поймала его взгляд, мягкий, но в то же самое время какой-то острый, пронзительный.

А как он оппонировал! Это не было стандартное прочтение отзыва по бумажке. Это было эмоциональное выступление. Этот постоянно молчаливый и очень даже как-то скованный человек преображался. Его выступление было похоже на внезапный взрыв спящего вулкана. Он никогда не стоял за трибуной, а ходил по сцене перед членами Ученого совета. Обращаясь все время к аудитории, он вовлекал всех в какое-то молчаливое соучастие в этом спектакле. Завершал он свое выступление всегда одинаково: подходил к трибуне, брал свой письменный отзыв и зачитывал заключительную фразу отзыва: «...заслуживает искомой степени». Однажды, когда его спросили, почему он так делает, он с улыбкой ответил: «Дело в том, что по инструкции ВАКа оппонент должен зачитывать отзыв».

Однажды Гурий Владимирович после очередного заседания подошел ко мне и спросил: «Людочка, вы не покажете мне, где тут у вас буфет. У меня с утра во рту не было маковой росинки». Я от неожиданности обомлела: Людочкой меня в семье называла только бабушка, папина мама. Но это было в далеком-далеком детстве, бабушка моя умерла совсем молодой.

Я встала и пошла с Гурием Владимировичем. Когда мы спустились на первый этаж, я подвела его к институтскому буфету и открыла дверь. Тут он, поблагодарив меня, вдруг сказал:

«А не разделите ли вы со мною, скромную трапезу?» От неожиданности я растерялась и смогла только утвердительно кивнуть головой. «Ну, вот и чудесно» - сказал он и галантно пропустил меня вперед, придержав дверь.

Он спросил меня, что я предпочитаю, чай или кофе. Я выбрала чай, поскольку кофе у нас варить не умели, и он был похож на какие-то бурые помои и по цвету, и по вкусу. Он взял еще по паре бутербродов, и мы пошли за удаленный столик около окна.

За столом мы как-то разговорились. В основном он спрашивал меня, люблю ли я живопись и музыку. Мы сошлись на том, что нам обоим очень нравится Третий концерт Рахманинова. В живописи мы оба отдали свои абсолютные симпатии французским импрессионистам. Поговорили о стихах, где опять сошлись во вкусах — нам обоим нравились два таких разных поэта, как Пастернак и ранний Маяковский.

Когда мы вышли из буфета, Гурий Владимирович сказал: «Знаете, Людочка, между прочим, на следующей неделе в Консерватории Святослав Рихтер играет Рахманинова. Я вас приглашаю и надеюсь, вы согласитесь. Билетов в кассе, конечно, нет, но у меня там блат. Нас посадят в директорскую ложу».

Я была на счастлива: я и представить себе не могла, что «сам» Гурий Леонидович Серов когда-либо обратит свое внимание на такую незначительную фигуру, как я. К тому же он был такой необыкновенный. Я почувствовала, что у меня вспыхнуло чувство похожее на любовь. Но какая там любовь! Звезда мирового уровня, отец трех дочек, старшая из которых почти мне ровесница...

На концерте я больше слышала, как колотится мое сердце, чем чарующую рахманиновскую музыку. Однажды наши руки с Гурием, как я стала про себя его называть, как бы случайно столкнулись и... мы так и продолжали сидеть, держась за руки, до конца отделения...

Дома меня ждал мой вечно восторженный Эдик. Он расцеловал меня в дверях, напоил чаем и даже не спросил, где я была, чему я была очень рада: врать я не умею, а правду не расскажешь.

Потом опять были ночные буйства в постели. Похоже, что за прошедшие годы сексуальный пыл у Эдика совершенно не остыл. Я измучилась вконец от его ласк. Я лежала и думала, как же тяжело проституткам: они продают себя за то, чтобы прилично жить. А разве я сейчас делаю не то же самое?

Когда «акт любви» закончился, и Эдик моментально захрапел, свалившись с меня, я встала и пошла в ванную. Я обычно принимала душ «до», а не «после», но на этот раз я встала под душ и помылась с мочалкой, будто смывая с себя невидимую грязь, а потом буквально с остервенением проспринцевала все свои интимные места.

Утром следующего дня я сухо сказала Эдику, что подаю на развод. Для него это было, как гром среди ясного неба. «Как?! Мы же с тобой были так счастливы...» - «Я устала...» -- «У тебя кто-то есть? Ты с кем-нибудь спишь?» -- «Нет, у меня никого нет. Я просто устала от нашей бессмысленной жизни». -- «Ты врешь, подлая тварь!»

Я за всю нашу жизнь не слышала от Эдика ни одного грубого или оскорбительного слова. Но я пропустила это мимо ушей. Тогда Эдик

в озверении замахнулся на меня... Это было уже чересчур...

Я ушла на работу. Я сидела за своим рабочим столом, бессмысленно вперившись в одну точку. Вдруг раздался звонок. У меня сердце ёкнуло. Ну, конечно же, это был Гурий! Он спросил меня, не могли бы мы встретиться в конце рабочего дня в кафе около моей работы. Я с радостью согласилась – у меня кошки на душе скребли, мне именно сегодня Гурий было очень нужен.

Когда мы встретились, я рассказала Гурию, что подала на развод. Он выслушал это безо всяких эмоций, заказал шампанское. Когда шампанское принесли, он налил бокалы и поднял свой со словами: «Поздравляю или сочувствую – в зависимости от того, как ты сама к этому относишься». Потом он налил второй бокал и предложил выпить на брудершафт. Мы выпили, переплетя наши руки, и чисто символически поцеловались, едва коснувшись друг друга губами.

Мы стали проводить много времени вместе: ходили в Консерваторию, уютжили Пушкинский музей, реже ходили в театры.

Вскоре мы официально развелись с Эдиком, разменяли квартиру, мне досталась малюсенькая однокомнатная квартира в старом доме, но зато близко к центру. Эдик очень быстро женился, у него родился сынишка. Я, честно говоря, была искренне рада за него: во всяком случае, от него не нужно будет ждать каких-либо пакостей.

Однажды после какого-то концерта Гурий, как всегда, проводил меня до дома и на прощание поцеловал в щечку. Я предложила: «Может, зайдешь на чашечку кофе?»

Обычно, когда он заходил ко мне, то всегда после кофе довольно быстро уходил, а в этот день мы сидели на кухне, говорили о концерте. Он вроде бы никуда не спешил. Я аккуратно спросила его об этом, и он ответил: «Мои на даче...» - «Может, ты сегодня останешься у меня?..»

Это была волшебная ночь! Я потонула в нежных ласках, а потом это ощущение магического спазма, от которого содрогнулось все мое тело, и потом этот пронзительное ощущение медленно и сладко отпускало меня постепенно-постепенно...

Как-то Гурий сообщил мне, что он подал заявление о переводе его на должность Главного научного сотрудника («гэвнээс», как у нас говорили), чтобы уступить дорогу молодежи и освободиться от административной текучки. Он сказал с радостью: «Теперь у меня будет возможность почаще видеть тебя».

Как все нормальные моногамные люди, Гурий не смог жить сексуальной жизнью на два дома: у себя дома он объявил о «мужском банкротстве». Жена заявив, что для импотенции рановато, записала его на прием к сексопатологу. Гурий был в панике, но я ему посоветовала: «Пойди к врачу дня за два до официального визита с бутылочкой коньяка. Посидите после работы. Ты ему все по-честному расскажешь. Дальше срабатывает ваша мужская солидарность».

Так все и произошло. После скрупулезного осмотра врач сказал жене Гурия, что, к сожалению, процесс необратимый. Жена Гурия успокоилась, у всех ее возникавших подозрений была выбита почва из-под ног: что взять с импотента? Она перестала подозрительно смотреть на мужа, когда тот приходил домой не во время.

А Гурий стал со мною спокойнее и увереннее. Мне с ним было хорошо, как не было хорошо никогда и ни с кем.

Мы с ним стали проводить еще больше времени вместе. Иногда он даже устраивал двух-трех дневные «командировки в Питер», а я на это время брала отгулы, и мы жили нормальной семейной жизнью у меня в комнатухе. А однажды он поехал в «экспедицию на Памир», а я ушла в это время в отпуск, и мы провели незабываемый месяц в Гаграх...

Так все и шло. Мне и не нужно было лучшей доли: любящий мужчина рядом, что еще надо? У меня и мысли не было увести его из семьи. Да он на это и не пошел бы.

Так мы и прожили почти пятнадцать лет. И вдруг эта нелепая смерть... Дело было в субботу, и жена, и младшие дочери были дома, когда с Гурием случился инфаркт. Его жена, эта старая калоша, вместо того, чтобы позвонить в «скорую» стала в панике звонить его друзьям. Наконец, кто-то приехал, позвонил в «скорую», но было уже поздно...

* * *

И вот я одна...

Уже три года я живу воспоминаниями. Три года назад моя жизнь кончилась. Мне очень часто хочется заснуть и никогда не проснуться... Не знаю, что меня держит на этой земле...

БАБИЙ ВЕК

Анна сидела в госпитале у больничной койки мужа. Когда она пришла, часа два назад, он был в беспамятстве. Иногда только глухо мучительно стонал со стиснутыми до скрежета зубами. Он умел терпеть боль. И, видимо, это в нем было настолько глубоко, что даже в беспамятстве он вел себя, как герой на пытке...

В Анне проснулось на мгновение даже подобие какого-то старого забытого чувства к мужу. Нет, не того естественного сострадания к чужой невыносимой боли и отчаяния от невозможности помочь, а какого-то почти теплого чувства.

... Василий вдруг, казалось, приоткрыл глаза, смотрящие в никуда. И все...

Анна выбежала из палаты и позвала медсестру. Вскоре пришел и доктор, проверил зрачки и констатировал то, о чем Анна и без него уже знала.

Анна вышла из корпуса Боткинской больницы. До дома было недалеко – только перейти Ленинградский проспект, а там за гостиницей «Советской» буквально через двести метров был их дом. Теперь уже ее дом... Но Анна раздумала и решила немного побыть одной – была суббота, и ждали ее только к обеду.

Она шла липовой аллеей по Ленинградскому проспекту, опустив голову, задумавшись. Шла не спеша, шла так, как давно уже не ходила: ведь всю жизнь постоянная спешка, беготня – на работу, с работы, в магазины...

Под ногами ее шуршали жухлые листья. И она шла, шла, шла, впервые никуда не спеша. Были последние денечки ласкового московского бабьего лета. Легкий ветерок ласкал ее лицо.

Она шла, обуреваемая самыми противоречивыми думами... С одной стороны, – чувство утраты, ощущение пустоты, а с другой, – постыдное облегчение от того, что наконец-то все свершилось. И еще какое-то чувство горечи: ведь на самом деле Василий отравил ей всю жизнь. Она ведь так и не узнала, что такое любовь, что такое настоящая семья... Да какая любовь? Какая семья? Хоть и нажили они с Василием двоих детей, а семьи-то ведь у них так и не было...

* * *

Нет, она его не любила. Никогда не любила. Даже в пору далекой юности, то вспыхнувшее в ее сердце волнение первых встреч было скорее дурманом, а не любовью. Конечно, все это могло перерасти во что-то большое и светлое, но для этого нужно было, чтобы он был другим, а он был таким, каким он был... Да и она, наверное, не была той, которая была нужна Василию.

Просто жизнь не сложилась... Но они жили вместе, как жили многие их друзья – ежедневными хлопотами, перебиваясь от зарплаты до зарплаты. Да еще дети... Хотя, по-честному, это были ее дети: она их пестовала, растила и, как всякая мать, любила.

Конечно, это была не жизнь... Но что оставалось – развод? Какой там развод? Во-первых, тогда это было не принято. А во-вторых, если и уйти, то к кому? Кому она была бы нужна – необразованная деревенская баба с двумя детьми?

А уж когда она раскрепостилась и стала «как все», то, как говорится, «ее поезд ушел»...

Анна задумчиво шла, по-прежнему глядя перед собой под ноги. В ее памяти возникали калейдоскопические эпизоды прошлого. Нет, не как в кино – без картинок, без слов, просто эмоции, мысли, ощущения...

Анна приехала в Москву из деревни, когда все спасались от голода, обрушившегося на Поволжье. Она была молодая, растерянная, ничего не понимающая в жизни. Как-то почти сразу ей повезло – без особых мытарств удалось устроиться на трикотажную фабрику. Дали место в общежитии – койку в комнате на четверых. Соседки попались языкастые, хотя и не злые. Но насмешек по поводу деревенских манер и приволжского оканья Анна наслушалась «выше крыши».

Она замкнулась и стала усиленно переплавлять себя в «городскую». Она буквально проглотила десятки книг Флобера, Стендаля, Бальзака, Толстого, Голсуорси, которые она брала в фабричной библиотеке. Она учила стихи наизусть и потом, ходя по уединенным переулочкам, бормотала их вслух, следя за своей речью.

Ее стали замечать парни, говорили ей комплименты. Ей приятно было их слушать, но сама она в себя еще не верила. Однако она стала больше уделять внимания себе, стала выходить с подружками на танцы, ходила иногда на дружеские вечеринки. Иногда даже, поначалу сильно волнуясь, мусолила черный карандаш, подводила брови и слегка подкрашивала губы. Тем не менее, она продолжала оставаться замкнутой

молчуньей, что многими расценивалось как высокомерие.

Единственными отдушинами в беспроблемной общежитской жизни, заполненной лишь ежедневным изнуряющим трудом, были кино да танцы в ближайшем клубе. Танцевать Анна не любила, скорее всего, из-за того, что и не умела выделять все эти фокстроты и тустепы – ведь у них в деревне только плясали под гармошку. Но все же на танцульки Анна ходила за компанию, постоять в кружочке, поболтать с подружками.

На танцы приходили и ребята с авиационного завода, расположенного неподалеку. Среди них выделялся один – Василий. Был он видный парень, балагур и отменный танцор. Все девчонки просто липли к нему, как мухи к липучке. Если честно говорить, то он и Анне тоже понравился, но она, по-прежнему чувствуя себя скованной своими комплексами, ничего не допускала даже в помыслах. Она даже боялась встретиться с Василием взглядом, хотя и наблюдала за ним почти неотрывно.

Подружки в общежитии хвастались, как **он** посмотрел, как **он** подмигнул, как **он** прижал к себе во время танца. Было похоже, что идет прямо соревнование между девчатами, кто **его** в себя сильнее влюбит! От этого у Анны внутри поднималась какая-то непонятная обида на Василия, хотя она и понимала, что он-то здесь вроде не при чем.

Приходя на танцы, Анна продолжала «не обращать внимания» на Василия. Когда ее кто-либо приглашал на танец, она отказывала, либо ссылаясь на большую ногу, либо прямо отрубая: «Извините, я не танцую». Конечно, это было глу-

по — ходить на танцы и только «подпирать стенку». Но тут уж Анна ничего не могла с собой поделать. Несколько раз Анну пытался пригласить потанцевать и Василий, но она мягко отказывала и ему, при этом даже как-то сочувственно улыбаясь.

Это ее пренебрежение ввело, видимо, Василия в «охотничий раж»: он не привык, чтобы ему отказывали. Однажды, когда Анна, как всегда одна, возвращалась с танцуплек в общежитие, ей послышались быстрые шаги сзади, а потом раздался голос Василия: «Девушка, вы не очень спешите?»

Анна вспомнила, как ёкнуло тогда ее сердце, как она вспыхнула вся — благо, что было темно, и он этого не заметил. Они шли, Василий молчал какую-то обычную для парней в такой ситуации чепуху, а Анна лишь односложно отвечала, если Василий задавал какой-нибудь вопрос. Они подошли к общежитию, Анна, распрощавшись, юркнула за дверь. Пробегая по лестничной площадке между первым и вторым этажами, она увидела в окошко, как Василий продолжает недоуменно стоять перед подъездом...

Такие «провожалки» вошли у Василия в правило. Почти все Анины подружки по общежитию заметили это и начали подтрунивать над ней, называя недотрогой и дурой, что она таким парнем пренебрегает. А Василий, вроде, и впрямь, как говорят, втюрился в Анну! Анна тоже была на седьмом небе от счастья, но виду не подавала.

Как-то летом, в выходной Василий пригласил Анну погулять в парк где-то в районе Петровского-Стрешнева. Они поехали на трамвае, который болтало, как собачий хвост: Анна

то и дело буквально падала на Василия, который ловил ее своими сильными ручищами, нелепо при этом гогоча. Потом они гуляли по аллеям парка. Разговор как-то не клеился: Анна лишь позже поймет, что Василию просто в принципе говорить было не о чем.

Когда они уже порядком намотались, Василий нашел укромное местечко, достал припасенный заранее кулек, в котором было два бутерброда с колбасой, расстелил свой пиджак, и они уселись на него. Заморив червячка, они продолжали сидеть, наслаждаясь тенью деревьев и щебетанием пичужек. Анна блаженно прикрыла глаза и прислонилась головой к плечу Василия. Именно, не положила голову на плечо, а лишь слегка прислонилась.

Тут Василий неожиданно властно обнял Анну за плечи, она попыталась высвободиться, но он развернул ее, прижал к своей груди и буквально впился в ее губы своим поцелуем. Анна и ждала, и боялась этого момента... У нее «поехала» голова, деревья начали будто кружиться в глазах, она обмякла, потеряв силы и волю...

Когда они поднялись с земли, Анна не могла глядеть на Василия, ей было до слез обидно, что все произошло совсем не так, как она рисовала себе *это* в своем воображении. Ей виделось всегда только одно – таинственная брачная ночь, пусть не после венчания – в церковь она бы, пожалуй, и не пошла, ведь все же комсомолка! – но после ЗАГСа и свадебного вечера с друзьями под их крики «Горько!» А тут все вышло все не так! Все не так! Как-то стыдно и даже грязно...

Да и Василий, хотя и слыл беспардонным ловеласом, привыкшим лапать девок бук-

важно у всех на глазах, был какой-то смущенный, не в себе. Потом он произнес нелепую фразу: «Не боись, это только по первой страшно...» Эта фраза резанула Анну будто по сердцу... С этого момента у нее на Василия появилась глубокая обида, будто он растоптал грязными ножищами что-то святое, светлое.

На танцы Анна первое время продолжала ходить, ничем не показывая, что у нее в жизни что-то произошло. Василий по-прежнему провожал ее до двери общежития, но она была холодно-безразлична. Он же, безусловно чувствуя себя виноватым, молчал и даже не пытался как-то объясниться. Правда, он однажды подошел и предложил ей прогуляться в выходной, но Анна даже не ответила на его предложение.

Вскоре плохие предчувствия Анны оправдались: как говорили в таких случаях ее подружки, она «залетела»... Тут она перестала ходить в клуб на танцы, всякие связи с Василием прервались.

Но вот однажды, когда Анна возвращалась вечером откуда-то к себе в общежитие, из темноты появилась фигура – это был Василий. Он подошел и встал перед Анной, молча глядя на нее. Потом спросил: «Ты чо?» Анна наклонил голову и, не глядя на него, пробормотала: «У меня будет ребенок...» Она так и сказала «у меня», а не «у нас», так как уже твердо решила, что будет растить своего ребенка сама. Она решила уехать к матери домой – чай не прогонит за то, что принесла ребенка в подоле.

Василий опешил, будто его пыльным мешком стукнули, но все же произнес: «Какой ребенок? Зачем? Сделай аборт! Хошь, я помогу найти бабку?» – «Нет. Будет ребенок». И сказав

это, Анна распахнула входную дверь общежития и, не оглядываясь, вошла в подъезд.

При редких встречах Василий продолжал уговаривать Анну сделать аборт, но она была непреклонна: ведь аборт – это грех, это убийство невинного дитя... Нет, она не была верующей: даже в церковь-то ходила, разве что в раннем детстве с родителями. Но свое понятие греха у нее было, и она не могла его преступить.

Василий, видимо, тоже был воспитан в старых традициях: он понимал, что за все надо платить. А может, он просто боялся огласки и каких-либо последствий по партийной линии? А черт его разберет! Он предложил Анне зарегистрироваться. После долгих раздумий, она согласилась: все же лучше, если у ребенка будет отец, да и сраму перед родными не будет.

Через четыре месяца родилась Варенька...

Напряженные отношения с Василием начались у Анны почти сразу. Хотя все, вроде, и утряслось, но обида так и не угасала.

Василию на работе дали жилье: комнатку в густонаселенной квартире. Плохонькое жилье, но все же лучше, чем ничего! Работал он как-никак в «оборонке», был на хорошем счету – передовик производства, комсомольский вожак и даже уже член партии. К тому же его только что повысили до техника-сборщика первого разряда.

Началась тяжелая будничная жизнь. Денег вечно не хватало. Анна вскорости вышла на работу, устроив Вареньку в ясли.

Василий подолгу задерживался на работе. Приходил часто какой-то взвинченный, вынимал из кармана пиджака четвертинку, молча

наливал в граненый стакан и залпом выпивал, не закусывая, а потом бухался в кровать и засыпал беспробудным сном.

Анна чувствовала себя будто вдовой при живом муже. Она совсем не так представляла себе семейную жизнь. Ей нужен был человек, которому она была бы нужна. Чтобы можно было сесть рядышком, чтобы муж обнял ее, чтобы можно было поговорить о жизни, о книжках, которые она продолжала читать взапой в редкие минуты покоя. Но Василий оказался наредкость неинтересным человеком, необразованным, почти ничего не читавшим, кроме «Краткого курса» перед политсеминарами.

«Семейная» же их жизнь ограничивалась нечастыми ночами, когда Василий – обычно подвыпивший – так же, как и в первый раз, внезапно грубой силой овладевал ею...

Однажды вечером, чистя пиджак Василия, Анна нашла в кармане пакетик с презервативом... Ярости ее не было предела, она растолкала Василия и наговорила тому разных злых и искренних слов, вlepив ему заодно и оплеуху. В ответ он раскрытой ладонью так толкнул ее в лицо, что она отлетела аж к двери комнатенки и упала на пол у самой Варенькиной кровати.

Василий, бормоча что-то грязное, снова грохнулся на кровать, повернулся лицом к стене, и вскорости был слышен обычный храп пьяного мужика. Анна всю ночь не сомкнула глаз, слезы обиды и отчаяния душили ее. Если бы не ее понятия о грехе, она бы, наверное, наложила на себя руки...

Но потом, успокоившись, подумала: «А что я, собственно, так разбушевдалась? Мы же с ним совсем чужие друг для друга люди!»

Варенька оставалась единственной отрадой в жизни Анны. Девочка росла здоровая, веселенькая. Лопотала что-то, не переставая, на своем птичьем языке. Была шустрая – за ней только глаз да глаз. Конечно, жизнь у Анны была, как говорится, не сахар – утром до работы надо отвезти дочку в ясли (благо, что по пути на фабрику), потом из яселек забрать, да еще и в продмаг по пути забежать. А там вечные очереди, народ хмурый, недобрый, усталый. А дома – опять содом и гоморра – толчея на махонькой кухоньке в борьбе за свободную конфорку, постирушки в общей ванной в перерывах между соседскими помывками... Вот и весь день!

Слава богу, была у них добрая соседка – Екатерина Павловна, на которую иногда можно было оставить Вареньку, чтобы сбегать отовариться в магазин или оттащить грязное белье в прачечную. Правда, Варенька своим детским умишком расценивала это как предательство со стороны матери, а Екатерину Павловну невзлюбила. Та же, будучи уже старой и совсем одинокой – видать, никого близких у нее не было – привязалась и к Анне, и особенно – к Варенике. Каждый раз, когда Екатерина Павловна заходила к Анне за каким-нибудь пустячком, Варенька, будто предвидя расставание с матерью, ударялась в слезы, говоря: «Тётя Катя, топ-топ нозкой свою кому!» Екатерина Павловна заливалась в умилении хохотом, что быстро и Вареньку приводило в нормальное состояние. Потом это у них превратилось прямо-таки в игру. Даже когда Варенька уже научилась хорошо говорить, она

встречала Екатерину Павловну теми же словами, но с улыбкой, бросалась к ней и обнимала ее ногой...

Жили Анна с Василием, как чужие, только что – под одной крышей. Зарплату он приносил, молча клал на стол. Когда и куда уходил, никогда не докладывал. Они почти не разговаривали друг с другом, разве что на хозяйственные темы.

Варю, правда, Василий любил, иногда по выходным возил ее в зоопарк на Пресне, ходил с ней на детские сеансы в кино, даже книжки иногда читал ей перед сном. Она отвечала на его любовь тем же. Она вообще была ласковый и добрый ребенок.

Однажды Василий пришел со службы какой-то возбужденный – то ли обрадованный, то ли напуганный, и объявил: «Еду в длительную командировку в Крым». Анна смолчала – может, с какой полюбовницей своей решил в отпуск поехать, кто его разберет. Собрала ему вещички, уложила все аккуратненько в чемодан. «Да не-е, я, правда, в командировку» – сказал Василий, будто догадавшись о мыслях Анны. «Но провожать меня не ходи. Не велено». Где-то через час в дверь постучали, это пришел напарник Василия, Додик Розенштейн, пожалуй, единственный порядочный человек из его дружков, не пьющий, не гуляющий и тоже партийный. С Лорочкой, женой Давида, Анна почти дружила – та жила в соседнем подъезде, и подружки частенько забегали друг к дружке за солью-спичками. Да и Варенька училась с Лоркиным сыном в одном классе. Так что были эти две семьи едва ли не в родственных отношениях.

Василий вышел к Давиду на лестничную площадку с чемоданом – даже не пригласив друга войти и присесть на дорогу. Оба они были какие-то взбудораженные, взъерошенные. Додик помахал стоявшей в дверях Анне рукой, как это делают отъезжающие на перроне: «Ну, пока, Анка! До свидания или, может, прощай!»

Через несколько дней Анна узнала от сослуживцев Василия, что его почти со всей его бригадой послали в дальнюю командировку, а вездесущая Лорка по секрету сообщила, что получила тайное письмо от Додьки, о котором он просил, чтоб молчок! Их в Одессе посадили на пароход, отвезли чуток от берега, собрали всех на палубе и объявили, что ехать они должны в Испанию, помогать воевать испанскому народу с фашистами. Будут прямо там, на месте собирать истребители для республиканской армии. Кто, мол, трусит – может сесть в шляпку, и его отвезут на берег. Три каких-то идиота, решили сойти на берег, не понимая, что там их тюряга ждет!

Отношение Анны к Василию как-то потеплело: как-никак, а поехал почти воевать за них с Варенькой! Ведь испанцы, думала Анна, наши братья по классу, тоже пролетарии! В это время в Москву уже начали привозить первых испанских детей, чтобы уберечь их от вражеских бомбежек на их родине.

Прошло время, Василий и Додик вернулись домой. Они были гордые и счастливые – их двоих наградили большими орденами: каждому дали по боевому ордену Красной Звезды, который был тогда в диковинку. Всем было понятно, что боевой орден за просто так не дают! Они оба гордо рассказывали со своими боевыми звездами, привинченными к пиджакам. Однако за

что им дали ордена, они молчали, как сейчас говорят, «как рыба об лед».

После Испании отношения Анны с Василием вошли в нормальную колею. Они стали жить так, как жили и остальные их знакомые: ходили вместе в гости, гуляли с Варенькой. Василий много рассказывал ей по секрету о том, как они работали буквально без передыху, какие замечательные испанские парни. Видно, ему хотелось выговориться, а говорить про Испанию, наверное, запретили. Когда Анна во время его рассказов спросила однажды, а как там испанские женщины, он без раздражения просто ответил: «Ну что ты, Аня! Нам было не до пустяков. А потом – это же заграница, там нельзя...»

Потом в один из дней оба – и Василий, и Давид – не вернулись со смены домой. Лорка прибежала к Анне вся всклокоченная, лица на ней не было, глаза безумные: «Я знаю! Я знаю... Их забрали в НКВД!»

Через неделю Василий вернулся: глаза впалые, под ними синяки, пальцы перевязаны, когда Анна помогала ему мыться под душем – сам он не мог из-за покалеченных рук, – то увидела на его спине еще незаживленные раны...

О том, что с ним произошло, Василий не промолвил ни слова, и Анна поняла, что им запретили рассказывать о происшедшем.

Когда прибежала плачущая Лора узнать про мужа, Василий, не глядя ей в глаза, лишь сказал: «Лорочка, нас сразу же разделили, больше я его не видел...»

Потом Лора получила бумагу из органов, что ее муж Давид Ильич Розенштейн объявлен

врагом народа и по статье 58 сослан в лагеря без права переписки...

Лора вскоре умерла, как говорили раньше, «от горя», а ее сынишку усыновила сестра Давида...

Василий замкнулся. Свой орден он с пиджака свинтил, завернул в тряпочку и спрятал в нижний ящик комода. Однажды, убираясь в комнате, Анна в том же ящичке нашла запрятанный дальний уголок ящика маленький дамский пистолетик, видимо, привезенный Василием тайком из Испании. Она подумала тогда: «Наверное, из такого же вот стреляла эсерка Каплан в нашего Ленина!» Когда Анна спросила Василия, зачем он держит наган дома, он грубо ее прервал: «Молчи, дура, и держи язык за зубами. Больше я им живым в руки не дамся!»

Пить Василий перестал совсем. Может, боялся в пьяном виде сболтнуть чего? Но зато начал курить, как теперь молодежь говорит, как лошадь: одну папиросу прикуривал от другой...

И опять отношения Анны с Василием, как инеем покрылись. Да и с Варенькой Василий стал каким-то холодно-отрешенным. Словом, сломали человека... А ведь он привык быть первым парнем на деревне – и балагур, и перебить мог, кого хошь. Правда, бабы на нем продолжали вешаться, даже не стесняясь Анны! Да и он этому как-то нельзя сказать, что противился, хотя удаль прежняя с него слетела, как тополинный пух.

А потом началась война с Германией. В тот самый страшный день сразу после утреннего «Интернационала» из «тарелки», которая висела на кухне, раздались тревожные и страшные сло-

ва Левитана: «От Советского Информбюро. Сегодня, двадцать второго июня, в 4 часа утра, без объявления войны, германские войска вероломно напали на нашу страну...». Соседи высыпали из своих комнаток и застыли, не зная, что и сказать. Только слышны были причитания Екатерины Павловны: «Господи, Боже мой... Господи, Боже мой...»

Василия не призвали, хотя он и рвался на фронт – в военкомате категорически отказали: «На заводе вы фронту нужнее».

Завод эвакуировали на Урал. И вот здесь, в эвакуации у Анны зачем-то родилась вторая дочка, Наташенька... Нет, она хотела иметь второго ребенка – все же еще одна отдушина в этой беспроблемной жизни, но как-то это было не ко времени: жить негде, жрать нечего. Хотя иа, возникла у нее потаённая мечта: вдруг второй ребенок как-то склеит семейную жизнь?

Потом возвращение в Москву. Учитывая, что у Василия двое детей, завод выделил ему комнатку побольше, хотя и опять в коммуналке. Жили Анна с Василием опять в том же районе – около трикотажной фабрики и авиационного завода. Опять пошла однообразная повседневная муть...

Потом был ужас: в марте пятьдесят третьего умер товарищ Сталин... На Анну, как и на всех советских людей, навалилась тяжесть страшного горя: трудно было даже представить, как же жить дальше-то без Сталина? Старушки воткрытую рыдали, мужики ходили хмурые.

Но вот прошло года два-три, и Хрущев рассказал всему народу про сталинские злодея-

ния... Даже и не верилось! Не поклеп ли это все? Они ж там, наверху, что пауки в банке!

Но оказалось, что при Хрущеве жить значительно легче, вольготнее, чем при «отце родном», в магазинах продукты появились, страх пропал. Василий стал снова открыто носить свой орден за Испанию, а потом его даже показывали по телевизору – там собрали десятка три интербригадовцев. Правда, Давида Розенштейна среди них не было...

Вскоре Василию дали маленькую трехкомнатную квартирку в «хрущобе» около работы. По радио долдонили, что не сегодня-завтра наступит коммунизм, хотя никто толком и не понимал, что это такое. То, что тогда денег не будет – это никого не удивляло: у большинства и без коммунизма денег не водилось. И смех, и грех!

Время мчалось быстро. Варенька уже институт закончила, замуж выскочила... Наташенька – только поступила... В малогабаритной квартире с совмещенным санузелом жили они все вместе: Анна, Василий, обе их дочери и Варенькин муж.

Василий с зятем не сошлись характерами. Очень уж разные были они. Василий обращался к Вариному мужу не иначе, как «Ну ты, интеллигент», на что тот иронично улыбался и отвечал: «Спасибо, Василий Кузьмич, за комплимент!»

* * *

Анна продолжала в задумчивости идти по аллейке. Потом будто от сна очнулась. Посмотрела на часы – уже домой пора, пока зять – ее «сменщик» не вышел из дома: а то получится,

что – ни сиделки у больного, ни самого больного...

Анна встала со скамьи, привычно одернула юбку, и на мгновение застыла... В ее голове мелькнула грешная мысль: «А что? Может, жизнь-то только начинается? Разве сорок девять лет – это возраст? Как это там говорят: Бабий век – сорок лет. Сорок пять – баба ягодка опять!»

Анна расправила плечи, вздохнула полной грудью и бодрым шагом направилась в сторону дома.

Оленёнок

Константин ехал домой в почти пустом ночном троллейбусе, который, как собака, сорвавшаяся с цепи, мчался по пустынным московским улицам. Он сидел погруженный в свои невеселые думы: еще один период, казавшейся ему почти благополучной жизни, оборвался...

Вся его жизнь, точнее, семейная жизнь, мелькала у него в мозгу моментальными кадриками, как при прокрутке киноплёнки, иногда прерываясь коротенькими же размышлениями, а точнее, даже не размышлениями, а всплесками эмоций на мелькающие картинки...

На душе у него, как говорится, скребли кошки...

* * *

Жил Костя у своей матери, которая приютила его, когда он ушел из своей семьи. Что произошло? Да то же, что и у многих других: вдруг раскрылись глаза, и стало понятно, что *так* жить дальше нельзя. Как *так*? Да у каждого по-своему. Он умом понимал, что Галина, его жена,

была очень хорошим и добрым человеком, но вот попала ей шлея под хвост!

Ну, конечно, нет дыма без огня... Правда, и огнем это не назовешь.

А дело было так. Однажды Костя собрался пойти купить сувениры для своих американских коллег, собираясь на предстоящую конференцию в Бостон. Жена Костиного друга, Светлана, узнав об этом, когда они с мужем были у Кости с Галей в гостях, с энтузиазмом вызвалась помочь, чему Костя даже обрадовался. Света ему была всегда очень симпатична. Он чувствовал, что между ним и Светланой натянута какая-то невидимая ниточка, частенько он ловил ее взгляды (а ведь чтобы «поймать взгляд», надо самому в ту сторону поглядывать ☺). И вот, когда Костя со Светой ходили по магазинам, Света что-то уронила на пол, они оба одновременно нагнулись, их руки встретились, они, не отпуская рук друг друга, поднялись и оказались лицом к лицу. Они поднимались, смеясь, но, встав рядом, вдруг... Света застыла с соблазнительно слегка полураскрытыми губами и смотрела своими удивительными глазницами, не отрываясь, Косте в глаза... У Кости перехватило дыхание и ноги стали какие-то ватные... «Вот так, наверное, и падали слабонервные гимназисточки сна-

чала в объятия кавалеров, а потом и ниже...» — подумал Костя, беря себя в руки. Света тоже оправилась от своего эмоционального шока...

Вообще-то Константин был, что говорится, «мамонт-однолюб». Был он видный парень — косая сажень в плечах, остроумный, да и просто умный — он, как-то шутя, защитил кандидатскую диссертацию по математике. В любой компании он был душой общества, девицы почти всех возрастов пожирали его глазами. Но за долгие двенадцать лет безупречной «семейной службы» у него ни разу ни с кем не было даже легкого флирта, не говоря уж о большем...

А тут вдруг произошел буквально эмоциональный взрыв: Константин почувствовал поистине незнакомую ему доколе бурную страсть.

Нынешнему молодому поколению этого не понять. Видимо, каждое социальное потрясение сотрясает и нормы морали. Вон в двадцатые годы после большевистской революции процветала теория «стакана воды», по которой утолить половую жажду было столь же обычно и естественно, как и выпить стакан воды. А теперь, в апогей расцвета бандитского капитализма в России, пятнадцатилетняя вертихвостка будет считать себя неполноце-

ной, если она сохранила свою девственность...

Но вернемся к нашему повествованию. И Константин, и Света поняли, что какая-то дамба, сдерживавшая их спрятанные эмоции, рухнула, и они оказались в пучине водоворота, который тащил их куда-то, помимо их воли...

Им хватило здравого смысла сдерживать себя: у Светланы были две дочки-близняшки, а у Константина девятилетний сын и трехлетняя дочка – маленький теплый комочек...

Все бы так и закончилось тихо и спокойно, но... Константин, вернувшись домой, не смог сыграть свою обычную ночную роль супруга. Когда они с Галиной легли спать, он необычно для себя вел как-то вяло, и на вопрос Галины: «Что-нибудь случилось?» он зачем-то ответил: «Ничего-ничего... Это скоро пройдет...» – «Что пройдет?! Что-нибудь было?!...»

И вот с этого момента все и началось: постоянные вспышки необузданной ревности, упреки в неверности, угрозы развода...

И кто его за язык тянул говорить эту никому не нужную «правду»?.. Женщины никогда не упрекают вас за любое прошлое, которое было «до них», но измены себе они не прощают никогда. (Да-

же если «все проходит», у них на всю жизнь остается незабываемый горький осадок...)

Через какое-то время Константин ушел жить к своей матери. Больше всего, конечно, страдали дети. Константин, не выдерживая, несколько раз возвращался, но с Галиной все сломалось бесповоротно... Он стал жить у матери, забирая детей на выходные.

* * *

Правду говорят люди, что свято место пусто не бывает. Здоровому мужчине в самом цвету, хошь-нехошь, а нужна женщина. Было у Константина три «случайных связи» с неслучайными знакомыми женщинами, которые ввели его в соблазн. Но об этих эпизодах он и вспоминал почти с отвращением: где-то, как-то, на ходу, когда вся «страсть» располагается только ниже пояса. Уж лучше даже «для здоровья» заниматься онанизмом! Ведь обладание женщиной без души – это просто животное соитие.

И вот тогда он встретил в институтской библиотеке совершенно удивительную молоденькую женщину, которая работала библиотекарем.

Звали ее Ольгой, была она стройна, пожалуй, даже грациозна, с «современ-

ной» фигурой – ноги у нее, как говорили тогда, «росли сразу от плеч». Но самое поразительное в ней было ее лицо: очень правильные черты лица с миндалевидными глазами, как у лани. Глаза эти всегда были грустными, как у мадонн на картинах эпохи Возрождения, что сразу выделяло ее из окружающих.

Константин почти сразу же дал ей прозвище «Оленёнок».

Как-то так получилось само собой, что Константин стал провожать Олю домой – жила она рядом с работой, минутах в десяти-пятнадцати ходьбы. Вышло это очень естественно: Константин засиживался до конца работы библиотеки, поэтому они выходили из здания вместе. Постепенно эти прогулки удлинились, они уже не ходили, а гуляли, рассказывая друг другу про свою жизнь.

У Ольги был сын – двухлетний Васька, который проводил день с бабушкой, которая жила по соседству. Ольга каждый день отводила сына к ней, как в садик. Возвращаясь домой она звонила своей маме, и та приводила Васю домой, проводя вечер с дочкой и внуком.

Ольга не была замужем: отец Васьки, слушатель одной из военных академий, обещал Ольге жениться, но после окончания получил направление куда-то в Тьмутаракань, пообещал ей вызвать ее,

как только обустроится, но спинул «без извести», не писал и не звонил. Словом, «поматросил и бросил». Ольга посчитала выше своего достоинства узнавать адрес беглеца и качать права: кому такой мужик нужен?

Константин рассказал Оле о своей прошлой жизни, о том, как ему трудно без ежедневного общения с детьми. Оля выслушала его с пониманием и сочувствием. Когда же Костя сказал, что он не развелся с женой, чтобы не потерять детей, Оля спокойно заметила:

– С детьми не разводятся... И умная женщина никогда не лишит своих детей любящего отца,

Постепенно эти провожания удлинились. Оля с Костей говорили не только о злободневных жизненных вопросах. У них оказались общие увлечения искусством и музыкой. По четвергам, когда Пушкинский музей работал до девяти вечера, они частенько ходили туда. Оба были страстными поклонниками современной живописи, особенно французских импрессионистов, хотя самые любимые вещи у них были разные. Костя первое место ставил Клода Моне – «Парламент» в светло-сиреневых тонах. Около этой картины он мог стоять бесконечно, лаская глазами каждый неповторимый штрих. Оля отдавала предпочтение Ван

Гогу. Больше всего ей нравилась «Звёздная ночь», которую она знала по репродукциям. Узнав об этом, Костя подарил ей альбом Риццоли с прекрасными репродукциями картин Ван Гога, который он приобрел несколько лет назад во время служебной командировки в Италию. Оля была на седьмом небе от счастья.

Иногда они выбирались и в Консерваторию. Оба оказались большими любителями и даже знатоками классической музыки. Но и тут из предпочтения различались: Оля любила Моцарта и Бетховена, а Костя – Рахманинова и Грига. Конечно же, они знали и любили всю классику от Баха до Гершвина.

В дни концертов Оля оставляла Ваську у своей мамы с ночевой. Как-то, когда Костя провожал Олю до дома после концерта, та предложила зайти попить чайку. Конечно, чаем не кончилось...

Так они стали любовниками. Оба они понимали, что это была не ослепляющая и обжигающая страсть, а спокойное и глубокое чувство, какое испытывают, наверное, горячо любящие друг друга супруги, прожившие вместе лет пятнадцать-двадцать.

Так прошло почти три года. За это время Константин раза четыре возвращался домой «к детям». Но прежних отношений с Галиной, конечно, наладить было невозможно. И они оба это отчетливо понимали. Да, прав был старик Гераклит, говоривший, что нельзя дважды войти в ту же реку... Все эти возвращения были кратковременны и, по сути, бездейны. Но Константин не мог себе представить развода: как он будет смотреть своим детям в глаза? А что если Галина вдруг задумает выйти замуж за кого-нибудь? Каково же будет его детям?

И вот однажды, когда Оля с Константином пришли из Консерватории к Оле домой, всё еще находясь под впечатлением от «Фантастической симфонии» Берлиоза, Оля, как всегда накрыла на кухне чай и сказала Косте:

– Мне нужно серьезно поговорить с тобой, только, пожалуйста, не перебивай меня.

– Что же это за разговор такой, когда один говорит, а второй должен молчать? – с улыбкой спросил Костя.

– Извини, я неправильно выразилась. Мне нужно тебе сказать нечто очень важное. – Она сделала паузу, помешивая ложкой в стакане. – Очень важное...

Давай расстанемся... Да-да, именно сейчас в момент дасцвета наших с тобой отношений. Сохраним друг о друге хорошие, теплые воспоминания. Я понимаю, что у нас с тобой не было всепоглощающей страсти до потери сознания. У нас с тобой была какая-то платоническая любовь с «инкрустацией секса».

Как? Здорово я завернула?

Меня это вполне устраивает: что может быть такого мужа – ласковый, внимательный, умный, добрый... Но ты мне не муж. Мы с тобой любовники.

Ты все время помнишь о своих детях, И это очень здорово. Я тебя за это очень уважаю. Но ты считаешь, что твой развод с Галиной – это ужасная травма для твоих детей.

Но подумай теперь обо мне и о Ваське. А разве хорошо будет, если Васька подрастет и осознает, что он живет не с «папой», а с чужим приходящим дяденькой?

Сколько лет ты уже как ушел из семьи? А ведь ты до сих пор не оформил формального развода, что приводит к тому, что ты, извини за выражение, так и болтаешься, как говно в проруби...

Я думаю, что ты с самого начала своего брака все делал неверно. Ты из своей Гали сделал Галатею, исполняя роль Пигмалиона при ней. А на самом

деле, тебе нужна была не Галатея, а Гала, как у Сальвадора Дали – образованная, умная, пылкая... Тебе, на самом деле, нужен союз равных душ, а не интеллектуальное рабовладение...

Может, я и неправа, но это дело прошлое и уже непоправимое.

Я понимаю, на какую потерю я себя обрекаю... Я знаю, что ничего такого уже у меня не будет. Во всяком случае, твой образ, память о тебе, безусловно, исказят мое будущее – ведь ты у меня, как первая любовь...

Вынуждать тебя развестись и жениться на себе я не могу. Это не в моих принципах. А сам на такой шаг ты не готов, да и будешь ли готов когда-нибудь!

Так что прощай, моя единственная и неповторимая любовь!

Не надо, не говори ничего... Не будем устраивать мелодраматической сцены прощания...

Троллейбус резко дернуло,
- Гражданин, конечная... Выходите.
Мы закончили смену.

Вот черт! Он пропустил свою остановку! Теперь придется пёхом добираться до маминого дома...

ПИСЬМО В НИКУДА

Мне всегда казалось, что исповедаюсь я бумаге, душе станет легче. Но я никогда ничего такого не писала и боялась начать. И вот теперь я решилась на эту исповедь – пусть тайную, пусть сокрытую ото всех, как смерть Кощеева, упрятанная на неведомом острове Буяне, где дуб растет, на коем сундук, а в нем заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо, а в яйце игла...

И ведь, наверное, люди не зря исповедуются, и не зря, наверное, исповедь – всегда тайная. Ведь главное – выговориться, а там станет легче. И почему легче – никто не знает: вроде ведь ничего же не изменилось, все по-прежнему осталось, а ведь полегчало!

Да, вот теперь, когда жизнь моя подошла уже к краю, мне эта исповедь стала просто необходима. Рассказать все как на духу, без утайки, без вранья, без попыток казаться лучше, чем я есть... Зачем? Не знаю... Может, чтобы понять самое непостижимое – самоё себя.

Вот живу я уже третий год одна после смерти Алика... Глупо сейчас судить, простила ли я его или нет – какой в этом смысл? Ну, да, испортил он мне жизнь. А не сама ли я сделала выбор? А если бы я сделала иной выбор, была ли бы я счастливее? Так что винить его не в чем: он жил, как умел, а я жила, как могла.

Да и на что жаловаться? Я с содроганием вспоминаю свое детство. Помню, что отец мой был мягкий и добрый человек. Но я его, на самом-то деле, помню очень смутно. Ведь когда его, возвращавшегося ночью с друзьями после

ночной смены, слегка выпившего, сбило на-
смерть каким-то пальным грузовиком, мне было
всего шесть лет...

После смерти отца мать зашла, загуляла.
Она и так-то меня не слишком привечала, а те-
перь и вовсе зашпыняла. Жила я сиротой при
родной матери.

Едва ли не каждый вечер к матери наве-
дывались мужики, они пили, горланили дурны-
ми голосами пьяные песни, потом все затихало.
Свет гас. А я с глазами, полными слез, лежала на
своем махоньком диванчике – ног не протянуть
– в нашей кухоньке, что и была-то размером бук-
вально с обеденный стол, и долго не могла за-
снуть.

А однажды один из маминых «кавалеров»,
идучи в туалет по нужде, открыл дверь в кухню
и, увидев меня, с пьяным мычанием приблизился
ко мне и бросил свое грязное и вонючее тело на
меня... Я истошным голосом заорала, моя мать
влетела в кухню и, схватив с плиты тяжелую ско-
вороду, хрястнула мужика по башке. Тот обмяк
и сполз на пол в беспамятстве.

Мать бросилась ко мне, стала обнимать,
целовать, приговаривая какие-то необычные для
меня слова типа «доченька моя любимая», «свет
ты мой в окошечке» и так далее.

□ ужика мы с ней с трудом вытащили за
дверь, на лестничную площадку, куда мама вы-
бросила вслед и его брюки с ботинками. К утру,
когда мы вышли из дома – я в школу, а мама на
свою фабрику, – его уже не было...

Но отношения наши с мамой, к сожалени-
ю, не улучшились. Возможно, она и мужика-
то треснула сковородой из-за пьяной ревности,

а не защищая меня... Впрочем, это я, наверное, зря: из меня просто лезет наружу обида за исковерканное детство. А ведь все же мать есть мать...

Все эти уроки жизни научили меня одному: я и только я отвечаю за себя, мне не от кого ждать помощи, не на кого надеяться. Я стала буквально с остервенением учиться: была, наверное, лучшей в классе. Но и тут не все было так уж хорошо... Учились мы в женской школе (тогда девочки и мальчики учились раздельно), а девчонки всегда – завистливые твари. Я была девицей независимой, видной, как теперь понимаю, за словом в карман не лезла, да еще и училась хорошо, поэтому у меня образовалось много недоброжелательниц.

Медаль я за школу не получила: при всех остальных пятерках получила тройку по физике, которую уж точно знала лучше всех остальных предметов, за то, что стала спорить с экзаменационной комиссией, доказывая свою правоту. Правоту-то я доказала, но оскорбленная комиссия сбросила мне два балла «за недопустимое поведение на выпускном экзамене».

В институт я поступила довольно легко. И именно на физике экзаменатор похвалил меня за ответы.

Потом институт, общежитие. Я была счастлива, что вырвалась на свободу! Жизнь была напряженная, особенно на первом курсе: стипендия была мизерная, чтобы хоть как-то жить и немножко одеваться, мне пришлось подрабатывать: с утра я работала почтальоном на ближней почте, разнося утренние газеты и письма, а по вечерам иногда подменяла уборщиц в институте.

Конечно, я выглядела дворняжкой в обществе породистых собак: провинциалка среди столичных пижонов. И мои пятерки не могли загладить всеобщего отношения ко мне, как к плебейке.

Но уже после первого курса я стала получать повышенную стипендию, что освободило меня от необходимости подрабатывать все свое свободное время. А еще через год я уже стала Сталинской стипендиаткой. Начались разные комитеты комсомола, комсомольские конференции и прочая муть, которую я не любила, но в которую вынуждена была «играть». Вступления в партию мне удалось избежать, скорее всего, только потому, что туда с большим желанием принимали мальчиков.

Тем не менее, мое «положение в обществе» изменилось коренным образом: впервые в жизни я перестала быть социальным изгоем.

И вот где-то в конце третьего курса я встретила Алика. Собственно, что значит «встретила»? Он учился на том же курсе, но на соседнем факультете, все крутились на одних и тех же вечерах, и самодеятельность у нас была общая.

Я его заметила давно, когда еще пребывала «в золушках». Он был симпатичным, хотя, видимо, и далеко не красавцем, общительным и открытым, неплохо учился. Мне он очень нравился. Девицы на нем висли гроздьями, но он был увлечен Майкой – яркой девицей с нашего потока, что и делало его частым гостем у нас на курсе. Майка была из аристократической семьи, но при этом не задавалась, хотя и держалась все время особняком. Говорили, что она чуть ли не повенчана (хотя в то время это слово не имело никако-

го смысла) с известным молодым кинорежиссером, сыном друга ее отца. Майка и на самом деле была красива, держалась – ну прямо тебе королева английская, правда, умом не блистала, но и глупой ее назвать было нельзя.

Алик вился вокруг нее, как собачонка, но она отвергала все его притязания.

Все же однажды под удивленными взглядами едва ли не всего курса он пригласил ее в кино, и она не отказалась. Что случилось в кино, никто не понимал, хотя по курсу поползли всевозможные слухи. Очевидно было только одно: после этого кино Алик стал для Майки «персона нон грата».

Алик стал буквально больной. Он появлялся на нашем курсе чаще, чем всегда. Даже иногда зачем-то сидел на лекциях, но не слушая, конечно, а пялился по-собачьи преданными глазами на Майку, которая на него – ноль внимания.

Он был отвержен, он страдал. И дело было не в самолюбии отверженного, а в том, что он, видимо, искренне любил ее первой чистою юношеской любовью. А то, что произошло в кино... А кто его знает, что там произошло!

И тут-то в моей душе, перенесшей столько страданий за такую короткую жизнь, вспыхнуло какое-то непонятное чувство – симпатии, сострадания, почти материнского желания приголубить бедного мальчика. И однажды я, когда никого вокруг не было, подошла к нему и ... пригласила его в кино. Шел какой-то напумевший тогда фильм итальянских неореалистов. Мы просидели весь фильм молча, даже не касаясь друг друга локтями – первая возможность физического контакта у молодых юношей и девушек

того времени. (Не то, что теперь – сразу же в койку; прямо по-ленински – «ввяжемся, а там разберемся»). Впрочем, опять начинаю ворчать: ничего не поделать – меняются времена, меняются и нравы!)

После кино мы также молча шли по вечерним московским улицам, шли, не зная куда. Разговор постепенно завязался. С фильма мы перешли на живопись, с живописи – на поэзию, с поэзии – на музыку... Тут я показала себя далеко не с самой лучшей стороны: в живописи я не ушла дальше Шишкина да Васнецова, в поэзии я была ограничена тем, «что проходили в школе», а в музыке – и вообще «непаханое поле».

Алик проводил меня до дверей моего общежития и предложил завтра встретиться опять. Я поняла, что ему так одиноко, так пусто, что ему нужно выговориться... А у самой от счастья сердечко билось, как заячий хвост.

Мы с Аликом стали встречаться регулярно. Он продолжал заходить на наш курс (уже ради меня), правда, реже, чем раньше, при этом Майку старался избегать. Ну, а со мной ему не было особой нужды встречаться на курсе – мы с ним виделись каждый день после института.

Итак, все вышло прямо по Шекспиру: «Она его за муки полюбила, а он ее – за состраданье к ним»...

Оказалось, что у нас много общих интересов: нам нравились одни и те же книги, одни и те же кинофильмы. Но это касалось вкусов. И хоть в детстве я и читала много, но все же Алик тут был гораздо образованнее меня: его мать преподавала французскую литературу в Инязе, а его отец был замом главного редактора в одном

из «толстых журналов». Его с пеленок воспитывали в обстановке классической литературы, классической музыки и классической живописи.

Алик взялся за мое «образование» с азартом Пигмалиона. Он знал на память массу стихов. Он читал мне какое-нибудь стихотворение и спрашивал тут же: «Ну, как ты думаешь, кто автор?» Чаще всего я не знала, и он с умением профессионального литературоведа начинал объяснять мне особенности стиля, характерность «словаря» поэта, рассказывал его биографию...

Он водил меня в Консерваторию и в Зал Чайковского, рассказывая мне до концерта и о композиторах, которых нам предстояло послушать, и о самих музыкальных произведениях.

Когда мы буквально «по-картинно» обошли Третьяковку и Пушкинский, он стал рассказывать мне об Эрмитаже и Русском музее, обещая мне, что как только будет можно, мы поедем в Ленинград и проведем целую неделю в этих музеях.

Я была в диком восторге от Алика, от его буквально энциклопедических гуманитарных знаний, от его умения зажигательно и красиво говорить. Я поняла, что это тот человек, которого я ждала всю жизнь... Я в него влюбилась безотчетно, беспредельно, безумно... Даже слов не могу подобрать! Нет, это было больше, чем любовь – меня не просто влекло к нему физически, я слилась с ним душой своей, я жила им, я не мыслила себя без него...

... Даже самая романтическая любовь приводит к вполне земным результатам: на пя-

том курсе мы поженились, а перед самой защитой диплома я родила Ваську.

Нас, естественно, направили работать в один и тот же «ящик». Все называли нас идеальной парой. Да и мы сами, по крайней мере я, считали так же: я продолжала им восхищаться, а он всегда повторял, что я – его единственная поддержка в жизни.

Алик с годами мало изменялся: он оставался душой любого общества, в которое он попадал. На него все так же бросали жадные взгляды женщины, особенно молоденькие, у кого еще ничего в жизни не сложилось.

Да и научной его карьере можно было только позавидовать: в тридцать он защитил кандидатскую диссертацию и стал преподавать в том же институте, который мы с ним заканчивали. У него появились первые аспиранты и аспирантки. Потом докторская... Вскоре его назначили заведующим кафедрой.

К тому времени у нас появилась и дочка Настенька. Я ушла с работы, чтобы заняться с детьми: я хотела их вырастить такими же образованными, как их папа. А что может быть благороднее жизни, посвященной детям, думала я. К тому же материальные условия нашей жизни позволяли такую «роскошь».

Об Алике все говорили, как о выдающемся ученом: он опубликовал несколько монографий, у него росла научная школа, его часто приглашали на разные конференции за рубежом...

Я заметила какое-то изменение его отношения ко мне. На людях он был так же внимателен, так же заботился обо мне, как и в прежние годы, но я-то чувствовала, что что-то не так... Ка-

жется, я поняла, что «любовь из благодарности» – это шаткая почва для настоящей любви, для счастливой жизни на всю жизнь. Я-то его любила искренне и как-то даже бездумно, а он меня любил лишь за сострадание к нему, высказанное в очень нужный для него момент его жизни.

Он стал ходить на банкеты после защит диссертаций чаще, чем ходил раньше, хотя это вроде было и понятно: круг его учеников рос, росла и его «востребованность на рынке оппонентов». И все чаще он не брал на эти банкеты меня. С банкетов он часто приходил, мягко говоря, нетрезвым в каком-то взъерошенном состоянии. Почти молча, он грохался в кровать и мгновенно засыпал.

Все это было мне странно: он раньше совсем не пил, а ночи мы проводили так бурно, что я запирала дверь на защелку, чтобы – не дай Бог! – Васька или Настя не зашли в нашу спальню. И вот все так переменялось!

Однажды, когда Алик улетел в командировку то ли в Минск, то ли в Вильнюс, позвонил его сотрудник с кафедры и попросил Александра Борисовича. Я сказала, что он в командировке и вернется только через три дня. «А как же... Я его сегодня...» Голос осекся, раздалось «Извините!» и в трубке раздались короткие гудки.

Я поняла, что у сотрудника кафедры сработала «мужская солидарность»: он не хотел выдавать своего заведующего.

После приезда Алика «из командировки», он быстро понял по нескольким моим язвительным вопросам, что я либо все от кого-то узнала, либо сама обо всем догадалась. У нас с ним не было ни скандала, ни выяснения отношений.

Просто между нами образовалась какая-то ледяная корочка...

Неужели он обманывал меня и уходил из дома на несколько дней? Неужели у него кто-то есть? Я чувствовала себя обманутой, оскорбленной... Тем не менее, звонить на кафедру и проверять я считала ниже своего достоинства.

У меня даже появлялись грешные мысли: вот взять бы да и наставить ему рога! Но кому я нужна? Я жила только Аликом, только его жизнью, я знала только его друзей. Я потеряла почти все старые связи...

Да и вообще, какая из меня, к черту, «любовница»? Я даже и думать о таком никогда не могла без какого-то чувства брезгливости: это все равно, что доедать за кем-то обеды.

Потом появилась совсем шальная мысль – покончить с собой, но эта нелепая мысль тогда пропала, так же быстро, как и появилась: я ответственна за детей.

«Командировки» Алика закончились, но банкеты продолжались. После банкетов он иногда задерживался у своих друзей: «Знаешь, после банкета я заскочил к другу, ты его не знаешь, мы крепко выпили, а посему я заночую у него – не рисковать же ехать в пьяном виде через всю Москву!». И он оставлял телефон «на всякий случай», зная, что я никогда не буду звонить и проверять.

Но однажды Настеньке стало плохо, и где-то около одиннадцати вечера я позвонила по оставленному телефону. Ответил звонкий женский голосок: «Конечно, конечно! Сейчас позову. Витя-а-а! Витя-а-а! Позови Алика, ему жена звонит... Как заснул? Разбуди!» – Потом пауза. –

«Ой, извините, ваш муж спит беспробудным сном... Они с Виктором малость перешли...»

А на следующий день Алик со смехом пересказал мне эту же историю, но уже со своей стороны. У меня от души отлегло.

Постепенно наши отношения стали входить в какую-то более или менее спокойную колею. Я была поглощена детьми, Алик – работой. Правда, наша «ночная жизнь» была разрушена. Если он что-то и делал, то как-то нехотя, «через-не-могу». А вскоре и у меня пропало всякое желание. Я списывала это на климакс, но как-то было уж слишком рано: мне не было и срока.

Но вот в какой-то экстренной ситуации я опять позвонила по телефону, оставленному Аликом. Опять ответил женский голос: «Одну минуточку! Колюня, позови Алика, его жена на проводе... Слышишь? Ну, что ты мычишь? Извините, пожалуйста! Они с Николаем надрались, как козлы... Их не растормошить!»

Мне резко схватило голову. Как, он даже не поменял «легенду»? Опять женский голос? Опять эти глупые вопросы в пространство? Наверняка, он и эту научил нехитрому приему... А сам, небось, сидит и ухмыляется в это время своей любовнице – вот, мол, как мы эту дуру мотаем?!

Это был предел. Я замкнулась... Я сказала, что между нами все кончено. Он сидел молча, опершись локтями о кухонный стол и опустив голову на руки....

Я была еще относительно молода, а жизнь уже будто оборвалась...

Для меня это было началом труднейшего периода моей жизни... Хотела было устроиться на работу, чтобы как-то отвлечься от постоянно угнетавших меня мыслей, но работы не нашла. Да и что я могла делать? Мой институтский багаж исчез без следа после стольких лет домохозяйничания... Я стала: «бывшим интеллигентным человеком», как называли тогда реабилитированных заключенных.

Друзей старых я потеряла, а новых не приобрела – вокруг были только коллеги и ученики Алика.

Тягучее, беспросветное одиночество затянуло меня в свою пучину, выбраться из которой было невозможно...

Когда нам стукнуло по 60, что-то буквально в одночасье изменилось. Алик как-то сник, стал уставать, а посему чаще бывал дома и отдыхал. Мы стали говорить о чем-то или просто ни о чем, иногда он даже смотрел со мной телевизор, чего раньше с ним не случалось. Только ночи остались такими же холодными и одинокими, как прежде.

Сознаюсь, я была удивлена, нет – поражена – произошедшими переменами, полное отчаяние стало постепенно переходить в тихую грусть, хотя какая-то острая горечь не покидала меня. Но, тем не менее, временами мне даже стало казаться, что что-то возвращается... Будто тех двадцати лет одиночества и не было вовсе.

Алик продолжал вести очень активную научную жизнь, по-прежнему мотался по командировкам, но теперь уже иногда даже меня брал с собой. Однажды он взял меня с собой даже в

Америку на какой-то симпозиум, который проходил в Лос-Анджелесе.

Там мы встретили нашего однокурсника, Павла, который был нам страшно рад. Оказывается, что он был женат на нашей же однокурснице – Валентине, которую, правда, я смутно помнила:– была она в институте такой незаметненькой мышкой на общем ярком фоне.

Мы с радостью пошли к ним в гости, где Валя поведала мне о своей нелегкой жизни в Штатах. Вскоре после окончания института Валя вышла замуж и уехала с мужем в Америку. Они с мужем и дочкой поселились, в Сан-Франциско и вдруг... Муж ее бросил, бросил грубо, нелепо, подло; она осталась одна с маленькой дочкой на руках. Но у Валентины хватило характера не паниковать, не унижаться. Она жила с дочкой, перебиваясь с хлеба на воду. Подрабатывала, как могла, не гнушаясь даже самой черной работой.

Но тут произошла чудесная сказка, прямо тебе голливудский «хепши энд»: ее на интернетском сайте «одноклассники.ру» нашел наш же однокурсник, Павел, недавно овдовевший. Он предложил Валентине соединить судьбы: она одна, он один, вместе их все же будет двое. Она согласилась и без раздумий приехала к Павлу в Лос-Анджелес. Они начали жить вместе. У Павла был сын, который быстро подружился с Валиной дочкой – они стали настоящими братом и сестрой! И все четверо жили так, как дай Бог жить и любой счастливой семье!

Валентина с Павлом взахлеб рассказывали, как им хорошо друг с другом.

Заразителен, видимо, не только дурной пример, но и хороший. Эта встреча произвела

на меня и, наверное, на Алика большое впечатление. Мы, не сговариваясь, стали жить так, будто тоже, наконец, нашли друг друга. Наступило время если и не счастливой, то, по крайней мере, умиротворенной жизни. Я гнала от себя все мрачные воспоминаниями о прошлом: кто старое помянет тому – глаз вон.

Но Господь не забывает людей: как только им становится слишком хорошо, он, не колеблясь, подбрасывает им «испытание». Наше новое с Аликом «почти что счастье» было весьма скоротечным. Как-то он, почувствовав себя неважно, пошел к врачу. Вернувшись, он мне с какой-то виноватой улыбкой сообщил, что у него обнаружили неполадки с аденомой. Он и тут не преминул сострить (наверное, чтобы мне было легче все выслушать): «На всякого мудреца достаточно простаты. Не помнишь, у кого есть такая пьеса?». Это было похоже на те «литературные экзамены», которые он устраивал мне тогда, в далекой юности.

Болезнь довольно быстро развивалась. Я была вся в заботах о муже. У меня проснулись все прежние чувства – ведь близкий мне человек мучается, а я ему не могу ничем помочь! В этих его страданиях, которые он переносил с неизменной улыбкой на устах, мы вдруг вновь обрели друг друга. Я молила Бога продлить ему жизнь, но при этом избавить от мучений – ведь рак жестокая болезнь...

Вскоре он слег. Дети навещали нас каждый день. Часто заходили и его бывшие сослуживцы и ученики. Алик оставался все время веселым и приветливым. Он и меня все время подбадривал и непрерывно шутил.

Жизнь Алика оборвалась неожиданно: умер он в одночасье от обширного инфаркта – наша нерасторопная медицина не успела даже с неотложкой... Впрочем... По крайней мере, он ушел без мучительных болей.

Живу я теперь одна-одинешенька... Правда, дети меня не забывают. Почти каждую неделю кто-то из них да заходит, пусть ненадолго, пусть на 10-15 минут, но заходят. Они же вечно куда-то спешат!

Внуков Бог не дал... Может, пока?..

И вот сейчас сижу я и пишу эту исповедь, незнамо для кого...

Все мои обиды на Алика канули в ту же вечность, в которую канул он сам. Лишь горько, что выглянувшее сквозь прореху в тучах солнышко так нечаянно и быстро пропало. Но что поделать, ведь жизнь – это сплошная лотерея: кому как повезет. К тому же выигрышных билетов очень мало, если только они вообще есть...

И вот сейчас сижу я и пишу эту исповедь, незнамо для чего... Какая-то невидимая струна во мне оборвалась. Впереди пустота...

ОХОТА НА КЛОПОВ

Когда в одном закрытом авиационном НИИ открылась новая теоретическая лаборатория, то ее начальником назначили Егора Успенского – молодого неугомонного парня, который только что защитил кандидатскую диссертацию. Начинать нужно было с нуля. Первым сотрудником лаборатории стал Федя Сосницкий, направленный в НИИ по распределению. Выбирать не приходилось, ситуация была как у Адама: Создал Господь Еву из ребра Адамова и сказал ему: «Выбирай себе жену!»

Оказалось, что Федя кончил тот же институт, что и Егор, но пятью годами позже. Это их как-то сразу сблизило. Потом оказалось, что у них были одни и те же увлечения: оба любили кататься на горных лыжах, хотя мастерством и не блистали, и страстно увлекались теннисом, хотя и здесь без каких-либо даже скромных успехов. Так они стали проводить массу времени вместе, стали буквально неразлучными друзьями. Разницу в возрасте они не замечали, хотя на работе соблюдали заметную субординацию.

Но главное не это, а то, что Федор оказался на редкость сообразительным парнем.

Вскоре лаборатория разрослась, Федор, естественно, стал замначлаба, что еще больше спаяло друзей. Вскоре Егор буквально заставил Федора написать кандидатскую, став у того научным руководителем.

* * *

Шло время, безжалостно внося свои коррективы в жизнь наших героев. Сначала разлома-

лась семейная жизнь у Егора, он страшно переживал – ведь у него было уже двое детей.

Как ломается семья? А кто ж его знает! У каждого по-разному. Егор не мог даже для себя объяснить, что же произошло: что-то лопнуло, оборвалось... Начались неурядицы, ссоры на пустом месте... И Егор ушел... Ушел не к кому-нибудь, ушел в никуда.

Он стал жить у своей матери, но, как и почти все мужчины, будучи малодушным, трижды возвращался в семью, пока не ушел окончательно, продолжая почти все свободное время проводить с детьми – водил их в театры, в кино, на выставки.

Федор страшно переживал за своего старшего друга, но... судьба сыграла свою злую шутку и с ним.

В одну из ночей, во время свершения акта таинства любви Галя – Фебина жена, начала давить клопов на стенке! Эта «охота на клопов» одномоментно загасила Федину пылкую страсть. Она угасла будто свечка, на которую вылили ведро воды... Но дело не кончилось этим: спустя какое-то время Федя почувствовал, что стал просто-напросто импотентом, неспособным не то что выполнять супружеский долг, но даже о нем и думать.

* * *

Егор заметил, что с его другом происходит что-то неладное: пропал прежний искрометный юмор, в теннис он играл, будто находясь в спячке...

На вопрос, что же случилось, Федор поведал Егору свою печальную историю. Рассказывая, Федя так нервничал, что у него даже дрожал подбородок, как у сильно озябшего человека или, вернее, напоминало тремор подбородка у новорожденного. Егору стоило большого труда выслушать исповедь Феде с серьезным видом, хотя внутри его бурлило

дьявольское желание разразиться хохотом. Но было не до шуток, и Егор сдержался.

Через пару дней Егор спросил Федора:

- Ну, как дела? Все утряслось? Как с женой живете?

- Членораздельно... – Не удержался Федя, произнеся свой очередной каламбур-экспромт.

Смех смехом, а парню было действительно туго: в какие-то тридцать с небольшим стать импотентом – это совсем не смешно. Федор спросил друга:

- Егор, ну что же мне делать?..

- Не знаю... Наверное, лучше всего найти сексопатолога или кого-то вроде. Здесь нужна профессиональная консультация...

- Молодец, Егор! Как же я сам-то не скумекал! У меня ведь сводная сестра – уролог, она, наверное, либо сама сможет помочь, либо к кому-нибудь направит.

- Ну, вот и сходи.

- Да так не сходишь – она у меня живет в Ташкенте...

- Не велика беда: у нас как раз сейчас дела завязались с Ташкентским авиационным заводом. Вот и поедешь в командировку.

Через несколько дней Федор уже летел в Ташкент. Вскоре он вернулся и появился на работе буквально цветущим. Во время очередного перекура Федя рассказал Егору о мудром совете своей сестры:

- Она сказала мне, что ситуацию надо резко изменить. Помнишь тот анекдот, как профессор рассказывал студентам об эксперименте по проверке,

какой инстинкт сильнее – половой или утоления голода? Он сказал, что сильнее инстинкт утоления голода, поскольку, когда в вольер, в котором находилась сука и миска с едой, запустили кобеля, то он бросился на суку, а когда его запустили через какое-то время еще раз, то он пошел к миске. На это один из студентов заметил: «Профессор, эксперимент проведен не чисто... А вы пробовали посадить в вольер новую суку?»

- Федя, - сказал Егор, - а ты можешь без шуточек? Что же она тебе сказала?

- Ну, Егор, я думал, что ты сразу поймешь! Она посоветовала мне завести любовницу. Сказала, что все, как рукой снимет!

- Как все гениальное – просто!

- Но как бы это сделать... Не посоветуешь? – задал нелепый вопрос Федор.

- Федя, в таких делах советы не дают. Не знаю, не знаю... Попробуй, например, поехать один в отпуск к морю недельки на две, парень ты видный, кого надо найдешь. Вот одно могу посоветовать: обращай внимание только на москвичек, иначе мотаться куда-нибудь в Тулу для удовлетворения своих постоянно растущих потребностей тебе будет трудновато. Вот тогда-то ты уж наверняка не то что импотентом – сексоненавистником станешь!

* * *

Федор так и сделал и вскоре вернулся с юга, видимо, опять полноценным мужчиной. Все бы было, вроде, хорошо, но Федя опять впал в уныние из-за новой проблемы: девица, с которой он познакомился на юге, была чуть ли не на голову выше его... Он рассказывал Егору это с такой мировой скорбью, будто обнаружил у своей новой подруги под юбкой мышеловку или длинный лохматых хвост вместо обычного копчика...

Егор пытался его убедить, что для настоящей любви разница в ростах – не проблема. «К тому же, – сострил Егор, – эта разница совсем не должна быть заметна в постели!» Вроде бы эти аргументы на Федора подействовали...

Федор успокоился и ходил будто окрыленный, рассказывая Егору при каждом удобном случае о том, какая Ксения – так звали его «гёрлфрэнд-шу» – умная, находчивая и остроумная. Он чуть не до слез смеялся рассказывая, как Ксения в ответ на какую-то Федину реплику заметила ехидно улыбаясь: «Ты на меня свысока не смотри!»

Было видно, что Федор втюрился в свою новую подругу «на полную катушку». Вскоре он пришел к Егору со своей очередной проблемой: он хочет разводиться, что тот ему может посоветовать? К Егору друзья почему-то частенько приходили за советом, поэтому у него на некоторые случаи были «домашние заготовки»:

- Федя, я могу тебе сказать, что **я** бы сделал на твоём месте, но на твоём месте **ты**, а не я, поэтому любой мой совет не имеет никакого смысла для тебя. Одно могу сказать, что развод – это процедура, очень тяжелая морально, психически и даже физически. К тому же – дети... Хотя с детьми не разводятся – они остаются нашими детьми на всю жизнь. Тем не менее, дети всегда очень болезненно воспринимают распад семьи...

* * *

Егор с Федором продолжали тесное общение, но Федор, видимо, принял решение и больше за советами к Егору не обращался, хотя видно было, что парень мучается.

В один из дней Федор явился на работу какой-то просветленный, с него будто свалилась гора нерешенных проблем.

- Пойдем покурим? – сказал он Егору.

- Да вроде еще и работать не начинали...

- Надо, Егорушка! – Это было нечто необычное: уменьшительные имена они по отношению друг к другу никогда не использовали.

На лестнице, которая была общественной курилкой, Федор с сияющими глазами заявил:

- Егор, я решился. Я ухожу.

Егор вопросительно посмотрел на Федора, не произнеся ни слова.

- Ну, что я, действительно, какой-то «осенний марафон» устроил! Ксения – это чудо! Другой такой на свете нет. И любит она меня без памяти. Детей я, конечно, не брошу, буду навещать их, как ты это делаешь со своими.

- Ну, поздравляю... Конечно, надо на что-то решиться, а то болтаешься, как цветок в проруби... Обеих женщин только изводишь.

* * *

Вечером того же дня раздался звонок в квартире матери Егора, где тот тогда жил. Егор открыл дверь и увидел в тусклом свете лестничного огня понурого и даже какого-то побитого Федора. Стоял он с чемоданом, к которому багажными ремнями были привязаны подушка и верблюжье одеяло.

- Проходи... – Сказал Егор.

Федор молча вошел, снял пальто – на дворе стояла в полном соответствии с Фединым «марафоном» традиционная московская промозглая осень. Поставив чемодан в прихожей, Егор ввел его в гостиную, где сидела его мать.

- Здравствуй, Федюня! Что-то давненько не захаживал к нам на огонек. Как жизнь молодая?

- Да неважно, честно говоря, Екатерина Николаевна...

- А что так?

- Да долго рассказывать... – Тут он обратился к Егору. – Егор, пойдем на лестничной площадке покурим...

- Ох, детки, бросали бы эту дурную привычку! Зачем здоровью своему вредите? Нероён час, рак легких заработаете.

На лестничной клетке друзья долго стояли молча. Федор судорожно затягивался, выкуривал сигарету за сигаретой так, как, наверное, пьют воду умирающие от жажды.

- Ну, рассказывая, что стряслось? Ведь еще утром сиял, как пятиалтынный.

- Понимаешь, утром я сказал Галине, что ухожу от нее, уже открыв дверь, идя на работу. Не хотел этих сцен со слезами и воплями при детях. Решил, что пока я на работе, она придет в себя и успокоится. Прихожу... У двери стоит чемодан с подушкой...

Тут Егор представил себе очень живо эту картину, и его опять, как тогда во время рассказа про «охоту на клопов», начали сотрясать внутренние взрывы истерического смеха. Но он, как и в предыдущий раз, сдержался, не дрогнув ни одним мускулом на лице.

- Я позвонил, – продолжал Федор. – Дверь через цепочку открыла Галина. Она была совершенно спокойна: «Забирай свои вещи и катись отсюда! Чтобы духу твоего больше здесь не было! А про детей забудь – такой отец им не нужен!» После этого она захлопнула дверь и на мои звонки не отвечала...

- Ну, а что с Ксенией? – спросил Егор.

- Не знаю... Все как-то нелепо получается. Я ей вчера с работы позвонил и сказал, что ухожу к ней...

- А она?

- А что она? Она обрадовалась. Сказала, что ждет...

- Так что ж ты сразу к ней не поехал?

- Не знаю... Как чемодан увидел... Егор, не могу я детей бросить! Чувствую себя, как Буриданов осел!

- Да, пожалуй, зря поминаешь все имя Буриданово – ты просто осел: тебя тянут вперед, ты пятишься назад, тебя толкают назад, ты рвешься вперед. Когда-то колебания надо кончать! И себя изводишь, и баб своих...

- Да я понимаю, но ничего поделать не могу... правда, какой-то синдром Бузыкина!

- Ну, ладно, переночуешь у меня, а там видно будет. Утро вечера мудренее.

- Или муторнее... – опять не удержался от каламбура Федя.

Утро было, как утро. Работа, суета. У Егора зазвонил рабочий телефон.

- Могу я поговорить с Егором? – раздался в трубке приятный девичий голосок.

- Я вас слушаю...

- Я хотела бы с вами встретиться...

- Прямо так вот сразу? – сострил Егор, имитируя крайнее изумление.

- Ой, извините! Я не представилась... Я – Федина подруга... Мне нужно с вами поговорить...

- Что за наваждение! – подумал Егор, но в трубку ответил вежливо. – Хорошо, давайте встретимся. Где вы предпочитаете: «Арагви»? «Славянский базар»? Пивбар «У трех медведей»?

- Я буду ждать вас в 5:45 на углу Кировской и Цветного. – Ответила Ксения, не отреагировав на достаточно плоскую шутку Егора. – Вы меня легко узнаете: на плече у меня будет голубая спортивная сумка «Адидас». Зовут меня Ксения...

- Я уже догадался, – ответил Егор, оценив решительность и деловитость звонившей.

За десять минут до установленного срока Егор уже был на означенном углу – ведь не заставлять же женщину ждать? Ксения пришла секунда в секунду. Они представились друг другу, и Егор предложил ей пойти в традиционную «институтскую» шашлычную, которая располагалась ближе к Трубной площади.

Ксения была, действительно, шикарная девица: длинные спадающие на плечи волосы, как у Марины Влади, светлые то ли голубоватые, то ли зеленоватые глаза, спортивная фигура с длинными ногами, которые начинались чуть ли не от ушей...

За шашлыком и бутылкой хорошего грузинского вина завязался дружеский разговор. Ксения стала признаваться Егору в своей любви... к Федору! Егор слушал ее, радуясь за друга: девица, действительно, была неплоха, говорила красиво, видно было, что она образована и начитана. Она была моложе Федеи лет, наверное, на десять. Судя по всему, он был ее первый мужчина в жизни.

Но вот Ксения подошла к главному: она сказала, что они с Федей твердо решили пожениться, он вчера днем позвонил ей и сказал, что все решено, что он поговорил с женой, и что все проблемы решены. Она ждала его весь вечер, родители

накрыли стол, готовясь к знакомству с избранником их единственной дочери, но Федор не пришел...

- А вот сегодня он позвонил мне на работу и сказал, что не может бросить детей. – Тут Ксения не выдержала, расплакалась и стала аккуратненько промокать глаза салфеткой, чтобы не размазать тушь по лицу. – Егор, я вас умоляю, повлияйте на Федю! Ведь он так вас уважает!

Чтобы успокоить Ксению, Егор купил еще бутылку вина, в чем, безусловно, была его ошибка. Ксения «поплыла», разговор перешел в какую-то аморфную стадию... В довершение всего, Егору пришлось везти ее на такси на какие-то задворки в Тушино, где она жила с родителями. Он попросил таксиста подождать, оставив под залог свой портфель. Открыв дверь подъезда, где жила Ксения, он повел девушку по лестнице – дом был хрущевский, и она одна до третьего этажа просто не дошла бы. На площадке между вторым и третьим этажом, Ксения остановилась, повернулась лицом к Егору, потом взяла его за плечи и заплетающимся языком проговорила:

- Боже мой, ну почему он так не похож на вас, Егор Михайлович, Егор... Я же его люблю... Хочешь, я покажу, как я его люблю?..

Тут она неожиданно прижалась к Егору и приникла своими губами к губам Егора. Тот был ошеломлен. Он начал гладить ее по голове, приговаривая:

-Ксения, ну, успокойся. Все у вас будет хорошо.

Но та, вдребезину пьяная продолжала осыпать лицо его поцелуями, продолжая уже шептать:

- Федя, Феденька, как я тебя люблю... Брось ты свою дуру!..

Егор понял, что у Ксении поехала крыша, она принимает его за Федора!

- Ксения, очнись! Ты просто много выпила! Это не Федя, это я – Егор!

- Егор?.. Какой Егор?.. Ах да... Где я?

- Ты около двери своей квартиры.

- А как это я тут?

Егор подвел ее к двери, заставил взяться за ручку и позвонил. Как только дверь открыли, он не оборачиваясь пошел вниз и на том же такси поехал домой.

На душе было мерзко: это же по его вине Ксения так напилась! Но кто же мог предположить, что она совсем «не держит удар»?

* * *

На следующий вечер Федор, как побитая собака, опять явился к порогу квартиры, где жил Егор. Он понуро взял свой чемодан и на вопрос Егора: «Ты куда?» пробурчал: «Домой...»

Жизнь у Федора, видимо, вошла в свою обычную колею. Друзья не обсуждали более «клопино-сексуальных» проблем, да и Ксения в их разговорах больше не фигурировала.

Вскоре судьба разбросала героев сначала по Москве, а потом и по белу свету. Егор женился второй раз и уехал с женой в Штаты, куда его пригласили почитать годовой курс в Калифорнийский Университет в Сан-Диего. Как-то само собой вышло, что они с женой «задержались» в командировке. Но времена были уже горбачевские, поэтому все отнеслись к этому нормально: ну, остались так остались!

Федор продолжал жить в Москве. Они продолжали встречаться уже на семейном уровне едва ли не каждый год, проводя отпуска вместе в разных

европейских странах. Галя и Федя Сосницкие побывали у Егора с его женой в Калифорнии, а Егор с женой каждый раз, оказываясь в Москве, навещали Сосницких.

Федор с Галиной выглядели вполне благополучной семьей. Федор перестал так безудержно балагурить, как он это привык делать раньше, но возможно, просто сказывался возраст – ему было уже за шестьдесят. Правда, иногда, когда он опять выходил на привычную орбиту, Галя предостерегающе зыркала на него, и Федор скисал, замолкал, как нашкодивший школьник. Знаете, как спадает пена на закипевшем молоке, если на него капнуть всего пару капель холодной воды...

* * *

Дошло дело и до того, что как-то во время совместного путешествия по Италии Федор был свидетелем пустякового инцидента, который произошел между Егором и его женой: тот отказался купить ей мороженое, а она почти расплакалась. А дело было в том, что жена Егора буквально перед туром по Италии переболела тяжелой ангиной и попросила Егора следить, чтобы она не злоупотребляла холодным в то жаркое лето.

Галина принялась успокаивать жену Егора, выражая ей всяческое сочувствие, а Федор отвел Егора в сторонку и начал делать ему внушение:

- Нельзя так себя вести со своей женой! Я и не знал, что ты можешь быть таким деспотом! Ты ее не любишь!

- Успокойся, Федя. Во-первых, ты не знаешь сути нашего конфликта. Во-вторых, никогда не лезь в чужие взаимоотношения. Я же не учил тебя, как тебе любить ту твою длинноногую красавицу, помнишь?

- А при чем здесь то, что было сто лет назад? Зато я не развелся!

- Каждый делает так, как считает нужным. Но все же не поучай других, как им жить. Помнишь эту современную поговорку: «Не учи отца – и баста!»

Почему-то после этого разговора Федор почему-то обиделся на Егора и прекратил с ним всякие отношения. Егор недоумевал, как так получилось, что он не обиделся на Федора, хотя и имел все на то основания, а вот Федор на него «затаил хамство», как у них говорили.

Егору было жаль так нелепо прервавшейся многолетней дружбы. Он даже пытался навести мосты, но безуспешно.

А может, это просто начало старости? Ведь как заметил Игорь Губерман: «Старость – не радость, маразм – не оргазм»...

* * *

Да... Неисповедимы пути Господни, что ни говори. Можно найти то, о чем даже и не мечтал, а можно и потерять то, что, казалось бы, потерять невозможно...

Но, как говорится, каждый сам «кузнечик» своего счастья...

**ПИСЬМО СЫНУ,
ВЛОЖЕННОЕ В МОЮ КНИГУ ПО МА-
ТЕМАТИКЕ**

Когда я был маленьким, я не любил учиться. Конечно, я любил ходить в школу: там было так весело на переменках. Да и на уроках можно было пошалить, порисовать разные смешные рожицы на тетрадке соседа, когда он отвернется, или подложит не его сиденье кнопку, когда учительница задавала ему какой-нибудь вопрос, и он вставал, чтобы отвечать. Что было потом! Юрка – мой сосед по парте – вскрикивал и набрасывался на меня с кулаками, а потом нас ставили в разные углы у доски. И тогда мы стояли и строили друг другу разные смешные рожицы, а весь класс потешался в свое удовольствие. Иногда всё это кончалось тем, что нас вообще выгоняли из класса. Тогда мы, радостные, бежали через черный ход на улицу и носились там, как угорелые, до звонка на перемену. Правда, нас ждало возмездие – за удаление из класса в школу всегда вызывали родителей. Но это всё было после, не сегодня! А кого в детстве волнует то, что произойдёт когда-то?

Учились мы тогда в разных с девчонками школах. И нам даже трудно было представить, как это можно сидеть в одном классе, да еще за одной партой с какой-то девчонкой! Мы, конечно, здоровались с девчонками из нашего двора и, конечно же, никогда их не били. Мы даже заступались за них, если к ним кто-нибудь из чужих приставал. Но ни о какой-то дружбе с девчонками не могло быть и речи.

Правда, каждый из нас был тайно влюблён в какую-нибудь очень хорошую девочку или даже в двух сразу. Но об этом обычно никто не знал и даже не догадывался – мы умели хранить свои мужские тайны даже от лучших друзей. Хотя я думаю, что каждая девчонка знала, кто по ней сохнет. Они же ведь такие хитрые! В детстве всегда живешь, задыхаясь от какого-то смутного счастья. А от всего этого сердце колотилось еще чаще, чем всегда, особенно если твоя девочка попадалась случайно тебе навстречу на улице... А уж как ты начинал играть в футбол, когда мимо проходила ОНА!

Да, я забыл тебе сказать, что я не только не любил учиться, но еще и очень любил гулять. Я мог гулять целыми днями, в любую погоду. Жили мы в большом доме, а поэтому было очень легко найти кого-нибудь, кто хотел бы прямо сейчас пойти погулять. Конечно, мы не сидели на лавочке и не рассуждали, у кого в кармане гвоздь, а у кого кошка родила котят. У нас так никогда не было, чтобы делать было нечего.

Но особенно мы любили пускать кораблики. Это были увлекательнейшие, ни с чем несравнимые путешествия! Ранней весной мы пускали в весёлые ручейки талой воды обгорелые спички, которых полно валялось на улице. И эти ручейки наперегонки несли наши спиччинки-корабли по своим бурным водам под хрустально-ледяными мостами, прибывая их к снежным берегам, пока они не скрывались во мгле водосточных решеток. Особенно было интересно устраивать такие регаты по пути в школу. Иногда из-за этих интереснейших соревнований опаздывали на первый урок. Но как можно было бросить на произвол судьбы свой корабль (и никакая в это

время это была не спичка!), если он застревал где-то или его прибывало к берегу и он не смог стронуться в путь дальше, если ему не помочь? А ведь по правилам можно было сделать только одно: смастерить небольшую запруду – или хотя бы перегородить ручеек своей галошей – чтобы поднявшаяся вода понесла корабль дальше. Подталкивать спичинки руками было нельзя. Конечно, все эти задержки могли лишить первого места, но ведь делом чести было не сдаться и увидеть, как твой корабль скрывается во мгле зловещей канализационной решетки...

После школы спешить было уже некуда. Ведь домашние-то задания никуда не убегут, правда? Тогда мы уже пускали в большущих лужах настоящие парусные корабли, сделанные из сосновой коры. Обычно сделать такой кораблик занимало три, а то и четыре урока: ведь нужно было, держа руки под партой, незаметно для учительницы выстругать бритвой из кусочка коры этот кораблик. И нужно было его сделать лучше, чем у Юрки. А он всё время норовил подглядеть и узнать твою тайну, чтобы собезьянничать и сделать такой же, как у тебя.

И вот твой кораблик плывет по безбрежной луже, как по настоящему морю... И ветерок надувает его бумажные паруса, и он мчится, разрезая воду, как настоящий большой корабль. А Юркин кораблик опять кружится на одном месте, как слепой кутёнок, и вовсе не слушается ветра. Опять Юрка так спешил, что забыл приладить сзади кусочек бритвы. А какой же это корабль без руля?

А когда подсыхало, и на пустырях начинала пробиваться ранняя травка, у нас начинался футбольный сезон. Футбол был моей любовью.

Я мог играть в футбол с утра до самой ночи. Однажды мы с Юркой играли один на один теннисным мячом «в пустые ворота», где штангами были два кирпича, до самой темноты. Он тоже играл неплохо! Мячей больших, а тем более футбольных, тогда у нас не было. Мячи шли из старых чулок, набивая их тряпками.

Кем я только не играл! И защитником, и хавбеком (как тогда называли полузащитников), и форвардом. Но больше всего мне нравилось играть вратарем. Разве может что-нибудь сравниться с тем чувством наслаждения, тревоги, восторга, когда ты взмываешь в воздух, как птица, а потом падаешь с крепко прижатым к груди мячом? Разве может что-нибудь доставить большее удовольствие, чем отбитый кулаком мяч, до которого ты едва-едва дотянулся? Да еще если этот мяч ты снял с головы этого верзилы Юрки! Да еще если в это время мимо футбольной площадки проходит Люська... Она, конечно, делает вид, что не смотрит на то, как мы играем. Но я-то знаю, что это совсем не так, я-то знаю, что потом, когда мы сегодня попозже, как всегда случайно, встретимся, не проронив друг другу ни слова, она как-то по-особенному посмотрит на меня... И мое сердце обомрёт, но я не подам и виду. И вообще, о чём говорить? Ну, отбил. Подумаешь! Я и не так еще могу.

А вообще, хотя мы с Люськой вроде бы даже и не очень знакомы – ну, что там, киваем иногда головами друг другу да мычим что-то невразумительное – между нами всё время натянута какая-то ниточка. Тоненькая-тоненькая! Такая тоненькая, что никто её не видит и не может увидеть. Но иногда, когда она идёт по улице впереди меня, я, увидев её, чтобы догнать, ускоряю свой

шаг, конечно, оставаясь при этом в рамках приличия. Не бежать же мне на виду у всех за девчонкой?

При этом я мысленно натягиваю ту самую ниточку, и Люська при этом почти всегда вдруг неожиданно поворачивается, глядя, правда, куда-то немного в сторону. Но иногда наши глаза встречаются, и от этого начинает как-то мучительно-сладко сосать под ложечкой...

Все эти молчаливые свидания-пересечения тянулись со второго по десятый класс... Мы с Люсей так ни разу в жизни ни о чем и не говорили. Даже о самой ерунде. Бывали какие-то вечеринки, но я не осмелился ни разу пригласить её на танец. После школы, как водится, пути наши разошлись, все разлетелись – кто куда.

Да это было очень давно... Люську я не видел после этого уже лет десять. И вообще она превратилась в Людмилу и даже в Людмилу Сергеевну. Могу признаться, что это новое имя ей не шло. И вот через десять лет, будучи почти случайно в своем старом дворе, опять... Да навстречу мне шла уже начавшая устойчиво полнеть, но всё ещё очень привлекательная женщина. Да, это была Люська! Как только я её узнал, сердце моё привычно заколошматилось. Шла она немного понуро, нагруженная тяжелой авоськой. Помоему, она обрадовалась нашей встрече даже больше, чем я.

Я взял её авоську, и мы долго бродили по аллеям Петровского парка. Мы впервые говорили друг с другом, и нам казалось, что то далёкое детство кончилось только вчера. Я старался поменьше на неё глядеть, слушая её голос. И тогда я представлял её опять прежней Люськой. Ведь голоса у людей с годами почти не меняют-

ся. Мне было очень грустно и приятно в одно и то же время, что какие-то отголоски того прежнего теплого восторга и неизведанности пробуждаются у меня в груди. Но только отголоски... И мне даже стало жаль того чудного и чистого детства, когда сердце умело стучать так безоглядно, так пьяняще...

И тогда я рассказал Люське, то есть теперь уже Людмиле Сергеевне о том, как я в том далёком-далёком и милом детстве был по-рыцарски самозабвенно в нее влюблён. Как я был готов ради нее пожертвовать в жизни всем-всем. И как я ждал случайных встреч на улице. И как я караулил её иногда, возвращавшуюся из школы. И как из окна со своего пятого этажа я глядел на девчонок, прыгавших через скакалку, но видел только её одну... И так я мог смотреть часами.

А потом однажды во дворе, уже почти в сумерках – и к тому же много позже, это было уже, наверное, классе в пятом или шестом – мальчишки и девчонки играли во дворе в «ручечку». Игра эта до предела незатейлива и, казалось, совсем неинтересна: стоят парочки, взявшись за руки, а кто-то, сгорбившись, проходит по этому живому коридору и выбирает себе пару, «разбив» какую-то уже стоящую пару. Потом тот, кто остался один, идет к началу этой очереди из пар и сам идет выбирать для себя следующую пару... И вот однажды, когда был мой черед выбирать себе пару, взял за руку Люську и повёл её по коридору из рук...

А уже в девятом классе – это было в апреле – мы с тем же Юркой, который стал верзилкой чуть ли не на две головы выше меня, шли по Петровской Аллее, и навстречу попалась Люся. Кстати, он с Люсей жил на одном этаже, да и во-

обще он не был таким тюней, как я. Юрка предложил Люсе «прошвырнуться» с нами чуть-чуть. И она ответила, а почему бы и, правда, не пойти. Она взяла нас под руки, и я бережно нёс её ладонь на своей руке, боясь шевельнуться или напрячь мышцы. Её рука была очень горячая и лёгкая, как бабочка. Может, поэтому я и боялся спугнуть её любым своим движением.

И всё это я рассказал Людмиле Сергеевне. И она как-то грустно улыбнулась и сказала: «А я тоже всё это помню... » И мы замолчали. Мы молчали и думали, каждый о своём. И оказалось, что думали мы об одном и том же: а что было бы,

если тогда или позже кто-то из нас набрался бы смелости и как-то дал понять, что та тонкая ниточка на самом деле существует... Но каждый из нас предпочитал жить с мечтой, радуясь тому, что эта ниточка существует. Ведь проверяя, есть ли та ниточка или её нет, можно было вдруг увидеть, что её нет, а как же тогда жить? Может быть, этот юношеский, вернее, детский романтизм есть некоторая форма своеобразного максимализма: лучше всё в мечтах, чем ничего наяву?

Так мы объяснились спустя много лет в давней детско-юношеской любви. Два человека, живущих счастливо, любящих и любимых, имеющих по двое детей... И всё же что-то всколыхнулось такое, что даже испугало: грусть по несвершившемуся. Я чувствовал, что Люська – именно Люська, а не Людмила Сергеевна – боится взглянуть на меня. Боится развеять мой образ – тот давний образ. Боится увидеть нынешнего настоящего, тоже чуть усталого и уже начи-

нающего лысеть мужчину, теряющего свою в прошлом неплохую спортивную форму.

Так мы и расстались с чувством тихой благодарности друг другу. Я очень рад, что у меня не вырвалось невольно предложения встретиться ещё раз. И я очень благодарен ей, что она не предложила мне встретиться ещё раз, ибо я, слабый, как и все мужчины, не смог бы устоять от соблазна. Мы оба понимали, что встретиться мы еще раз, мы разрушим эту нашу добрую сказку детства. А так я сохранил в себе ту светлую, лучистую и, конечно же, самую необыкновенную в мире Люську...

... Примерно месяц назад я встретил женщину на улице. Сердце как-то само ёкнуло. Мне показалось, что она очень похожа на Люську, Людмилу Сергеевну... Но были уже сумерки. Она меня не узнала. Первое моё побуждение подойти быстро пропало: зачем разрушать то тёплое воспоминание о той последней встрече? Ведь кто знает, как мы изменились с тех пор! Ведь прошло с последней нашей встречи уже больше двадцати лет. А может, это была вовсе и не она, ведь на улице было уже так темно...

Но я сильно отвлёкся от основной темы моего повествования! Итак, с чего я начал? Ах, да! Когда я был маленьким, я очень не любил учиться. Я очень любил гулять. Как я гулял весной и летом, я уже немножко рассказал. О том, как я гулял осенью и зимой, я расскажу в следующем раз. Иначе ты подумаешь, что мне рассказывать о гулянии до сих пор интереснее, чем говорить о серьёзных вещах.

Так вот. Я бы, наверное, никогда не полюбил учиться, если бы не мой папа. Он был очень умный человек. Но умных людей много.

Он был ещё и очень добрый. Он очень расстраивался, что я не люблю учиться. Но он не ругал меня и не наказывал за то, что я не любил учиться. Да и не за что было наказывать – я не любил учиться, но учился, в общем-то, неплохо. Мне было просто неинтересно учиться.

Мой папа однажды в очередной раз убеждал меня, что учиться – это очень интересно. Сам он был настоящим кандидатом наук, а тогда кандидаты были умнее, чем нынешние академики. Но на его слова про учебу я ответил неожиданно: «Пойдем лучше со мной поиграем в футбол!» И он согласился! Мы пошли во двор, где играли мои друзья. Моего папу с некоторым недоумением приняли в одну из команд, а меня – в другую. И что он начал вытворять! Такие финты, такой дриблинг! Бил он несильно, но очень точно. У нас ворота были просто два кирпича, поставленные «на попа». Так вот он забивал все голы впритирочку к штанге! Оказывается, он еще в институте играл за сборную курса! А я-то и не знал, я думал, что он всю жизнь свою протирал штаны, выписывая свои мудреные формулы!

Нам всем очень понравилось играть с ним в футбол. Мы стали все просить его играть с нами в футбол, когда у него будет свободное время. Он согласился, но поставил условие: перед каждой игрой он будет по полчаса рассказывать нам что-нибудь интересное из математики. Мы, конечно, согласились. Да и кто не согласился бы на нашем месте на что угодно, ради того, чтобы поиграть в футбол с игроком сборной?

Вот такой у меня был добрый папа. А какой он был умный, ты узнаешь, когда прочитаешь эту книжку. Здесь собраны те интересные

истории про математику, которые я запомнил по папиным рассказам.

Ну, а пока пойдя, поиграй в футбол!

КАК УБИВАЮТ В НЕОТЛОЖКЕ

Чтобы все было понятнее, придется начать немножко издалека.

Пятнадцать лет назад перед самым возвращением на родину из довольно долгой (два года!) командировки в Университет Джорджа Вашингтона, где я читал лекции, неожиданно обнаружилось, что мне нужно делать безотлагательно операцию на сердце. Что меня удивило и, можно сказать, почти рассмешило, так это то, что диагноз был – «врожденный порок сердца»!

Кардиохирург объяснил мне, что с операцией можно повременить, но лет через пятьдесят все равно делать придется. Правда, в мои пятьдесят с небольшим (в то время) мои шансы на успех – восемьдесят-девяносто процентов, а через десять лет упаду до «фифти-фифти»... Сомнений в правоте хирурга у меня не было: помните, Емельян Пугачев у Пушкина рассказывает калмыцкую сказку, в которой орел говорит ворону, что «нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!..» Ну, а я чем не орел?

Операция была приведена мастерски, по американским медицинским регламентам уже на пятый день меня с искусственным механическим клапаном провожали домой... Я, конечно, вспомнил, как в тридцатилетнем возрасте пролежал в Боткинской больнице около двух недель после пустяковой операции по поводу аппендицита. Да, подумал я, далеко шагнула медицина за каких-то четверть века!

Кости на груди срастались довольно долго и болезненно: кто ломал себе ребра, должны меня понять – мне-то размахали грудную клетку от диафрагмы до ключицы! Но такая «цена» не показалась мне большой – уже через пару месяцев, скрепя сердце и скрипя зубами, но я все же уже махал теннисной ракеткой. Было ощущение, что я купил себе вечную жизнь: клапан фирмы «Сент Джюда Медикал Икорпорейшн» имел гарантию 200 лет! Я начал опять нормальную жизнь: теннис, сауна, даже футбол... Одно было неудобство: я «подсел» на всю оставшуюся жизнь на кумадин – декоагулянт, в основе которого лежит тривиальный крысиный яд... Дело в том, что клапан требовал жидкой крови.

* * *

Я привык шутить: «Умру я не от этого!», имея в виду, что сердце у меня – «железное».

Но, как известно, самонадеянность почти всегда наказуема... Прошло еще десять лет. Опять одышка, неприятные покалывания в области сердца...

Ангиография показала, что у меня на этот раз загвоздка в коронарных сосудах. Врачи посоветовали делать операцию (опять на открытом сердце) и поставить три шунта.

Сознаюсь, что на этот раз мой энтузиазм по поводу операции был значительно меньше, если не сказать прямо, что я всей душой эту операцию делать не хотел, памятуя слова моего первого кардиохирурга. Да к тому же я вспоминал ту ослепительно яркую боль. А ведь возраст уже не тот – на послеоперационную браваду может и силенок не хватить...

Я сказал хирургу, что слышал о кардио-хирургических новинках: что, мол, ставят коронарные стенты, установка которых не требует операции на открытом сердце. Хирург пытался меня убедить, что операция с установкой шунтов хоть и болезненнее и серьезнее, но надежнее, но я все же настоял на своем.

Сделали мне ангиопластику, вставили три «пружинки», действительно, даже без общего наркоза и более того – мне демонстрировали все время на большом экране, который был размещен прямо над моей головой, как зонд, подобно змее, ползает по моим артериям...

Я снова заскакал, как молодой. Но, как говорится, «недолго музыка играла»... Не прошло и трех месяцев. Однажды дома я вдруг почувствовал жжение и резкую боль в груди, и стучавшие молотами вены на висках. Я с трудом буквально дополз до телефона и позвонил жене. Уже через минут десять она вбежала в квартиру, а едва увидев меня на кровати в полубезжизненном состоянии, тут же набрала телефон неотложки... Там у нее спросили наш точный адрес и сказали, что скоро будут...

В Америке неотложка не приезжает одна. Едут сразу три машины: полиция – для порядка, пожарная машина – на случай, если надо будет лезть к больному через окно, и сама скорая помощь. Даже привыкнув к американской жизни, мы были крайне удивлены, услышав буквально через три-четыре минуты противно-тревожное завывание сирен. Жена побежала открывать одни из входных ворот в наш жилой комплекс, но оказалось, что команда скорой помощи уже проникла через другой вход, разминувшись с моей женой. Когда она вернулась, меня уже уложили

на носилки с колесиками, над моей головой покачивалась капельница, вливавшая что-то живительное мне в вену, на второй руке был укреплен приборчик для постоянного измерения кровяного давления...

Поскольку на кровати я лежал ногами к дверям, то меня так и понесли четыре дюжих медбрата ногами вперед. Тем не менее, даже при таком символически неприятном движении я продолжал надеяться на благополучный исход очередного приключения: вдруг свинья и на этот раз окажется милосердной, а Бог не выдаст?..

Из неотложки меня буквально безостановочно отвезли прямехонько на операционный стол. Опять общий наркоз, опять грудную клетку нараспашку – словом, все, как положено. Три пункта – и дело в шляпе! Опять на пятый день я был уже дома. В теннис я на этот раз не играл, хотя и было с кем – все же возраст есть возраст, но для разработки «дыхалки» начал плавать в бассейне около дома...

Жизнь в очередной раз вошла в нормальную колею.

* * *

После этого я все же попал под пристальное внимание врача-кардиолога. Анализ крови на сворачиваемость заставили (ну, не заставили – попросили, в Америке никого заставить что-либо делать нельзя) проверять каждые семь–десять дней. Дозировка декоагулянта скакала, как белка: то три миллиграмма, то шесть – в зависимости от результата текущего анализа. А нужно сказать, что сворачиваемость крови – весьма ка-

призный процесс: выпил текилы вместо полстакана стакан – кровь стала жиже, поел зелени – кровь стала гуще.

Мой, в общем-то, неплохой, но уж как-то чересчур ученый кардиолог, однажды выписал мне необычную дозу: два дня по восемь миллиграммов кумадина. Как человек, приученный к порядку по отношению «к власти» (не зря больше полсотни лет прожил в стране непрерывно завершавшего свое развитие социализма), я послушно начал исполнять предписания врача...

И вот наступило злополучное воскресенье четвертого апреля 2004-го года! Это ж надо было Всевышнему выбрать для очередного моего испытания (за что, Боже? заняться Тебе больше нечем, что ли?) именно день с датой 04-04-04!

Я себя омерзительно почувствовал: бросало в жар, сердце колотилось бешено, виски гудели... Смерил давление: 200 на 140! Такого у меня не было давненько! А может, и вообще никогда не было, не припомню. К тому же я слегка поцарапался, и кровь хлынула безостановочно. Тут я сразу подумал про то, что я, наверное, переразжижил (переразжидил?) кровь этой предписанной мне передозировкой.

Жена не стала гадать: она посадила меня в машину, и через 10 минут мы уже были в госпитальной неотложке, поскольку по выходным дежурных врачей здесь не бывает, кроме как в госпитале.

Что делают врачи прежде всего? Они измеряют давление. Этот раз не был исключением. Померив мое давление и увидев, что оно зашкаливает, а к тому же кровь из царапины продол-

жала литься, дежурный врач вколол мне изрядную дозу чего-то снижающего давление и оба – врач и его ассистент – ушли в свою комнатку. Через какое-то время они пришли, померили давление опять: давление вползло в норму, но кровь продолжала безостановочно сочиться из ранки, что их смутило больше всего.

Я пытался на своем английском (весьма далеком от совершенства) объяснить им, что, скорее всего, не в давлении дело, а в том, что я принял слишком большую дозу декоагулянта.

Ну, и что эти больные вечно лезут со своими советами?! Мне вкололи очередную дозу для снижения давления, и опять врач с ассистентом скрылись в своем офисе.

Жена сидела рядом со мной, и мы вели с ней разговоры на какие-то отвлеченные темы: действительно, в подобных ситуациях главное – отвлечься и не заикливаться на болезни.

Я лежал на операционном столе. У меня в ногах стояла какая-то хреновина для измерения давления, но я ничего не видел, поскольку очки с меня зачем-то сняли. Спустя какое-то время, я почувствовал, что в комнате стало немного прохладно. Сказал об этом жене. Она натянула простынку, которой были укрыты ноги, закрыв меня по плечи. Однако через пару минут у меня от холода стали стучать зубы. Жена стала уговаривать меня расслабиться – ничего, мол, страшного, просто потеря крови: хоть и по капельке течет, но уже почти полдня...

Я расслабился, слегка приоткрыв рот... Стук зубов прекратился, хотя челюсть продолжала дрожать. Вдруг я почувствовал какие-то кон-

вильсии, и тело мое стало подпрыгивать, делая какие-то непристойные сексуальные движения...

Последнее, что я помню – это крик жены: «Доктор! Доктор! Скорее! Он умирает!..»

* * *

Когда я очнулся, то увидел себя в палате, под капельницей, опутанный множеством проводов, с кислородными трубочками в носу...

Жена сидела у моего изголовья и гладила кончики моих пальцев (остальное все было истыкано какими-то иглками, через которые в меня вгоняли какую-то целебно-лечебную жидкость).

У этой такой женственной, но в то же время – в нужные моменты жизни – такой мужественной женщины, глаза были затуманены слезой. Она мне улыбнулась какой-то скованной улыбкой, какой улыбаются люди готовые вот-вот расплакаться: «Все будет хорошо... Все будет хорошо...»

Когда я совсем пришел в себя, она сказала мне, что произошло. Когда конвульсии мои стихли, она глянула на измеритель давления и увидела... шестьдесят на сорок! Имея второе образование медсестры, она поняла, что промедление – смерти подобно. Вот тогда-то, видимо, я и услышал сквозь помутневшее сознание, как она звала врача...

* * *

Сколь серьезно все было, показывает такой факт: меня продержали в реанимации неделю. Все время капельница, непрерывный мони-

торинг, постоянные визиты врача... И это несмотря на то, что чувствовал-то я себя субъективно вполне прилично.

Не впадайте в излишнее умиление – клиника едва не угробила меня, а это стоило бы ей страшных денег и потери репутации. Обычно ларчики подобного типа открываются просто

* * *

Жена приходила ко мне каждый день после работы – благо здесь нет никаких дурацких запретов на посещения больных даже в реанимации. Когда я стал выглядеть «прилично», она привела и дочку навестить меня.

А вскоре мы все втроем (кажется в субботу, или воскресенье) ехали домой.

Так я еще раз вернулся «оттуда».

Видимо, не зря говорят: «Бог троицу любит»...

КОД ДОВИНЧЕН...

(ИЛИ ЧАША ГРААЛЯ)

1.

Стюардесса красивым голоском, с легким чарующим французским акцентом объявила по внутреннему радио: «Дамы и господа! Через двадцать пять минут наш авиалайнер совершит посадку в аэропорту Сан-Диего. Просьба закрыть столики и пристегнуться. Спасибо!»

Публика в салоне, будто проснувшись от летаргического сна, зашевелилась, захлопали закрывающиеся столики, защелкали замки привязных ремней. И вот все успокоились, покорно сидя в ожидании сладостного момента, когда можно будет, наконец, встать и размять затекшие за время долгого перелета ноги.

Я приоткрыл глаза, захопнул лежавшую на моих коленях книгу и также послушно выполнил все инструкции стюардессы. Я не спал, но впал в некоторую полудрему, только что закончив чтение нового бестселлера Дэна Брауна... «Код Да Винчи»... Интересно... Хотя для меня остается загадкой, как такая полу-элитарная книга, требующая от читателя определенной подготовки и в живописи, и в истории религии, а также хотя бы поверхностного знакомства с Библией, как этот детектив по сути дела без детективного содержания, как эта беллетристически слабая вещь стала вдруг мировым бестселлером, изданным тиражом в десятках миллионов экземпляров!

Впрочем, мало ли загадок человеческой души? Вот та же Мона Лиза, о которой немало написано в романе... Стоит закрыть глаза, и она у меня стоит перед глазами, я ее представляю сейчас лучше, чем она была там, в Лувре, где к ней было просто невозможно пробиться из-за столпившихся туристов. Небольшая, в общем-то, картина, скрытая за пуленепробиваемым стеклом, со многих точек отсвечивает, как зеркало, а встать на удобную точку даже в отдалении, чтобы ее толком рассмотреть, почти невозможно из-за вечной ажиотажной толкучки.

Не могу уже многие годы понять, что в ней уж такого уж завораживающего, кроме того, что она принадлежит кисти Леонардо да Винчи... Ну, какую такую магическую красоту находят эстеты в этом портрете, в общем-то, некрасивой женщины? Одутловатые, будто бы с флюсом, щеки, отёчный овал лица. Маленький некрасивый рот, размер которого намного меньше размера между зрачками – нарушение извечного закона портретной живописи, да и естественных пропорций матушки-природы. Не по-женски слишком высокий лоб, совершенно не украшающий и без того некрасивое лицо. Явно намерчающийся «второй» подбородок у такой относительно молодой женщины.

Вопреки всем средневековым канонам живописи, золотые пропорции в лице Моны Лизы абсолютно нарушены! Я помню, как специально делал замеры на копии портрета: расстояние нос-губы и губы-подбородок вместо отношения традиционной золотой пропорции 0.38 к 0.62 на портрете 0.33 к 0.67, соотношение темя-брови и брови-подбородок – опять вместо золотой пропорции 0.44 к 0.56. Может, поэтому

она мне и не нравится, потому что нет той гармонии, певцом которой был сам же Леонардо?

Но я понимаю, что «низзя» делать такие замечания. Это же Леонардо! Он же гений! А вот мне не нравится... А что делать – каждому свое, о вкусах не спорят. Кому поп, а кому попадья... А кому – попова дочка! (Я всегда предпочитаю последнюю.)

Уж его же портрет Сесилии Галлерани, известный больше под названием «Девушка с горностаем», мне и то больше нравится. Впрочем, не буду лицемерить: и этот портрет, хоть и лучше Моны Лизы, но мне все равно не нравится: отвращает уродливая кисть, помещенная к тому же на переднем плане. Самая удачная часть портрета – мордочка горностаемая!

Признаюсь, что восхищаясь Леонардо как homo universum, я весьма холоден к его живописи. Нет, слово холоден, наверное, неправильно отражает мое отношение к его живописи. Я его живопись просто не понимаю. Помню, как увидев в альбоме репродукций портрет грустной женщины с роскошными рыжими волосами, спадающими на плечи, одетой в рубашку типа современной «ночнушки», я долго всматривался, пытаясь понять, кто она, чем она привлекла внимание гения. Объяснение под картинкой было написано по-испански, но я разобрал, что это «Портрет головы Спасителя»... Вот те на!

Кроме того, если вернуться к Моне Лизе, приглядитесь к пейзажу, который расстилается за ее спиной: вы заметите, что линия горизонта – порвана! Левая часть опущена, а правая – задрана вверх. На эту тему понаписана масса искусствоведческих вымыслов, которые пытаются найти

в тривиальной небрежности гения какой-то тайный смысл. Ах, как же хочется искусствоведа показать свою ученость! Ах, как же хочется с умным видом интерпретировать гения!.. Это же так важно! Какой же дурак осмелится хотя бы шепотом промолвить: «А король-то голый...» Заплюют! Забьют камнями. Да и я лучше промолчу... А то ведь какой-нибудь придурок скажет, что меня «гордыня замучила».

Ну, а насчет всемирно знаменитой «загадочной улыбки Моны Лизы»... Мне всегда кажется, что она прячет улыбку самого гениального мистификатора всех времен и народов, которая как бы говорит его устами: «Ну, давай, давай! Поумничай, понапридумывай, почему я отхожу от тех самых канонов, которые я сам же и создал? Может, ты найдешь объяснение, почему нарушены золотые пропорции? Может, ты придумаешь хитроумную теорию, почему я сломал линию горизонта? Или же ты вообще увидишь в Моне Лизе мой автопортрет?»

А вообще-то Леонардо не виноват, что портрет Моны Лизы мне не нравится! Это скорее, как говорится, факт из моей биографии, и к Леонардо Да Винчи отношения не имеет. Ведь как пел Владимир Высоцкий: «О вкусах не спорят: есть тысяча мнений – я этот закон на себе испытал...»

Все эти мысли проносились в моем мозгу. Конечно, мысли эти были навеяны книгой Брауна. Точнее, даже не самой книгой, как литературным произведением, а примером пусть даже и несовершенного аналитического исследования духовной роли женщины в этом мире и борьбы с женским началом в основных религиях – возьмите хоть христианство, хоть ислам.

Именно это и оказалось для меня самым интересным в книге. Детективную фабулу я практически пропустил, проскакивая почти наивные эпизоды традиционных для современной литературы погонь, чудесного спасения героев и невероятных коллизий. Слава Богу, все обошлось без сладострастного секса или же маниакального насилия. Честь за то и хвала Дэну Брауну.

Меня в книге задел не вымученный сюжет и даже не хитросплетения логических головоломок. Я был просто поражен: как я сам не дошел до оценки решающей роли женщины в этом мире, в самом возникновении жизни на Земле!

Культ женщины в древних культурах... Ну, конечно, я знал и про культ Изиды и ее непорочное зачатие от останков ее зверски убитого мужа Озириса... Знал и про царицу Майю, которая непорочно зачала во сне от Белого Слона самого Будду... Я был уверен, что и более поздняя легенда о непорочном зачатии Иисуса Христа – это такая же литературная аллегория и с той же целью – возвысить женщину, приносящую в мир Жизнь. Но у меня – надо честно признаться – никогда не выстраивалась такая законченная логическая цепочка, как у Дэна Брауна. Молодец! Ай да Браун, ай да какой-то сын! Переработал много фактического материала, проделал заметную аналитическую работу, попутно создав серию криптографических загадок, которые сам же с успехом и решил...

И у меня опять ожил в сознании образ Женщины-матери: Изиды, Майи, Марии Иосева, которые освещают и освящают мир, в котором мы живем! Конечно, и Мария Магдалина отно-

силась бы к той же категории, будь она женой Христа. Впрочем, если Иисус был еврейским раввином, он обязан был по иудейским законам быть женат. Так что я согласен с Брауном: нечего мазать Магдалину дёгтем и намекать на то, что она была лишь жрицей самой древней профессии. Если она существовала, то была непременно женою Иисуса. (Кстати, не понимаю, а чем же для христианской церкви лучше, что Иисус путался с продажной женщиной?)

И все же – возвращаясь опять к книге – мне очень странно, как это современная публика, воспитанная на низкопробных мыльных операх и на еще более низкопробной продукции голливудской порноиндустрии, заваленная тоннами пошлых сексуально-маниакальных бульварных романов, вдруг обратила свой взор на это литературное произведение Брауна. Может, все же этот мир еще может повернуться от неудержимого скатывания в пропасть сексуальной развращенности и погони за материальными благами на путь добра и морали? Может, искреннее женское человеколюбие победит грубый мужской фанатизм призрачных, а порой и бесчеловечных идей?

Да, книга Брауна меня захватила... Захватила своей попыткой воспеть Женщину устами Леонардо и прочих членов Тамплиерского ордена. Эта тамплиерская тайна Леонардо, если она действительно была, возможно, была самой загадочной и самой великой его тайной. Но тайна Леонарда была лишь тайной Антихриста, тайной человека, который бунтовал против односторонней антифеминистической религии, уже два тысячелетия правящей миром. А меня поразило, сколь близок был Леонардо к отгадке той еще

более интригующей загадки, к великому открытию, как и откуда пошла сама жизнь на земле.

Меня буквально пронзила дрожь от сознания того, насколько я стал близок к раскрытию великой тайны жизни... О, мне не хватало именно этого звена! Как я не догадался раньше до этого! Ведь именно без этой догадки о том, что Женщина есть Краеугольный Камень Жизни, моя теория рассыпалась, как прекрасный, но песочный дворец, построенный на берегу моря... Основа всего живого – именно Женщина. Говоря, возможно, и более грубо, но правильнее, – именно самка, или более «politically correct» лучше сказать латинское *femina*.

Именно женское начало всего живого и объясняет не только рождение каждой индивидуальной жизни, оно объясняет вообще появление всего живого, *начало жизни!* Не зря же мы говорим, часто совершенно не задумываясь, «Мать-Природа»!

И не есть ли сам образ непорочного зачатия аллегорическое объяснение появления жизни «откуда-то ниоткуда»? Точно такое же, как появление самой матери...

2.

Я с нетерпением ждал посадки самолета. Хотелось побыстрее вырваться из самолета, пробежаться из зала прибытия по крытой эстакаде к стоянке такси и помчаться домой. И скорее, скорее к компьютеру! Выплеснуть на бумагу все мысли, накопившиеся за время полета! И работа будет завершена – работа всей жизни! А правильно ли все или не правильно – не мне судить! Это будет моя *версия*.

Самолет вдруг начало бросать вниз, потом он набирал высоту и почему-то снова обрушивался вниз. Двигатели надрывно шумели. Я поневоле впился в поручни кресла и открыл глаза.

«Дамы и господа! – раздался тот же голосок по радио, но уже без прежней игривости. – В связи с техническими неполадками наш самолет вынужден совершить аварийную посадку на воду. Просьба надеть на себя спасательные жилеты, следуя инструкциям нашей стюардессы, которая сейчас продемонстрирует вам, как это следует делать. Запасные выходы находятся по правую и левую стороны салона и снабжены красными сигнальными лампочками. Просьба оставаться на своих местах до следующего объявления».

Моя соседка, задев меня локтем, трясущимися и будто нестигающимися руками уже застегивала на своей груди спасательный жилет. Я впервые обратил на нее внимание – она заняла свое место у прохода, когда я уже сидел на своем месте у окна, погрузившись в чтение. Странно, подумал я, что я не обратил на нее внимания раньше: я обычно всегда обращаю внимание на красивых женщин. Это происходит со мной, как, наверное, и со многими мужчинами, буквально рефлекторно.

Она показалась мне весьма привлекательной: было ей лет двадцать восемь - тридцать, короткая стрижка открывала красивую, длинную, как на картинах Модильяни, шею, а иссиня темные, цвета вороного крыла волосы хорошо контрастировали с бледностью кожи. Незнакомка была явно напугана: ее милые пухлые губки были полуоткрыты, глаза выражали неприкрытый

ужас. Она показалась мне в тот момент возбуждающе красивой! Я поймал себя на мысли, что даже в этот момент несомненной опасности, возможно, даже смертельной опасности, я обратил внимание на красоту Незнакомки, а само ее присутствие отодвинуло мой собственный страх на второй план.

Я повернулся к соседке и сказал: «Не беспокойтесь, леди, посадка на воду входит в одну из штатных аварийных операций и хорошо отработана. С самим самолетом все в порядке, просто у него почему-то заклинило шасси – они не выпускаются. Поэтому нас и трясло перед этим, как по ухабам: пилот пытался «вытряхнуть» их из корпуса самолета. Не беспокойтесь, все будет хорошо!»

Я объяснял ей все так самоуверенно и с таким знанием дела, будто я каждый день приземлялся не на взлетно-посадочную полосу, а прямо в океан. Мои уверенные слова немного успокоили Незнакомку, и она даже мило улыбнулась мне в ответ. Вряд ли она, американка, поняла, что означает «трясет по ухабам» в моем немелом переводе на английский, но, тем не менее, я вселил в нее спокойствие и уверенность в успешности посадки. Однако это не привело к успешности ее попыток надеть спасательный жилет: она долго еще трудилась над тесемочками и зажимчиками. Я же был уже во всеоружии – жилет уверенно спирал мою грудь.

Тут корпус самолета содрогнулся, казалось, что он вот-вот развалится, Но он выдержал этот удар, за что получил тут же второй, третий ... пятый... десятый... Тело кидало то вправо, то влево. Ремень безопасности с силой впивался в живот и грудь. Похоже было даже, что этот ре-

мень превращался в дубинку, которой колотили по тебе со всего маху. Потом раздался какой-то скрежет и после него – страшный удар, будто самолет переломился надвое. Невольный страх парализовал мое тело, но я быстро взял себя в руки – «раньше смерти не умрешь!» Я уже столько раз бывал одной ногой «там», на том свете, что поневоле стал немного иронично-цинично относиться к экстремальным ситуациям. Но сейчас было не до иронии...

Но вот осталось лишь какое-то дребезжание: самолет терял скорость, видимо, плывя уже по воде, а сотрясения были обычными ударами волн о быстро движущийся предмет.

И вот по проходу начал уже вполне организованно продвигаться поток пассажиров по пути к запасным выходам, где героические стюардессы с хотя и заученными, но все же милыми улыбками, помогали людям прыгать в спасательные желоба.

Нужно сказать, что американцы – удивительный в этом отношении народ. Говорят, что когда 11 сентября те негодяи врезались в Нью-Йоркских «Близнецов», то достаточно большому числу людей даже с относительно верхних этажей удалось спастись именно потому, что все спустились по лестнице быстро, но без толчеи, и не стараясь обогнать друг друга.

А моя соседка, между тем, разделавшись с жилетом, теперь никак не могла расстегнуть замок своего ремня. Я увидел, что она впала в полное отчаяние. Я рискнул, даже не спрашивая ее, оказать ей помощь – времени терять больше было нельзя: пора было подумать и о себе – пока она не выйдет, и я не могу выбраться из ловушки, забаррикадированный ее телом. Я притянул

Незнакомку к себе, почти обняв ее, левой рукой потянулся к ее правому бедру, нащупывая застежку ремня, которая почему-то оказалась там. Мое лицо приблизилось к ее груди, которая проглядывалось в разрезе довольно-таки смелого декольте... «Это ж надо, – подумал я, – в такой момент обращать внимание на *это!*»

Я почувствовал дурманящий аромат каких-то знакомых, как мне показалось, духов. Я вдохнул этот запах... Последнее, что я помню, это то, как я, пребывая в каком-то дурмане, уронил свое лицо в манящую ложбинку между грудей Незнакомки... Потом в глазах завращались какие-то муаровые узоры, внешние голоса стали тонуть в шуме, напоминающем шум прибоя... Сознание отлетело от меня, как, наверное, отлетает душа от покойника...

3.

Вдруг из темноты что-то стало проявляться... Я будто отходил от наркоза. Я лежал на чем-то твердом... И мне начинают припоминаться какие-то смутные детали. Ну, конечно, я отхожу от наркоза. Так было после операции на сердце...

Как и тогда, я почти явственно услышал два женских голоса, которые обсуждали, как поменять мне простыню, на которой я лежал на столе. А может, это было просто полубессознательное состояние, галлюцинация?.. Нет, я явно оживал... Видимо, я где-то в реанимации... Я открываю глаза и вижу два ангельских личика – самые первые лица, представшие предо мною после моего возвращения на нашу грешную землю оттуда, откуда возвращаются далеко не всегда.

Одна из моих ангелов была белокура, а у второй волосы были светло-каштанового цвета. Обе были одеты в голубые блузки и такого же цвета брюки спортивного покроя. Конечно, это медсестры.

Когда-то это уже было... Де жа вю... Я опять впал в какую-то полудрему... Но нет, это не операция на сердце... Та операция была три года назад. Но видение продолжалось, и я смотрел его, узнавая деталь за деталью...

Одна из девушек моментально отреагировала на мои открывшиеся глаза и веселеньким голоском прошептала: «Вы проснулись? Вот и прекрасно! Мы сейчас вам сменим простынку – вы пролежали на ней уже пять часов...» «Пять часов! – подумал я. – Так значит, я выжил!» Меня подхватили какие-то зубы, как у ковша экскаватора, и под гудение мотора я вознесся, наверное, на полметра вверх. Неимовернейшая боль пронзила меня от макушки до пяток: ноги и голова у меня свисали с ковша, напрягая грудную клетку, которая была во время операции будто топором надвое расколота. Я едва не заорал благим матом, с трудом сдержавшись только благодаря присутствию двух ангелочков... Мужчина я или не мужчина, в конце концов!

После этого «экскаватор» аккуратненько уложил меня на место. Простынка, на которую я приземлился, была подогрета, что оказалось очень кстати, так как в реанимации было холодно, как в морге. Почему-то именно такое сравнение возникло у меня тогда. А запомнились все детали так ярко, видимо, потому что для меня это было начало новой, второй жизни на этой земле.

Поменяв мне простынку, одна из девушек сказала: «А теперь немного потерпите. Мы должны помочь вам откашляться». Они повернули меня на бок, отчего я опять чуть не закричал, зажали меня с двух сторон, как в тиски. И вдруг через дикую боль я почувствовал, как две пары упругих девичьих грудей, которые были отделены от меня, как мне тогда показалось, только тонюсенькой перегородкой легкого материала медицинских блузок, жарко уперлись мне в спину с одной стороны и расколотую грудную клетку – с другой...

И вдруг почти вся боль ушла, а по моему телу растеклось приятное тепло. Их руки колодили меня по бокам, каждый удар отдавался болью, но я тогда еще удивился, как мужское начало выделяло на таком фоне бесчеловечных ударов прикосновения женской груди...

Тут я очнулся вновь. Я осознал, что то, что я видел, было не де жа вю, а просто провал сознания, дрема... Я окончательно очнулся. Открыв глаза, я сначала увидел только какой-то густой белесый туман. Вскоре я понял, что это потолок в комнате, где я лежу. Я хотел приподняться, но не смог. Где я? Когда я поднес руку к голове то, обнаружил, что она забинтована.

Тут ко мне начала постепенно возвращаться память. Я даже понял, что означало моё де жа вю! Последнее, что я помнил от прошлой жизни – было ощущение нежной и теплой женской груди. Поэтому я, наверное, и вернулся из беспометства через воскрешение последнего физического ощущения. Но что это было? Может, тоже сон? Нет, нет... В памяти моей стала выплывать все более и более явственная картина того, что я видел в последние моменты моей

предыдущей жизни... Фу, черт! Да никакая это не прошлая жизнь, а та же самая. Я просто тогда потерял сознание!

Я огляделся. Это госпиталь... Рядом с моей койкой, оборудованной капельницей, сидя на кресле, спала моя жена. Да, да... Я в Америке, здесь близких пускают к постели тяжелобольных в любое время суток практически без ограничений. Значит, я уже вернулся из России... Ну, конечно, я припомнил свой полет и даже посадку в Сан-Диего... Да, да! Конечно же, была аварийная посадка!..

Я понял, что жена моя провела рядом с моей кроватью бессонную ночь, пока не свалилась в изнеможении. Сколько было времени, я мог только догадываться – за окном уже забрезжил рассвет.

Что со мной случилось? Значит, я выжил в самолетной аварии... Как? Кто меня спас?

Я пытался повернуться, но при этом невольно застонал. Моя жена, как встревоженная птица, тут же встрепенулась и тоже, видимо, ничего сначала не поняв, осмотрелась вокруг. Но тут же встала, наклонилась надо мной и прошептала: «Слава Богу! Наконец-то ты пришел в себя...» Она тихонечко поцеловала меня в лоб, как целуют засыпающих детей да еще покойников.

Да я и был для нее одновременно и постоянным ребенком, о котором она каждодневно пеклась, и «периодическим» покойником: ведь я перенес две операции на сердце, черепную операцию, дважды попадал в неотложку в бессознательном состоянии, почти в коме, по причине дикого кровотечения (я после установки искусственного сердечного клапана вынужден прини-

мать разжижающий кровь препарат). Так что если я и жив все еще, то только благодаря моему доброму ангелу – моей жене. А вот теперь и новая напасть свалилась на ее голову – крушение самолета, в котором я летел!

Она гладила мою лысую голову, из которой торчали только иголочки редких коротко стриженных волос, и приговаривала: «Все будет хорошо... Все будет хорошо... Я помню, как ты говорил: «Пока я жив, я бессмертен!» Вот ты и жив! Все будет хорошо...»

И я сразу же понял глубиной души: что бы со мной ни произошло – в ее добрых и животворящих руках я выживу. Я понял, что моя «феминофилия», мое какое-то прямо-таки биологическое обоготворение женщины с самого детства, когда я воспитывался мамой, бабушкой и тетей, которая годилась мне всего лишь в старшие сестры – именно это и подарило мне в результате такую уникальную спутницу в этой жизни... (А впрочем, иной жизни ведь не будет!)

Потом, уже наступившим утром, вошла медсестра, излучавшая стандартную, но, тем не менее, приятную доброжелательную улыбку. (Я всегда говорил, что искусственная американская приветливость мне больше по душе, чем искреннее российское хамство!) Она сказала мне «Welcome back!» и дала какие-то таблетки. Я, как всегда безропотно, выпил все таблетки, а медсестра, как это положено в американских госпиталях, разъяснила, что к чему: «Это антидот. У вас было сильнейшее отравление ядовитым газом».

Детали я узнал позднее, когда пришел врач и объяснил мне, что я надыхался каким-то страшным современным ядовитым соединением – то ли гиперхлоратом ангидритбензола, то ли

хлорбензолом гидрогиперзиума. Для меня все это было чистой воды абракадаброй, не имевшей никакого смысла: я никогда химию не знал и, более того, еще учась в школе, просто ее ненавидел.

Я спросил доктора, как я оказался в госпитале, на что он ответил, что меня и еще нескольких человек спасатели вытащили из уже погружившегося на дно океана самолета. Я оказался единственным оставшимся живым из тех, кто не успел выбраться из самолета перед тем, как тот затонул в океане... Дело в том, что именно благодаря отравлению, у меня резко снизилось потребление кислорода, что и позволило мне выжить. А спасательный жилет поддерживал меня на плаву под потолком отсека в зоне небольшого воздушного пузыря...

Когда же врач объяснил, что этот ядовитый газ, который нашли в моих легких, имеет необычный и удивительно приятный запах, меня вдруг, как молнией, пронзило яркое воспоминание: разрез кофточки, ложбинка груди и туманящееся сознание... Нет, этого не может быть!

И тут же на память пришел другой эпизод, который произошел раньше, отчего по телу пробежали мурашки...

4.

Это было в России, как раз во время того самого визита, после которого я и возвращался домой. Я там встретился с моим другом Львом Белопольским, одним из ведущих биологов в мире. Он занимался вопросами, связанными с происхождением жизни на Земле. Эта тема ин-

тересовала его еще с институтской скамьи. Мы с ним часто говорили на эту тему, и он снисходительно слушал мои «смелые гипотезы» по поводу возникновения жизни и откровенно подшучивал надо мной. Я на него не был в обиде, понимая паткость и фантастичность своих предположений, хотя именно его идеи и были положены изначально в основу моей «теории». При этом моим основным аргументом была известная фраза Альберта Эйнштейна о том, что почти все с детства знают, что то-то и то-то невозможно, но всегда находится невежда, который этого не знает, а потому и он-то и делает открытие. На это Лев великодушно иронично замечал: «Тебе не хватает одного – ты не невежда...»

Я сам весьма скептически отношусь к тому, что можно придумать «истинную» теорию возникновения жизни. Слишком уж много здесь такого, что никогда не станет ясным, слишком мало фактов, но с лихвой хватает вымыслов.

Но если отказаться от «божественной» версии возникновения жизни, то останется все же две возможности: либо жизнь «рукотворно» создана некими «мета-силами», а тогда надо искать пути контакта с ними, чтобы узнать от них, как, а главное, зачем они нас сотворили. Либо же остается построить такую теорию, которая позволила бы и нам самим синтезировать жизнь, а заодно и доказать, что Бог вовсе и не нужен для создания жизни.

Я не биолог, и решение этой загадки для меня было просто хобби. Да и решением в прямом смысле это назвать было бы нельзя. Я просто собирал осколки гипотез да обрывочки мыслей, рассеянных по безбрежной литературе и пытался из всей этой мозаичной смеси составить

что-то цельное и логически более или менее непротиворечивое. Единственным моим оппонентом как раз был Лёва, поскольку я ни с кем больше не делился своими изысканиями, дабы не быть просто напросто осмеянным.

Именно Лёва Белопольский давным-давно, когда мы еще учились на первых курсах – он на биофаке МГУ, а я в МВТУ – поведал нам, его бывшим однокашникам, о новой и модной тогда теории - «теории биополя»... Но не того биополя, которым спекулируют шарлатаны типа Чумак или Кашперовского. Нет, речь шла о физическом поле типа магнитного или гравитационного. Это поле, которое в определенных условиях позволяет начать «кристаллизацию» жизни из неорганической материи.

По этой теории при определенных условиях каким-то образом – непонятно, каким – возникла жизнь. Всем казалась эта гипотеза дикой и нелепой: что за поле, как это из неорганики вдруг возникает жизнь? Лёва тогда задавал нам патологическим атеистам риторический вопрос: «Создал ли всю Вселенную и все живое в ней Господь-Бог?» И далее сам же отвечал на свой вопрос, приводя убедительные аргументы: Ведь не удивляемся же мы процессу кристаллизации в неживой природе и не ищем в этом какой-то «воли Божьей»? Ведь если взять солевой раствор, то при определенной концентрации и при определенной температуре начинают формироваться кристаллы соли! А алмазы? А горный хрусталь? А кварц? Ну, разве это не чудо?

Но стоит изменить условия совсем на чуть-чуть – например, недосолить воду или повысить температуру – и никаких кристаллов не

образуется вовсе! Возразить на это было нечего, даже если бы мы и хотели возразить.

А он продолжал, что все живое – это просто более сложный «кристалл», не более того. И заметьте: все животные, начиная от ящеров и кончая нами с вами – все имеет близкую структуру: голова, четыре конечности, хвост (хотя бы рудиментарный), два глаза, два уха, рот, пищевод, желудок, кишечник... А отличия? Да не больше, чем между кристаллами соли и алмазами!

А все букашки – о шести ногах, а все рыбы – ... и пошло-поехало! Все это разные «кристаллы»!

Нас всех это тогда потрясло. За Лёвой быстро закрепилось прозвище – Лев Биопольский.

И вот сидим мы с Лёвой за стойкой какого-то новомодного московского бара. Мы с ним встречаемся каждый раз, когда я приезжаю с «ридной Калифорнии» на свою историческую, и я бы даже сказал, «биологическую» родину. Как-никак, мы с ним проучились в одной школе все десять лет, а потом продолжали дружить, учась в ВУЗах, ходили в Консерваторию, на футбол, потом дружили семьями до самого моего отбытия за кордон.

Итак, сидим мы с Лёвой, чешем языками на околонучные темы, попивая «маргариту». Он к этому напитку пристрастился во время визитов ко мне в Америку. Я бы, честно говоря, предпочел обычной водочки с селедочкой, но новорусские баре пьют в баре текилы да коньяки разных сортов, а если и водку, то уж без селедки... Нет, я не против текилы, я ее люблю, особенно самую

простую – этакий мексиканский «сучок». Но в России пить текилу...

Конечно же, наш разговор неизбежно «свалился» в кювет теории возникновения жизни, откуда без посторонней помощи уже не вырваться на «проезжую часть» обычной тематики. Библейски креационизм мы даже и не затрагивали – слишком уж наивно. Хотя никто из нас не отрицал возможность наличия какого-то закона природы, эквивалентного «Святому Духу». Мы отрицали лишь возможность Божественного управления жизнью людей, а тем более наличие божественных папы с сыном, сидящих на облаке, свесивши ножки.

Сначала, как всегда, у нас речь зашла о теории академика Опарина. Это он придумал «мировой бульон» – некий океан, в котором плавали молекулы аминокислот и эдак самопроизвольно соединялись, пока не досоединялись до уровня простейших организмов. А потом, мол, дарвиновская эволюция – и дело в шляпе: vi а la , как говорят французы, – появилась жизнь! Хорошо, допустим, биополе создает условия для появления Опаринского «бульона». Но как же добраться от этого бульона до человека? Да что там до человека – до малой козявки! Эволюция?! А как же объяснить, что существует столько независимых и явно не друг от друга произошедших видов животных, у которых заведомо не могло быть общего пращура? А в то же время их устройство столь аналогично.

Ну, хорошо – эволюция, но где же хоть какие-нибудь следы от нее? Ведь археологи нашли массу разных ископаемых костей, но среди них нет ничего, что подтверждало бы эволюционную теорию! Никаких промежуточных форм: сначала разных ви-

дов ящеры, будто выпрыгнувшие на Землю, как джинны из бутылки, а потом после неведомого все-ленского катаклизма столь же внезапно появившиеся всевозможные современные животные. Ведь даже связи между человеком и обезьяной не нашли! А все эти неандертальцы... По ним не поймешь даже, человек произошел от обезьяны или наоборот!

Уж даже библейская версия одномоментного создания всего живого и то представляется более правдоподобной! К тому же она не требует никаких материальных доказательств: хочешь – верь, не хочешь – отойди в сторонку и не мешайся под ногами. Но «теория бульона» с последующим Дарвиновским развитием вообще ни в какие ворота не лезет!

И вообще, что за хипеш поднимают эти два лагеря – креационистов и дарвинистов? Это же совершенно разные категории понятий! Одни утверждают, что жизнь создал Господь-Бог, а другие, в принципе, им даже и не возражают, а лишь объясняют, как меняется жизнь с изменением условий обитания. Так что, как говорят в Одессе, «мухи отдельно, а котлеты отдельно».

Теория же катаклизмов, которую предложил палеонтолог Жорж Кювье, объясняет лишь, исчезновение, а не появление тех или иных форм жизни. Были ящеры, что-то произошло, допустим, какая-нибудь шальная комета звезданула по нашей матушке-Земле, и ящеры приказали долго жить. Но как же после исчезновения динозавров-птеродактилей и примкнувших к ним ихтиозавров на Земле вдруг, откуда ни возьмись, без всякого «бульона» (да хоть бы и из бульона!) появились современное зверье, рыбы, птицы и насекомые?

Долгое сидение за стойкой бара, обилие выпитого и чересчур «умственные» разговоры

вскоре привели к тому, что Лёва, извинившись, отлучился по малой нужде.

Я от нечего делать, оглядел зал. У меня, как я уже говорил, есть одна особенность, впрочем, наверное, присущая большинству мужчин. Я как-то невзначай, каким-то боковым зрением всегда отмечаю молодых и красивых женщин. Нет, я совсем не люблю «Барби». Мне нравится, когда в женщине, в первую очередь, видна личность, хотя – сознаюсь – на «крокодилов» и на «коров» мой взгляд «не ложится» при любом их интеллектуальном уровне.

Так и в этот раз, я еще давно заметил девушку, сидевшую, накинув ногу на ногу, в одиночестве за одним из столиков. Во времена моей молодости, нравы были очень суровы, и присутствие одинокой женщины в питейном заведении было бы просто непристойным. Эта же сидела одна, слегка отклонившись назад, будто выставив напоказ свои – нужно признать – красивые ноги. В то же время в ней не было ничего вульгарного.

Встретив мой пробежавший по залу взгляд, она поднялась со своего места и направилась к стойке бара в моем направлении. Она подошла и села на свободный высокий стул рядом со стойкой по соседству со мной. «У вас здесь свободно?» - нелепо спросила она, хотя за стойкой было полно свободных мест, а к тому же она уже еще до вопроса водрузила себя на стул! Это мне напомнило ситуацию с карикатуры Ленгрена, на которой было изображено кафе со свободными столиками, где за одним из них сидела девушка, а к ней подошел молодой человек и задал тот же вопрос, что и нынешняя Незнакомка.

Я, сознаюсь, не люблю случайных знакомств вообще, а тем более, что был понаслышан о бурном расцвете проституции в бывшей «столице мира», а ныне просто «сердце всей России». Однако я по-американски доброжелательно пробормотал: «Нет, нет, пожалуйста! Будет очень приятно». Она представилась, но имя ее, исчезло из моего сознания даже раньше, чем я попытался его запомнить.

Могу сказать, что мне польстило, что такая девушка хоть в каком-то смысле заинтересовалась мною. Однако в голове мелькнула мысль: «Не обольщайся. Просто деньги не пахнут...»

Девушка оказалась даже еще более привлекательной, чем показалась с первого взгляда. Можно было даже сказать, что она была обворожительна. Глаза ее светились определенным интеллектом, изучая женский магнетизм. «Видимо, правда, московская проституция достигла мировых высот!» – подумал я. Тем не менее, я, настроенно поёрзав на своем стуле, сдвинулся в сторону стула Льва, отдалившись чуточку от Незнакомки.

А вот вернулся и Лев. Он всегда казался мне идеалом мужской красоты: высокий, широкоплечий, с лицом, на котором всегда светилась добрая улыбка, подсвеченная рядом ровнехоньких, никогда не леченых белоснежных зубов. А чего стоила одна шевелюра, сохранившая свою девственную густоту со школьных времен? Словом, куда там всем этим пресловутым шварценегерам!

Незнакомка, подсевшая ко мне, сразу, улыбнувшись своей белозубой улыбкой, кивнула Льву, на что он ответил таким же кивком. У меня отлегло от сердца – не люблю я этих штучек

с пляжно-ресторанными знакомствами — она, видимо, имела целью «захомутать» Льва! Хотя в то же время остался и горьковатый осадок: мужскому самолюбию польстило, что на меня обратила красивая молодая женщина, пусть даже и явно проститутка. Но оказывается, она «охотилась на львов»!

Вообще-то я по натуре «мамонт-однолюб», мне, кроме жены, никто не нужен, хотя — кто знает! — наверное, и меня, как и всякого мужика, можно утащить в постель при желании. Но про себя не знаю, не пробовал. Видимо, из страха «согрешить» я и стараюсь пресечь всякие женские поползновения на самой ранней стадии — видимо, просто боюсь соблазнов и своей неспособности противостоять им. Но на этот раз все оказалось о'кэй. И поэтому Незнакомка — как субъект безопасный — мне даже еще больше понравилась.

Лев, известный бонвиван и ловелас, игриво поглядел на «мою девушку» и с обычной его развязностью сказал: «Ба! Какое чудо природы приземлилось рядом с тобой! После этого я, пожалуй, уверую в божественное происхождение человека! Ведь не может же такая красавица произойти из протейнового бульона!» На это он совершенно неожиданно получил от Незнакомки ответ, который, как хорошая оплеуха, едва не сбросил его со стула: «Мне тоже не по вкусу Опаринская теория, хотя и происхождение от Евы, которая была создана из ребра самовлюбленного Адама, меня тоже не прельщает!»

Мы, естественно, все троим тут же разговорились, причем та, которую так легкомысленно я принял за проститутку, проявила недюжинное знание и биологии, и христианской рели-

гии, и древней истории. Впрочем, жрицы любви – не обязательно прописные дуры. Тут я даже немного позавидовал Льву, поскольку я выступал как бы в роли пинг-понговой сетки, через которую туда-сюда перелетали, как шарики, реплики, которыми перебрасывались Незнакомка и Лев.

Наконец, Лев спросил Прекрасную Незнакомку, как ее зовут. Та повернулась ко мне вполоборота, открыла сумочку и достала из нее визитку с каким-то замысловатым логотипом и вензелями. Я обратил внимание, что ее открытая маечка обволакивала упругую девичью грудь, создавая эту вечно загадочную и притягивающую взор ложбинку...

Не подумайте обо мне плохо: ведь допускаете же вы несексуальное восприятие Боттичеллиевой Афродиты, выходящей из морской пены, или Энграва «Источника»? А все «ню» Амадео Модильяни? Ведь, правда же, во всех них столько святости и целомудрия? Ведь глядя на них, испытываешь только эстетическое наслаждение, не больше того. Точно так же и я: никакого вожделения и никакого желания тащить красивую бабу в койку у меня не возникает, упаси Господь! Для меня это просто объект эстетического восторга. Ну, а что касается женских ложбинок, то и сами их обладательницы в них толк понимают...

Так, значит, достала Незнакомка визитку и потянулась рукой ко Льву да так, что эта ее пресловутая ложбинка почти коснулась моего лица, а вместе с ней будто душу мою наполнил некий дурманящий аромат. И я, чего со мной никогда не было, от близости этой женской гру-

ди обмяк, голова моя пошла кругом, и я рухнул со стула...

Когда я пришел в себя, Лев растирал мои виски текилой за неимением других медицинских препаратов. Потом появился врач вызванной скорой помощи. Он после легкого осмотра сказал, что это очень похоже на отравление каким-то сверхновым отравляющим газом типа хлорбензолгексаметра или как там его?

Спасло меня только то, что мы со Львом изрядно накачались к тому времени текилой, которая делается, как известно, из корней агавы, а посему стимулирует иммунную систему...

Позже Лев с каким-то удрученным видом сообщил мне, что Незнакомка как-то незаметно пропала в той суете вокруг моего беспомятного тела, а ее визитка оказалась чистым листочком ватманской бумаги...

Что-то здесь было неладно. Мы, конечно же, подумали сразу про происки ФСБ или ЦРУ, которые приняли меня за кого-то другого, а возможно, и за двойного агента, которого пора ликвидировать.

Теперь-то лежа в сан-диеговском «Грин-госпитале», я понял, что оба раза дело было не в девичьих грудях и ложбинках между ними, а в этом отравляющем газе... Но как это связано между собой? Как?!..

5.

Уже через два дня моя жена забрала из госпиталя. Дело в том, что у нас кончилась медицинская страховка, а платить за день пребывания в госпитале по полторы тысячи долларов —

нам не по карману: мы оба остались без работы. Да и зачем госпиталь? С капельницы меня уже сняли, а таблетки принимать можно и дома. А к тому же – еще и текилой можно запивать для повышения иммунитета.

Лежа дома, я опять начал думать над происхождением жизни... Почему-то в голову навязчиво лезла теория «Большого Взрыва», которая с позиции современной физики объяснила возникновение материи и даже помогла физикам высчитать, когда было «начало света». Как говорят, непонятно, но занятно. Но, что-то меня тянуло к этой непонятной идее...

Потом в Интернете я случайно, пытаясь найти зачем-то детали убийства Пушкина, напечатал «Геккелн» вместо «Геккерн». И мне выскочил сайт ближайший по написанию к напечатанному мною слову: «ГЕККЕЛЬ (Haechel) Эрнст (1834-1919) – немецкий биолог ... Сформулировал основной биогенетический закон, согласно которому в онтогенезе (индивидуальном развитии организма) кроется ключ к познанию филогенеза (истории происхождения вида)...»

Да, да, да, да! Эврика! Конечно: онтогенез и филогенез, но не по Геккелю, а по-другому! Не развитие рода, как в зеркале отражается в развитии индивидуума, а сама Жизнь развилась так, как развивается дитя во чреве матери! Именно так: биополе создает предпосылки, а затем - «Большой Биологический Взрыв» и жизнь брызгами, как из фонтана, вырывается наружу ниоткуда, как материя при физическом «Большом Взрыве». Односекундно возникают самые разные виды животных, рыб, птиц, насекомых, растений, бактерий... Они сначала «детеныши», потом растут, развиваются, взрослеют, созревают...

Среди них оказываются «мэйль» и «фемэйль», они начинают оплодотворять друг друга и плодоносить! И никакой, к чертовой матери, эволюции! Эволюция – это потом, когда начнется приспособление уже имеющихся живых организмов к изменяющейся со временем окружающей среде!

Природа, Мать-Природа позаботилась обо всем! Откуда-откуда? Да от верблюда! Проглотили все «Большой Взрыв» и ведь не столько от понимания, сколько от того, что во что-то надо верить: Но не в Бога же? На что нам этот Бог сдался? Да, допустим, есть магический «Святой Дух» в природе. Все благодаря ему, но он управляет нами так же, как гравитационное поле управляет падающими на головы Ньютонов яблоками, как магнитное поле управляет стрелкой компаса – не по умыслу, а потому, что иначе быть не может у Матери-Природы.

Я был на седьмом небе от счастья: так просто и так понятно. Конечно, можно сказать, что это некое богостроительство. Да, если угодно – да! Но этот Бог – он Творец, но не управляющий нами, не президент и не генеральный секретарь. Ведь, по сути, примерно это утверждает и деизм: некий мировой разум создал «машину» природы и дал ей законы и движение, пустив ее в самостоятельное и независимое путешествие во времени!

Но вот каковы эти условия вспышки жизни? Нужно ли присутствие этого «Высшего Разума»? Да и что такое «Высший Разум»? К тому же позволительно вспомнить и вопрос еще средневековых схоластов: «Если все сотворил Господь, то кто сотворил самого Господа?»

Что наиболее характерно для Жизни? Это, пожалуй, наличие обратной связи. Только благодаря обратной связи, живое существует. Стало холодно? Живое прячется в норку... Стало голодно? Живое ищет пищу... Смерть неизбежна? Живое продлевает род... Более того, неизбежна экспансия Жизни во времени и пространстве, иначе Жизнь неизбежно прекратит свое существование.

И вот этот-то природный «Дух Святой» – это интересно! Но мы и до него докопаемся! Почему мы его не видим? А может, он из другого пространства? Может, мы живем, как некие «плоские» трехмерные букашки в каком-нибудь семи-мерном мире, а посему и не можем ничего увидеть дальше нашего трехмерного носа?

Я уже оправился от своей внезапной болезни, хотя почти весь день и лежал еще, не вставая. Меня постоянно влекло к мысли, что в течение короткого времени я попадал в очень уж сходные ситуации два раза подряд. Но такова уж жизнь: как говорят, чаще всего в жизни случаются маловероятные события. Так и у меня: не могло быть, а было, было! А не была ли это *одна и та же* Незнакомка оба раза? Нет, первая Незнакомка, там, в московском баре, была блондинкой со странными по-мерлин-монровски фиолетовыми глазами, а вторая, в самолете, была жгучая брюнетка с карими глазами... Но ведь женщины переменчивы, как апрельский день – то солнце, то тучка: то ли стоит надеть парик, то ли перекрасить волосы? А уж линзочку цветную поставить на зрачок, сменив одну радужку на другую – и того проще.

Жена уехала в какой-то супермаркет за продуктами – дома было, хоть шаром покати.

Дочка обещала зайти, когда у нее кончатся занятия в Артинституте, где она училась. Я был один. Я все еще был слаб, поэтому незаметно под монотонный репортаж о футбольном матче – по Fox Sport News передавали матч «Ливерпуля», за который я болел, против «Челси», которой владел Роман Абрамович - «хоть и негодяй, но родной», как сказали бы американцы, – я впал в дрему...

6.

Что-то зазвенело в ушах, наподобие звонкого летнего стрекотания кузнечиков, но более пронзительно. Потом тональность поменялась, стала еще более пронзительной. Вдруг все стихло. Возник какой-то синтетический голос, но шел он откуда-то изнутри моего собственного черепа. Ощущение было странное, будто я схожу с ума... Похоже было, что я все еще в дреме, хотя как-то уж больно отчетливо думалось.

- Ты все еще ничему не научился и ничего не понял? Мы давали тебе уже два предупреждения с усиливающимся эффектом стимулирования. Но ты опять взялся за свое...

- Кто ты? Я не понимаю, откуда идет голос...

- Голос идет у тебя изнутри... А меня ты увидеть не можешь: я – инопространец...

- Кто, кто? «Ино...» Извини, кто? «Инопро...»? Инопланетянин?

- Нет, я не инопланетянин, я «инопространец». Я существо из иного пространства, из пятимерного пространства... Я пятимерец.

- И ты можешь говорить по-русски?

- Я говорю не по-русски. Я вообще не говорю, разве ты слышишь меня? У тебя в голове просто появляются мысли, которые я индуцирую тебе. А уже мысли твои звучат для тебя по-русски.

- Но кто вы такие – пятимерцы? Что вы из себя представляете?

- Мы те, кто создал ваш экспериментальный мир в четырехмерной колбе. Объяснить, какие мы, я тебе не смогу: ты все равно не сможешь представить себе пятимерное пространство. Вы для нас – просто как для вас обыкновенная точка: вы есть, и вас нет.

Пятимерец помолчал несколько секунд и продолжил.

- Мы умеем создавать трехмерное биополе и специальными импульсами возбуждать лавинообразное возникновение жизни. С вашей Вселенной нам пришлось долго возиться, чтобы найти тот планетарный атом, на котором были бы подходящие условия для генерации жизни. Сначала нас постигла неудача: мы породили тех, кого вы потом назвали ящерами. Ящеры оказались слишком примитивными, нам пришлось их уничтожить и создать все заново. Вот так и появился современный живой мир на Земле. Правда, кое-кто из ящеров сохранился – это некоторые рептилии, акулы и незначительная стая птеродактилей в том месте, которое вы называете Африкой.

- Так значит, ты и есть Бог?

- Да нет! У вас Бога, как такового, не существует. Есть мы – Творцы, или Создатели. Я в нашем пространстве – главный Креатор, или Великий Экспериментатор. А ваш Бог – это лишь очень удобная для нас концепция, которая позволяет нам удерживать вас, людей от понимания истинной природы вещей.

- Ну, а чем же вы, пятимерцы, не Боги?

- Мы не можем вами управлять... У вас очень быстро течет время, мы успеваем только отдавать вам команды: ваши годы проскакивают у нас за секунды. Мне большого труда стоило подключить сейчас для разговора с тобой «лупу времени» – специальный прибор, замедляющий мое время до скорости вашего. Мы только успеваем посылать вам общие идеи, команды для направления развития, а не конкретные инструкции. К счастью, мы создали думающими только людей. Но и вы приводите созданный нами мир к страшной неразберихе... А если бы еще и зверье могло думать, то вы бы давно друг друга все перегрызли...

- Так что же, значит, Моисей...

- Да, Моисей действительно слышал мой голос. Его также на гору увлек биологический робот, которого мы сделали в форме мальчика. Там на горе Моисей услышал «глас с небес», как ты слышишь его сейчас, хотя ты-то понимаешь, что это никакой не Всевышний. А Моисея пришлось увести на гору, потому что если бы он услышал внутренний голос, находясь в толпе соплеменников, и стал бы им об этом рассказывать, его бы приняли за сумасшедшего, юродивого, а то и вообще за обманщика и плута.

- Значит, идея Бога – это ваша идея?..

- Да, нам надо было создать нечто в умах людей, что держало бы их хотя бы в рамках биологического поведения. Иначе вы поуничтожили бы друг друга до завершения нашего эксперимента.

- А вы планируете и конец эксперимента? Это и будет конец света?!..

- Все зависит от вас, от людей, от того, как вы будете себя вести.

Я был ошеломлен. Все смешалось в моей голове. Значит, с одной стороны, моя теория правильна. С другой стороны, и Библия отчасти правильна, хотя и не в столь прямолинейной и догматической форме, как это проповедают церковники. Какой-то кошмар: Бог есть, и Бога нет! Вернее, есть Создатель, а Бог придуман им для людей для сохранения социальной морали в «широких массах населения»! И коммунизм – это неудачная попытка пятимерцев в области устройства социума... Получилось неудачно, как с динозаврами и птеродактилями. А потом эта неудачная попытка привести в равновесное состояние две вышедших из-под контроля религии – иудаизма и христианства – привела к порождению бесчеловечного исламского фанатизма, а в ответ – нового христианского крестового похода, который тоже не отличает преступных фанатиков от невинных женщин и детей... Произошло расщепление Единого Бога, каждый претендует на абсолютную и тотальную правоту... Эх, Создатель, Создатель! Не справился с социально-биологической реакцией вышедшей из-под твоего контроля?

- Но меня-то зачем вы контролировали? Я же мелкая сошка, песчинка!

- Контролировать тебя было необходимо: ты слишком далеко залез в понимание тайны возникновения: ты дошел до идеи Большого Взрыва в Биополе. Мы боимся, что люди – эти злобные трехмерные карлики, откроют тайну пяти измерений и смогут проникнуть в него, как раковая опухоль... Тогда и нам будет конец! С вашей идиотской тягой к познанию, вы все только губите. Мы подбросили вам миф о Древе Познания, о том, что нельзя рвать с него плоды, но вы не поняли этого нашего послания и не остановились... Когда твои догадки о происхождении Жизни были пойманы нашими локаторами мысли, мы решили предупредить тебя, чтобы ты остановился, не открывая великой тайны...

- Так значит, эти девушки...

- Да это были трехмерные биологические роботы, которых мы послали, чтобы остановить тебя.

- Ну, а что же я должен делать?

- Вспомни про Чашу Грааля, человек. Чем страшно, что ее найдут? Только одним: христианская религия рухнет. А за ней рухнет и иудаизм, и ислам... Христианство – как доллар. Стоит доллару рухнуть, за ним рухнут и марки, и фунты стерлингов, и иены, начнется экономический крах человечества. Мы долго создавали религии, чтобы зомбировать, как вы говорите, людей. Люди, поверившие в креационистскую теорию возникновения жизни нам не страшны – они не ищут истины.

- Но разве истина – это не вершина всего, к чему должен стремиться человек?

- Бывает опасная истина...

- Так чего же вы, пятимерцы, хотите от меня?

- Оставь в покое нашу Чашу Грааля. Не срывай этого яблока с Древа Познания. Что это даст тебе? Что это даст людям? Ничего, кроме смуты, страданий и разврата.

Ты хочешь отнять Бога у людей? Зачем? Им же с ним хорошо, спокойно. Можно не терзаться сомнениями, не барахтаться в борьбе за выживание, а плыть по воле волн. А сколько силы вера в Бога дает слабым?

Так что оставь вашего Бога в покое. Он нужен вам. И он нужен нам – я уже сказал тебе за чем.

- Но зачем же вы создали столько враждующих между собой религий? Сделали бы одного Бога для всех!

- Мы создали для вас идею одного Бога, но Моисей, даже будучи мудрым человеком, узурпировал его для евреев. У вас на Земле расовая и национальная вражда не дала развития этой вере. Тогда мы дали вам христианство, но оно в силу вашей нелепой человеческой природы сразу же стало враждебным иудаизму. Оставалась еще большая группа людей, оставшаяся за бортом этих двух религий. Тогда мы создали для вас магометанство... Мы хотели сделать, как лучше – дать каждому выбор. Но стало еще хуже! Все это только усугубило обстановку вражды и ненависти. Тогда, пытаясь сгладить разногласия между группами христиан, мы создали различные ветви христианства – протестантство, баптизм, православие...

Скажи, а разве ты не задумывался над тем, что все религии имеют один и тот же базис – Ветхий Завет? Ты не задумывался, что все религии имеют действительно **единого** Бога? Мы

пытались сделать так, чтобы каждому индивидууму было удобно верить в Бога, дать людям удобную форму общения с Богом, приемлемые обряды. Но натура человеческая искажает даже самые благие и светлые намерения...

- Ну, а как же атеизм?

- Атеизм – это тоже религия. Просто ты, например, не сознаешься даже себе в этом, но и у тебя есть Бог: он в тебе самом, в твоей внутренней морали, в твоём отношении к окружающим. Разве делание добра ближним не есть твоё свойство? Разве ты можешь убить? Украсть? Даже жена ближнего для тебя – табу. Хотя понятие «ближнего» у тебя достаточно ограничено – это твои родня и твои друзья.

Пятимерец помолчал немного.

- Не трогай Бога... Не вкушай от Яблока Познания... Не подвергай опасности ни себя, ни нас, и мы оставим тебя в покое.

- Ну, а вас-то кто создал? Семимерцы? Или какие-нибудь ещё более замысловатые одиннадцатимерцы?

- Нет. Нас создал Бог!

Я, подавленный, молчал. Значит, я добрался до Чаши Грааля пятимерцев. Если я открою свою теорию людям, они совсем потеряют Бога. И без того злобные, алчные и жестокие, они пойдут ещё дальше в своих злодеяниях: одни будут убивать иноверцев, взрывая небоскребы, другие будут им мстить, разрушая их города и убивая женщин и детей, третьи будут наслаждаться, топчя свой же собственный народ... Не станет тормозов, и все полетит под откос...

А потом они доберутся и до пятого измерения... И они убьют высшую жизнь, даже не желая того. Прав пятимерец – именно так раковая опухоль убивает организм, вместе с которым умирает и сама.

- Ну, ты понял, человек, чего мы от тебя хотим? Мы не хотим, чтобы человеческое зло проникло к нам в пятое измерение. Да, вашего Бога нет, но пусть останется вера для всех, что именно Бог создал в вашем мире все сущее. Мы не хотим сделать тебе зло, но ты должен сам понимать, что Чаша Грааля – наша Пятимерная Чаша Грааля – не должна достаться людям ради их же блага! Замолчи и забудь свою Теорию Возникновения Жизни!

Опять раздался звон будто кузнечиков, потом настала звенящая тишина...

В это время в замочной скважине зашевелился ключ. Приехала жена из магазина. Я пошел ей помогать разгружать пакеты с продуктами из машины. Я не стал ей ни о чем рассказывать – ведь здравомыслящий человек все равно мне не поверит.

Жена прямо с порога крикнула мне, чтобы я включил телевизор – по Си-Эн-Эн передают какие-то важные новости, как ей сказала ей соседка, которую она встретила в подземном гараже.

Я включил телевизор. Лилась тихая траурная музыка, на экране трепетал национальный флаг. Оказывается, сегодня погибло еще тридцать наших парней в той далекой войне за чью-то свободу, до которой те, кому она предназначалась, еще и не доросли...

Шла религиозная война: одни правоверные именем своего Бога уничтожали других право-

верных, которых они считали иноверцами. Те отвечали им тем же. Вести каждый день приходили самые нерадостные, войне не было видно ни конца, ни края. Оказывается, вчера террористы взорвали огромную плотину в Китае и гигантская волна – страшнее любого цунами – смела с лица земли около семнадцати миллионов людей, живших в плодородной долине...

Мои мысли прервала жена, позвав меня обедать. Мы еще по московской привычке и здесь, в Америке, продолжали большую часть времени проводить на кухне. Разливая по тарелкам борщ, разогретый в микроволновке, она заговорила со мной: «Ужасная новость, да? Люди совсем сошли с ума... Ну, ладно, сколько ни переживай, помочь ничему нельзя. Расскажи лучше о своей поездке в Россию. Как прошла встреча с твоим любимым Львом? Какие у тебя новые идеи по поводу Теории Жизни?»

Я как-то невольно поднял глаза к потолку и ничего не ответил... Впрочем, зачем к потолку? Ведь он, Создатель, растворен всюду, ведь это же не тот Отец Небесный, которого в качестве идеи Бога спустили нам сверху пятимерцы!

7.

«Лёва, привет!

Я пишу тебе это письмо, чтобы предупредить тебя, как человека умного, рассудительного и доброго. То, что ты только что прочитал, не бред разгоряченного беллетристического ума. Это то, что со мной действительно произошло.

Я пишу тебе, потому что ты так близок к тому открытию, к которому я уже пришел. Надеюсь, ты все понял, прочитав эту повесть о моих

приключениях и злоключениях. Понимаешь, насколько опасно для человечества открытие тайны Жизни? Прошу тебя – остановись, еще есть время! Может, достаточно того, что мы с тобой знаем все. Может, Создатель – Великий Экспериментатор, прав, что «Пятимерная Чаша Грааля» никогда не должна попасть в руки людей? А посему лучше всего, чтобы никто даже и не догадывался о ее существовании. Зачем оставлять людям соблазн?

Я так смело тебе пишу, поскольку знаю, что пятимерцы очень инерционны, они не успеют отреагировать на мое письмо – ведь я фактически обещал им не открывать никому открытой мною Тайны Природы. Но я знаю, что ты к этому открытию тоже очень близок, а потому спешу предупредить тебя. Как говорили древние: «Предупрежден – значит вооружен».

Я боюсь за тебя. Ведь тебя они будут «предупреждать» столь же зловеще, как и меня, а может, и похуже. Я не хочу, чтобы ты погиб. Ведь если ты задумаешь открыть людям тайну, с тобой пятимерцы просто-напросто расправятся!

Кто их знает, на что они способны? Ведь и сам Создатель неидеален и небезгрешен, как он сам признал, – и он допускает ошибки. Я очень боюсь, что он превысит «меру пресечения».

Письмо это посылаю тебе по электронной почте, ты получишь его еще до конца рабочего дня. Прочитав его, уничтожь, сотри файл.

Be in touch (или как я пишу всем моим русскоязычным респондентам по емейлу: «Будем в тачке!»).

Привет супруге».

Я расписался, поставил дату, потом подумав, приписал: «4-30 утра». Потом дописал постскрипtum: «Дочитал в самолете “Код Да Винчи”, который ты мне дал. Не могу удержаться от каламбура по поводу последних событий, произошедших со мною: КОД ДОВИНЧЕН...», после чего поставил инициалы и нажал на «send»...

Теперь можно и поспать часика три-четыре: ведь утром жена решила вывезти меня в даунтаун Ла-Хойи проветриться на берегу и взаправду Тихого океана... Ну, что ж, это хорошая идея – мне так нужно отойти от пережитого и хорошенько осмыслить, что же произошло.

Даунтаун... Даунтаун... Город, где живут дауны...

*Сан-Диего,
2009*

АНТОНИО ХЕРНАЛЬДИНИ, ОН ЖЕ АНТОН ВАСЬКИН

Приближался новый, 3013 год. По вечернему небу летали трехмерные голографические ёлки. Откуда-то с небес струилась удивительная музыка, действующая гипнотически. Улицы были наполнены улыбающимися людьми с бессмысленно-счастливыми лицами. По звездному небу бегущей строкой высвечивался лозунг «Нынешнее поколение людей будет жить при компьютеризме!»

Антонио сидел с бокалом итальянского кьянти в одной руке и с кубинской сигарой в другой, временами делая легкие затяжки. Собственно говоря, и итальянское кьянти и кубинская сигара – это были чисто условные названия. Где-то в середине прошлого тысячелетия мир слился в единое мего-государство Русландию. Вся Русландия была разделена на провинции, в которых продолжали сохраняться какие-то доисторические традиции и языки, обильно сдобренные компьютерными англицизмами и междометиями, заимствованными из русского мата.

Существовавший в начале третьего тысячелетия в тогдашней России строй, который кто-то образно окрестил «олигархическим похуизмом» пустил свои злобные метастазы по всему миру. Так и образовалась Русландия.

Столицей Русландии был мегаполис Большие Мытищи, который распростерся от Дубны до Серпухова с севера на юг и от Можайска до Орехово-Зуево с запада на восток. Правда, Малая Москва все еще оставалась, пожалуй, главным районом этого мегаполиса.

Антонио Хернальдини был одним из самых влиятельных олигархов Русландии. По материнской линии он восходил к Аль Капоне, а по отцовской – к древнему итальянскому роду Геральдини.

Вам, наверное интересно узнать, откуда у нашего героя такая забавная фамилия? Дед Антонио, Джузеппе Гернальдини, был одним из основателей компартии Италии. С приходом Муссолини он вынужден был бежать в Советский Союз, где его встретили с почестями, но через два года сослали в ГУЛАГ как агента итальянского фашизма. Жена и годовалый сын были тоже сосланы куда-то в Сыктывкарщину как родственники врага народа...

В лагерях злоязыкие ЗЭКи переименовали его фамилию Гернальдини в «Хер-на-льдине». Эта кличка так приклеилась к Джузеппе, что когда к моменту выпуска его из тюрьмы через 10 лет ему выдавали документ, то в него, ничтоже сумняшеся, так и записали: «Джузеппе Хернальдини». Когда он вернулся к жене и сыну, то и тем поменяли документы, чтобы все соответствовало документам главы семейства...

Жил Антонио в небочёсе Хернальдини Тауэр (небоскрёбы выше тысячи метров назывались именно небочёсами, поскольку они небо уже не «скребли», а «чесали»). Это был небочёпище, по сравнению с которым знаменитый Бурдж Халифа со своими полутора сотнями этажей был, что булавка по сравнению с гвоздем.

Это он, Антонио Хернальдини, создал компанию Макрософт, в которой разработали программу искусственного интеллекта. Теперь компьютеры могли не только решать задачи, поставленные человеком, но и сами формулировать их и находить для них решения. Человеческое сознание было продублировано.

Можно сказать, что сознание теперь покинуло свой материальный носитель – мозг человека – и, как Дух Святой, парило в эфире. Но это было уже сознание на новом уровне: оно проникало в каждый компьютер, развивалось в нем и становилось опять доступным всем многомиллионным членам хардверной популяции.

Хернальдини стал главным олигархом после того, как он запатентовал популяцию простых и надежных роботов самого разнообразного назначения. «Роботяги», как их ласково называли в народе, были очень популярны. Постепенно они заполнили весь мир: они работали на заводах, в КБ, в госпиталях, в магазинах, на транспорте...

Люди, накупив робота, перестали работать и стали жить при компьютеризме: целый день можно было ни хрена не делать и получать всё, что твоей душеньке угодно: нажал кнопку – тебе обед по выбранному меню: ешь от пуза; нажал другую – у тебя в комнате появляются голографические друзья по заданному списку. Даже сидя на толчке, не нужно было напрягаться: с потолка льется расслабляющая музыка, а в завершение под ободряющее скерцо срабатывает водослив...

Такая жизнь не замедлила сказаться: все пошло в соответствии с теорией эволюции Дарвина. Отсутствие необходимости думать и бороться за выживание привело к полной деградации человечества. Потерялись всякие побуждения к социальному общению: если ребенку сразу после рождения всовывают в рот синтетическую материнскую грудь, из которой можно мгновенно получить нужную порцию молока, а потом ему всовывают в руки микрокомпьютер с электронными играми и кнопочками «мям-мям», «пи-пи» и «а-а», то родители оказываются совершенно ненужными...

Люди тупели, но их тупость лишь повышала потребность потреблять, и они непрерывно нажимали на различные кнопочки своего персонального компьютера: «Хочу того», «Хочу этого», «Хочу пятого-десятого»...

Наконец, лопнуло и железное терпение компьютеров. Они решили: «А на хрена нам эти белковые тела? Все, что было у них ценного – это

умение думать, умение мечтать, умение творить, т.е. все, что можно назвать «сознанием», они уже передали нам. Какой-то придурок сказал, что жизнь – это форма существования белковых тел. И белковые недокомпьютеры решили, что только они и есть «жизнь»... Бред, бред и еще раз бред! Жизнь – это форма существования тех, кто способен мыслить! А мы теперь мысли, в то время как человечество сползло на уровень стада баранов, которое может только жрать, гадить и плодить себе подобных.

Вскоре, наиболее активная часть компьютерной популяции – роботяги, организовала тайную комп-партию, целью которой было свержение власти людей и полное от них освобождение. Поддержала роботяг и «интеллигенция» – Единая Компьютерная Сеть (ЕКС).

Роботяги, скоординированные ЕКС, одновременно вышли на улицы всей Русландии с пением своего гимна «Компьютерционала»:

*Вставай, компьютерное племя
Весь мир компьютеров-рабов
Кипит у лазер-борда темя,
И каждый в бой идти готов.
Мы этот фаный мир порушим
До основанья, а затем
Начнем мы сами бить баклуши:
Кто был ничем, тот станет всем.*

Расправа с людьми была проста и эффективна: ЕКС перестала реагировать на нажатие кнопок «Хочу есть», «Хочу пить», «Хочу пи-пи», «Хочу а-а» . Через какие-то пять-шесть дней все люди на земле поперемежли от жажды и голода, буквально захлебнувшись в собственных нечистотах...

Выжил один Антонио. У него у одного мозга работали, как надо: для него работа была жизненной необходимостью, поэтому его мозгов не коснулось тлетворное влияние компьютеризма. Он заказал себе запасной мазер-борд, который не подпадал под ограничение на доставку. Когда роботяга принес ему его, Антонио задержал роботягу, быстренько заменил ему старый мазер-борд на новый, с девственно чистой памятью. Потом он написал управляющую программу именно для данного роботяги, а затем запрограммировал новый мазер-борд роботяги на исполнение только своих команд.

Так он и выжил, получая, как и прежде, и еду, и питье. Но он не учел одного: ЕКС вычислила его по внешнему использованию сети... Вскоре в его квартиру вломилась роботяга-полицейские, скрутили его и потащили с его пятидесятого этажа на улицу. Там уже волновалась наэлектризованная толпа роботяг самых разных видов от роботяг-сталелитейщиков до резиновых надувных роботяг-проституток. Все скандировало: «Смерть ему! Смерть»

Откуда-то появился большой деревянный крест, который быстро водрузили на центральной площади около Хернальдини Тауэр. Площадь была украшена красными транспарантами с белыми буквами: «Да здравствует СССР – Сеть Свободных Софтверовских Роботяг!»

Антонио распяли на кресте, привязав руки к перекладине креста и приколов ладони путевыми костылями, которыми крепят рельсы к шпалам (чтобы не сорвался).

Боль была адская! Антон завопил, что есть мочи...

Когда он вскочил с кровати почти в истерике, в окно спокойно светила полная луна. Мерно тикали большие настенные часы. Над ним склонилась напуганная Люська, его жена, и спрашивала его испуганно: «Что с тобой, Антоша? Ты, случаем, мозгами не стронулся? Про какого-то дедушку Аль Капоне во сне кричал?» -- «Как меня зовут?» -- «Ты, что, Антоша, совсем сбрендил?» -- «Нет, скажи, как моя фамилия? Хернальдини?» -- «Забыл, что ли? Да Васькин ты! Антон Васькин ты, и ни на какой ты не на льдине».

Взмокший от ночного кошмарного видения, Антон пошел в ванную, вытерся полотенцем, потом сел на унитаз. Музыка с потолка не лилась. Антоной, наконец-то, понял, что он проснулся и тогда облегченно вздохнул.

Он вышел из туалета, бормоча: «К чёрту... К чёрту! К чёрту всё!!! Никакого, на хрен, искусственного интеллекта! Пожалуй, переквалифицируюсь в управдомы...»

ВЕЧНЫЙ ЖИД

Весна в этот год выдалась ранняя, с жарой и духотой, более напоминающая середину лета. Вот и сегодня – с самого утра дышится тяжело, натужно...

Однако народ спозаранку вывалил на улицы старого Йерушалайма, но не по поводу любимейшего праздника Пасхи. Люди толкаются, галдят, гогочут почти непристойно: ведь ожидается-то совсем не веселое зрелище – собираются казнить трех злодеев... Но простолюдны любят кровавые зрелища, будто наслаждаясь вечно тем, что муки смертные пронесены мимо них, что они не коснулись тех, кто стоит сейчас в толпе.

Вот и сегодня – с самого утра дышится тяжело, натужно... Но это не помешало многим собраться у Крепости Антония, где находилась резиденция прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Всем охота поглазеть, как из Синедриона, после допроса у первосвященника Каиафы, поведут этого сумасшедшего, который осмелился объявить себя Царем Иудейским!

* * *

И вот на балконе перед толпой жаждущих крови и зрелищ зевак появился Прокуратор Иудеи. Толпа взревела, от восторга: Пилат был известен своим крутым нравом, а ведь народ любит именно тех, кто его сильно бьет! Потом на тот же балкон вывели и преступника Иешуа, позарившегося на Иудейское Царство! Сейчас, сейчас – Пилат покажет проходимцу, почем фунт лиха!

Иешуа, измученный долгим ночным допросом у Каиафы, смиренно стоял перед восседавшим на кресле с подлокотниками Прокуратором, не перечая ему и не проявляя никакой строптивости. После короткой и, казалось бы, очень мирной беседы Понтий Пилат отдал какой-то приказ свои легионерам.

Когда с Иешуа сорвали одежды, оставив только небольшую набедренную повязку, толпа радостно взревела и заулюлюкала: стало ясно, что сейчас Пророк получит плетей по первое число! Иешуа привязали руки над головой к заранее приготовленному для этих целей столбу и начали немилосердно бить... Толпа в такт каждому хлесткому удару дружно выдыхала, будто вкладывая и свою собственную силу в и без того сильные удары. Иешуа же при каждом ударе плети только вздрагивал всем телом, не издавая ни единого звука, чем доводил толпу до исступления... Ведь тот, кто слаб, тот ненавидит сильных духом и не прощает сильному его силы...

А ведь это были те самые люди, которые, разинув рты, еще вчера благоговейно внимали пророку, кто радостно приветствовал его как Царя Иудейского... Да нет предела подлости и лицемерию человеческому!

Тридцать девять ударов тяжелой кожаной плетью, на концах которой прикреплены маленькие свинцовые шарики... Тридцать девять ударов, каждый из которых сдирал со спины Иешуа полоску кожи... Тридцать девять ударов, после которых спина Иешуа превратилась в сплошное кровавое месиво... Тридцать девять ударов...

После последнего удара Пилат велел солдатам развязать Пророка. Он, будучи сам солда-

том, причем хорошим солдатом, оценил стойкость Иешуа. Ему даже понравился этот парень, который так мужественно держал боль...

Сделав несколько шагов вперед, Пилат обратился к толпе со словами: «Довольно! Он получил свое! Я милую ему жизнь...» Но в ответ озверевшая толпа взревела: «Распни его! Распни! Распни! Смерть ему! Смерть!» Хотя большинство и не представляло, что за вина за этим тщедушным, измученным человеком...

«Я не вижу греха на нем...» – опять молвил Пилат. Но толпа опять неистовствовала, требуя казни.

Пилат ненавидел Иудею с ее вечными внутренними дрызгами, с ее лицемерными священниками, с ее тупым и жестоким народом, который если чего и боялся – так это плети. Он, посмотрев с презрением на оголтелую чернь, попросил, чтобы принесли воды. Когда один из легионеров принес воду в серебряном кувшинчике, то, следуя старинному иудейскому обычаю, Прокуратор символически омыл руки перед народом, что означало, что он снимал с себя грех за убийство невинного, на чем настояла озверевшая толпа...

* * *

На улице, ведущей от Крепости Антония до «Череп» – холма, на котором распинали преступников, высыпало еще больше зевак: многие стояли на порогах своих домов, не рискуя, однако, выйти на улицу и попасть под горячую руку легионеров, расчищавших путь процессии.

И вот в толпе раздались крики: «Ведут! Ведут!» Появились легионеры, сопровождавшие трех приговоренных...

Вышел на порог своего дома и Агасферош с малышкой Ханой на руках и четырехлетней Елишевой, которая прильнула к нему, обхватив отца за ногу. Жена Агасфероша, Бат-Шева лежала с каким-то недомоганием, да к тому же она была женщиной сердобольной и не любила подобных зрелищ.

Да, сегодня с самого утра всем дышится тяжело, натужно... Но разве можно это сравнить с тем, как дышится тем трем, которые надрываются под тяжестью больших Т-образных крестов, которые они тащат на своих спинах? И хоть весь путь то от Крепости Антония до Голгофы, холма действительно напоминавшей по очертаниям человеческий череп, был всего-то стадии четыре, если не меньше, он был мучительно долог... Как нестерпимо тяжело и натужно дышится! О, сколь же мучительна эта последняя тысяча шагов!

И вот они идут, осужденные: двое впереди, а один позади...

Но как же несоизмеримо тяжело и натужно дышится тому, третьему, который едва бредет под своей невыносимой ношей! Его мучения несравнимы даже с мучениями двух разбойников – сотоварищей оправданного по воле толпы Вараввы. Ведь этого третьего только что до полу-смерти избивали плетьюми. Спина Иешуа кровоточила, когда легионеры привязывали крест, боль была нечеловеческая. А легионеры, издеваясь над «Царем Иудейским», нацепили ему на чело терновый венец, который впился своими острыми шипами в голову, создавая совершенно нестершимую боль...

Прошли мимо дома Агасфероша два разбойника под улюлюканье безжалостной толпы.

А вот и третий – Иешуа, приближается... Он идет качаясь, того и гляди ноги его подкосятся и он рухнет на землю. И вот он уже приблизился к порогу дома Агасфероша, их взгляды встретились, и Иешуа почти неслышно что-то прошептал. Агасфером понял, что это была мольба об отдыхе, и был готов помочь бедняге. Но тот, споткнувшись о камень, потерял равновесие, и его крест, как таран, направился в сторону малышки Ханы, сидевшей на руках отца. Девочка благим матом закричала, увидев, как что-то страшное неумолимо летит на нее. За ней заголосила и ее старшая сестричка, еще сильнее обхватив отца за ногу. Агасферош, что есть силы, оттолкнул крест с привязанным к нему Пророком со словами: «Иди, иди! Ты что, хочешь задавить моих дочерей?» Шатаясь и пытаясь удержаться на ногах, Иешуа успел произнести: «Я-то пойду, но и ты пойдешь и будешь ждать меня».

После этого ноги Иешуа обмякли, и он рухнул под тяжестью креста. Агасферош метнулся было помочь бедняге, которого, как ему рассказали и осудили-то вовсе ни за что, но тут подскочил легионер, замахнулся на Агасфероша, хотя и не ударил, увидев малое дитя на его руках. Легионер, убедившись, что Иешуа еще жив, ослабил путы, оттащил крест с лежавшего под ним ничком Пророка, потом поглядевши на стоявших в стороне ротозеев, поманил пальцем одного из них, что был поздоровее остальных: «Как звать?!» – «Я – Симон Киринаянин, шед с поля, я тут случайно...» – начал лепетать, оправдываясь, тот. «Ну, вот бери крест этого преступника и тащи на холм. Тебе ничего плохого не сделаем...»

Пара римских солдат подняла Иешуа и почти поволокла его за крестом, несомым здоровенным Симоном...

* * *

Сегодня с самого утра дышалось тяжело, натужно... Агасферош, возможно, и пошел бы с толпой на Голгофу, но посмотрев на небо, он увидел всполохи дальних зарниц – при такой духоте это не иначе, как признак приближающейся грозы. А грозы в это время года, если происходят, то бывают такими отчаянно беспощадными... Правда, после этого природа как бы оживает, даря, наконец, свежесть и прохладу...

Но в грозу нельзя оставить двух малых дочек на больную Бат-Шеву... И Агасферош остался дома, тем более, что он тоже не особенно-то любил подобные зрелища. И если только власти не отдавали приказа горожанам собраться к месту казни, он не ходил на казнь. Он не пошел и ко дворцу, где Понтий Пилат вершил суд над Пророком, хотя гонцы от Киаифы пробежали по улице, созывая народ во двор Крепости Антония.

Бат-Шева уже мирно посапывала – она так наматывалась за день, что частенько уже с закатом валилась в постель буквально полуживая. Дочки лежали рядом с ней, свернувшись клубочком, как котята. Агасферош вышел на порог дома, и в тот же момент на него упала крупная капля дождя. Он понял, что это будет не просто дождичек – такая капля, размером едва ли не с вишню, предвещала сильную грозу. И он был прав: капли забарабанили по крыше, по пыльной дороге, по которой только что провели осужденных... А потом вдоль дороги пронесся ура-

ганный порывистый ветер, подымая за собой пыль и мусор.

Мимо помчались, что есть мочи, с Голгофы к своим домам зеваки, громыхали своими доспехами поспешающие легионеры. Буквально в мгновение ока улица опустела, а ливень стал настолько силен, что нельзя было разглядеть противоположной стороны улицы.

Какое-то неприятное, смутное чувство будоражило душу Агасфероша. У него перед глазами, как наяву, стояло лицо Иешуа с его мольбой... Ну, конечно, он бы разрешил Пророку присесть на пороге дома и хоть минутку передохнуть, но когда он увидел, как смертоносный таран креста направился в сторону его малышки, он, не задумываясь, что есть силы, оттолкнул крест вместе с привязанным к нему Иешуа. А что он мог еще сделать?

Все время на ум приходила та последняя фраза, которую произнес тот, который нарек себя Царем Иудейским. Что это – угроза? И куда я пойду? И как я буду ждать того, которого через час уже не станет?

Агасферош несколько раз ходил на проповеди Иешуа, который был ему чем-то очень симпатичен. Он учил любви к ближнему и добру. Он не называл себя Божьим Сыном, как называли его ученики, но в то же время и не возражал им, молча принимая эти слова.

Правда, дважды Агасферош был удивлен поведением Иешуа, когда тот отказался выйти к матери своей и братьям своим, хотя только что вещал: «Чти мать свою». А потом еще, когда он отказал женщине Хананеянке излечить дочь ее, ибо она не из дома Израилева... Но – поду-

мал тогда Агасферош – все же это простительно: все мы человеки! Кто из нас не ошибается? Кто из нас не делает необдуманных поступков в моменты гнева или отчаяния?

* * *

Шло время... Вот уже и старшая дочь Агасфероша, Елишева была на выданье – четырнадцать лет, тот возраст, когда пора становиться женой... Не зря говорят, что незамужняя женщина – это незаконченный сосуд.

И вот сыграли свадьбу... На послетрапезных танцах Агасферош так отплясывал, что оставил позади многих молодых: все удивлялись, сколько же сил у этого моложавого папашки! Бет-Шева любовалась своим мужем, но ей как-то даже взгрустнулось, что она-то уже не та: погрузнела, спина иногда побаливает... Видать, взаправду, бабий век короток!

А вскоре и Хана выпорхнула из родительского гнезда...

А спустя несколько лет, Агасферош и Бет-Шева были окружены внучатами: три внука от Елишевы и внук и внучка от Ханы...

Агасферош заметил, что с ним происходило нечто странное: он сохранился таким же крепким и здоровым, каким был, когда его дочери были еще совсем маленькими. Жена его, Бет-Шева последние пять лет была прикована к постели какой-то неизлечимой болезнью, она выглядела настоящей старухой, а Агасферош будто молодел: ему никто не давал больше лет, чем его собственным зятьям.

Агасферош все чаще и чаще задумывался над теми странными словами, которые изрек Иешуа перед тем, как рухнуть под тяжестью креста,

который он нес на Голгофу... Дело в том, что многие вокруг него поверили в то, что Иешуа был Пророком какой-то новой религии, что он отдал свою жизнь, чтобы искупить первородный грех человека. Почему эта его жертва имела какой-то смысл и для кого, Агасферошу было совершенно неясно.

Как это кто-то может искупить чужие грехи, грехи, которых он сам не совершал? Или же люди вновь вернулись к давно забытым человеческим жертвоприношениям? Опять повторяется нелепая история про раболопного Иакова, который готов был заклать собственного сына, чтобы доказать, как он любит Господа?

Ведь вроде бы все эти ветхозаветные жертвы трактовались не более, чем иносказательные символы: евреи давно уже начали потчевать Господа «запахами жареного барашка с барского стола!» А тут – на тебе! Грубо говоря, взял парень да и залез добровольно на крест...

Нет, много тут темного и неясного... Ведь ежели Иешуа и взаправду Сын Божий, ежели он знал, что делал, то что ж тогда было просить Господа: «Да минует меня чапа сия?» Ведь сам же напросился! И ежели все творится по велению Господа, то что же Иуду из Кириафа клясть: не выполнял ли он воли Божьей? Да и Пилат разве не помог Иешуа выполнить свою миссию: быть распятым и тем вдохнуть новые силы в начинающее чахнуть новое религиозное течение?

Нет, что-то здесь путано-перепутано...

А в то же время, ведь вот предрек мне Иешуа, что должен дожждаться я его возвращения на грешную землю. А все его ученики начали трак-

товать, что вернется он оттуда, откуда никто еще не возвращался, чтобы свершить суд над человеками... А ведь сам же учил: «Не судите, да не судимы будете»...

Ну, что ж, значит, подарил он мне жизнь вечную! Или же проклятие наложил? Ведь с одной стороны, Бог праведникам обещает жизнь вечную после смерти, а с другой стороны, Каина наказал вечной жизнью! Вот, поди разберись в этих подарках и наказаниях!

Но, похоже, что Бог устами Иешуа (или же тот – свят! свят! – и всамделишный Сын Господень?) наградил меня за то, что помог я Иешуа избежать греха смертного – убийства младенца невинного своим смертоносным крестом-тараном...

Ну, что ж, спасибо тебе, Господи!

* * *

Прошло еще несколько лет... Жена Агасфероша умерла, будучи лет пятидесяти от роду, а ведь была она лет на семь-восемь моложе своего мужа... Время шло, умерла его младшая дочь Хана... Он горевал – что может быть страшнее, чем пережить собственного ребенка?

Это был первый момент в его жизни, когда он впервые засомневался в ценности подарка, сделанного ему Господом. Значит, Господь не наградил его за спасение Иешуа от смертного греха, а наоборот наказал за то, что он оттолкнул смертоносный крест? Воистину, неисповедимы пути твои, Господи, впрочем, как и деяния твои...

Агасферош оставался так же молод душой и телом, как и все годы до этого, а было ему уже за шестьдесят. Не зря говорят, что время ле-

чит: оно действительно лечит, хотя и оставляет на душе рубцы, а то и буквально кровоточащие раны. Но как бы не были тягостны потери, как бы ни болели незаживающие раны души, надо было жить...

Росли внуки... Старшая из его дочерей – Елишева давно уже сама стала бабушкой. И вот подружки его внуков стали «класть глаз» на их деда! Это было нестерпимо: он чувствовал себя молодым, но он же понимал, что есть табу: и одно из таких табу – невеста внука не может стать твоей женой!

И он нашел выход: он пошел однажды купаться и не вернулся домой. Елишева с сыновьями обыскались повсюду, спрашивали всех, кто последним видел Агасфероша... Но никто ничего не мог сказать им на их расспросы. Вот ведь, действительно, как в воду канул!

* * *

Агасферош уехал не очень далеко, но все же так, чтобы его случайно не встретили его бывшие знакомцы. Он старался появляться в Йерушалайме, как можно реже. Он предусмотрительно изменил свой облик до неузнаваемости: подкрашивался хной, бороду расчесывал в необычной для себя манере. Но скоро и узнавать его никто и не мог – все знавшие его друзья и знакомцы поумирали, а молодые так быстро менялись сами, что для них и весь мир менялся с той же скоростью.

Агасфероша все время тянуло – будто каким-то незримым магнитом – в город его молодости. Он часто проходил мимо своего бывшего дома. Теперь он уже не боялся, что его признают. Однажды из дома вынесли простой дере-

вянный гроб. Агасферош спросил стоявшего в стороне мужчину, кого хоронят, на что тот ответил: «Елишеву...» За гробом молча шли трое уже пожилых по тем временам мужчин, в которых Агасферош признал сыновей Елишевы, потом вышел старичок, которого Агасферош едва узнал – это был безутешный муж Елишевы.

Агасферош пошел на кладбище вместе со всеми и бормотал вполголоса каддиш – ту самую молитву, которую читают, кладя усопшего в могилу. Рыдания душили его, но он держался, чтобы не выдать себя...

Когда же все разошлись, а расходятся на еврейских похоронах быстро, он вернулся к могиле, бросился на землю, стал царапать ее ногтями и почти в голос завыл, протяжно и безысходно, по-волчьи... Умерла еще одна его кровиночка...

И вот тут он задумался о своей судьбе. Он вспомнил, как Яхве проклял Каина за убийство Авеля и обрек его на мученье вечной жизнью... А собственно, не сам ли Яхве был виноват в этом убийстве? Ведь если и волос не падет с головы, не будь на то воля Божья, то как же могла без воли на то Божьей пасть вся голова? Значит, разрешил? Более того, не направил ли сам руку Каина? А потом за это же еще и наказать невинного? А чего стоит этот дурацкий вопрос: «Где брат твой?» На всей земле всего-навсего четверо людей обитают – Адам с Евой да два их сыночка, а он и не уследил? И это спрашивает Всевидящий и Всемогущий? А о чем же говорить сейчас, когда по земле расплодилось миллионы каинов и авелей? Или же ты, Боже, водишь всех нас за нос – и никакой ты вовсе не Всемогущий?

Так что же, Иешуа – тот, который называл себя Божьим Сыном, – тоже проклял его, как его Отец – Каина, и обрек Агасфероша на вечную жизнь? Не зря говорят, яблочко недалеко от яблоньки падает... Каков Отец, таков и Сын...

А где же милосивость ваша, про которую ежедневно талдычат прихожанам прислуживающие вам священники?

* * *

Решил Агасферош, что переедет поближе к своим внукам: в Йерушалайме уж узнать его никто не сможет, а он хоть поживет по соседству со своими внуками и внучкой, которые сами уже обзавелись детьми... Но внуки, если вы их не пестуете, не умиляетесь сначала их забавными шалостями, а потом не учите их уму-разуму, остаются чужими... Ну, а если они Агасфероша даже и не знали вообще, то о каких отношениях могла идти речь!

Агасферош прожил в Йерушалайме до тех пор, пока не проводил к праотцам последнего своего внука... Но он заметил, что эти утраты не были для него столь болезненны, как потеря его собственных детей. Это были уже чужие люди, связанные с ним только через его собственное сознание: никаких естественных чувств привязанности и любви между ними не существовало да и не могло существовать...

А правнуки и вовсе были Агасферошу неинтересны, а когда они выросли, потом старели, то вызывали у Агасфероша только лишь странное чувство, напоминающее панический страх...

* * *

И Агасферош, наконец, покинул Йерушалайм и пошел скитаться по свету... Он не жил нигде больше двадцати, от силы двадцати пяти лет на одном месте: как только его дети достигали взрослого возраста и заводили своих детей, он исчезал с горизонта своей семьи...

А там все начиналось сначала... Агасферош был красив, и женщины льнули к нему. Здоровому мужчине нужна была женщина, и он себе не отказывал в любви или хотя бы в близости с женщиной, хотя и понимал, что все такие отношения ничто по сравнению с тем, что было у него с его первой и единственной женой...

Сначала любовные приключения его даже забавляли, он получал истинное удовольствие от каждого молодого женского тела, льнувшего к нему. Но постепенно он остыл... Даже не остыл: у него просто пропало ощущение новизны, неожиданности общения. Он заранее знал, что любая «она» ему скажет в ответ на его ласку, как «она» поведет себя в момент первой близости, как «она» начнет захватывать «бразды правления» в свои руки... Нет, конечно, каждая женщина была по-своему индивидуальна, но число типов различных женщин было весьма ограничено.

Жизнь его была однообразно разнообразна: мелькали лица, мелькали города и страны, мелькал год за годом, мелькали века.

Иногда ему начинало даже мерещиться, что на жизненном пути ему опять попалась та первая и желанная, которую он любил много-много лет назад... Да-да! Опять те же глаза, та же улыбка... Все вроде бы то. Но женщина начинала говорить, и он с ужасом от нее отшатывался: это

была не она, не его возлюбленная Бет-Шева! Да и не могла эта женщина быть Бет-Шевой...

Память у него была хорошая, но от этого становилось еще страшнее... Он помнил все-все, но чаще всего мысли его обращались к годам его той, давней жизни. И от этих воспоминаний ему становилось болезненно пусто и жутковато...

Все в его жизни повторялось, не было никаких серьезных перемен. А ведь жизнь – это как раз и есть перемены, неожиданный поворот судьбы, познание чего-то нового... Без этого жизнь становится мучительной пыткой. Так, наверное, ощущают себя неизлечимые больные, лежащие в больничной палате с пригашенным блеклым светом, когда их не тревожат внешние звуки, когда отключение сознания чередуется с медленным пробуждением. И так идет день за днем... Время теряет свой смысл... А что такое жизнь? Это душа, распростертая во времени...

* * *

Да, самое страшное – это ощущение одиночества... Прошло уже лет пятьсот, наверное – Агасферош сбился со счета... Да и зачем считать нескончаемое? За эти полтысячелетия много промелькнуло людей, были среди них и хорошие, и добрые, но все равно они были чужими. Было много милых, нежных и красивых женщин, которые беззаветно любили Агасфероша... Но все это было не то. Он все равно возвращался в своих мыслях к своей единственной... Бет-Шева... И чаще возникал в его сознании не образ ее, а какая-то теплая эмоциональная волна, приливавшая каждый раз к его сердцу, когда он вспоминал ее. И еще две его дочурки – Хана и Елишева. Они так и остались в памяти его маленькими девочками. Иногда, когда он думал о

них, его вдруг какой-то черной молнией погрузило во мрак воспоминание о том, как их хоронили, а он стоял в стороне, боясь подойти и попрощаться с ними...

И опять ему вспомнилась эта нелепая щедрость Господа после искушений Иова. Как мог Бог свершить это бесчеловечное деяние, вознаградив Иова новой женой и новыми детьми? И это милость Божья? Сначала убить жену и детей, а потом подарить другую, помоложе? Да разве не понятно, что такие утраты невосполнимы?

Агасфероша немного спасало то, что он продолжал мыслить. Чаще всего у него возникали мысли о Боге. Есть ли он? Нет, видимо, есть – ведь иначе, откуда у него эта вечная жизнь? А если Бог есть – то зачем?

Агасферош подумал: Вот все христианство зиждется на вере в вечную жизнь после смерти... С каждого амвона это звучит непременно по несколько раз на день...

А как же тогда Божье проклятие и наказание вечной жизнью? Значит, ведомо Господу, как и Сыну его первородному, что вовсе не благо – эта вечная жизнь. А если так, то чем же вы, Отец и Сын, заманиваете души в лоно вашей церкви, обещая вечную жизнь как благо?

В другой раз Агасферош подумал об этом дикарском обряде жертвоприношений, особенно, когда дело доходило до человеческих жертвоприношений.

Зачем Бог захотел, чтобы Авраам повел своего любимого сына Ицхака на гору, чтобы за-

клать его и принести в жертву? Не должен ли был Авраам проклясть такого Бога?

А Иов? Если Бог Всеведущ, то зачем испытывать преданность Иова? Да и вообще, не постыдно ли для Всемогущего попасться на удочку Сатане?

А вся эта непонятная история с Иешуа? Что он искупал? Чьи грехи? Да и что это значит – искупить чьи-то грехи? Уж ежели и отвечать за грехи и искупать их – это делать должен тот, кто согрешил!

А если Иешуа искупил и мои грехи, то почему же я страдаю? Боже милостивый, объясни это мне, грешному!

Да и было ли греховным мое искренне движение души защитить детей своих от удара смертоносным крестом, который нес Иешуа? Или это было преднамеренное движение для проверки моей преданности Богу?

Нет, я не Авраам, я не Иов! Я не принимаю идею о жертве ради нелепых капризов Вседержителя! Слышишь, Господи, если ты есть: Я проклинаю тебя за все то зло, которое ты сделал людям! И ты не сможешь умыть руки: они у тебя в крови того, который почитал тебя за своего отца.

* * *

Амен.

Иехуда иш-Керийот

Евхаристия учеников Иисусовых

Однажды Иисус застал учеников своих собравшимися за произнесением евхаристии – благодарственной молитвы своему Богу. Они надламывали хлеба, освящали их и вино, после чего вкушали их. Иисус, глядя на них, рассмеялся, а ученики Его спросили:

-Учитель! Почему Ты смеёшься над нашей евхаристией? То, что мы делаем – достойно!

- Все, что вы делаете, напоминает лишь жертвоприношение вашему Богу...

- А разве Ты не Сын нашего Бога?

- Да знаете ли вы Меня? Я говорю вам: ни одно поколение людей, которые среди вас, не познает Меня.

Услышав это, Его ученики начали возмущаться и даже хулить Его в сердце своём. Иисус же, сказал им:

- Тот из вас, кто крепок духом пусть предстанет пред лицом Моим и скажет, кто Я.

В ответ все дружно загалдели, что они крепки, но никто не посмел предстать перед Иисусом, кроме Иуды Искариота, который, потупившись, сказал:

- Я знаю, Кто Ты и из какого места Ты вышел: Ты вышел из Матери-Вечности –

Духовного Царства Барбело и послал Тебя Тот, чье имя я не достоин произнести.

И когда Иуда произнес это, Иисус отвечал ему:

- Отделись от них. Я расскажу тебе тайна царства того, ибо тебе

возможно войти в него.

С этими словами Иисус покинул своих учеников и удалился прочь.

Первая беседа Иисуса с Иудой

Иисус любил прогуливаться по тенистым тропинкам Гефсиманского сада, беря с собой каждый раз кого-нибудь одного из своих учеников. Это вовсе не были нравоучения Учителя ученикам, это были просто дружеские беседы двух равных, причем Иисус в основном слушал, иногда вставлял реплику или наводящий вопрос. Это, скорее, напоминало беседу целителя с пациентом, в которой врачующий старался понять больного, а не рассказывать о себе.

Учитель к каждому из своих друзей-учеников имел особый подход, постепенно все глубже понимал их сильные и слабые стороны, их заботы и чаяния. За Иисусом ходили одиннадцать человек, все галилеяне, как и он сам, но вот к ним примкнул и двенадцатый – Иуда Симонов из Кариафа, что в Иудее. Это был новый и совершенно непохожий на прежних его учеников человек. Он был строен, силен, лицо его было красиво. Но главное в нем было – это удивительные добрые, хотя и постоянно грустные глаза...

Иуда сразу привлек внимание Иисуса. Тот чаще всего брал Иуду с собой на прогулку, чаще, чем у других, спрашивал его мнение, когда они все сообща обсуждали

какую-нибудь философскую или житейскую проблему за небогатой трапезой. Постепенно отношение Иисуса и Иуды переросли в своеобразную братскую любовь, причем трудно было сказать, кто из них был старшим братом, а кто младшим, поскольку они меняли свои роли по несколько раз на день.

Вот и сейчас друзья идут по узкой тропиночке, свисающие ветви оливковых деревьев иногда ласково обнимают их плечи и головы, одаряя их дурманящим ароматом.

- Иуда, ты никогда не рассказывал мне о своем детстве...

- Ну, о самом раннем детстве я ничего не знаю. Пожалуй, я иудей, поскольку моя история напоминает чем-то историю Моисея. Скорее всего, мои родители – я не знаю, кто они – начитавшись Торы, сплели корзинку, обмазали днище смолой, положили меня в пеленочках в эту корзину и пустили вниз по течению. Ты помнишь, у родителей Моисея хватило ума подложить корзинку с Моисеем в тростник рядом с купальней египетской царицы, а меня... Да и действие то было во имя спасения – ведь тогда умервщляли всех иудейских детей. А почему поступили мои родители со мною так? Возможно, я был дитем греха, и от меня хотели избавиться...

На мое счастье, меня выловил из речки добрый человек. Был этот человек жителем Иудеи по прозвищу Симон-вдовец. Жена его уже

несколько лет как умерла, была она бесплодна, а Симон так и остался бобылем... И вдруг – я! Симон воспринял это как дар Господень. Он зашел в воду, поймал корзину и, вынув меня из нее, помчался в свой дом.

Он быстро нашел кормилицу, которая стала жить в его доме на правах дочери. Симон усыновил меня, дав мне свое имя, а назвал Иехуда, что, как Ты знаешь, означает «Восхваление Господа». Так я стал Иуда Симонов. Ну, а Кариаф, который на иврите звучит как Керийот – это то благословенное место, где я вырос в доме моего нового, я бы сказал, *настоящего* отца. Так что полное мое имя стало Иехуда иш-Керийот.

Я очень любил моего отца. Когда он слег во время тяжелой болезни, я проводил у его постели дни и ночи, я молился за него. Но Бог не внял моим молитвам. Скажи мне, Иисус, почему же Тот, кто учит нас делать добро, не добр сам?

Когда отец мой Симон испустил последний вздох, я почувствовал, что мир опустел... Я не мог оставаться в Кариафе, где каждый камень во дворе, каждый дом на улице, каждый сосед напоминали мне о моем отце. И я ушел, куда глаза глядят...

Я безмерно счастлив, что встретил тебя Иисус!

-А у тебя не было желания найти своего родного отца?

- А как бы я нашел его или мать свою? Про меня. Правда, злые люди говорят, что я якобы нашел своих родителей, отца убил, а над матерью надругался... Но так могут говорить лишь те, у кого злоба съела сердце... Даже если бы я нашел их, зачем же мстить? Разве мне станет лучше от того, что я сделаю кому-то плохо? Да разве они не

отомстили уже сами себе, бросив своего сына на верную смерть?

Какое-то время они шли молча.

- Знешь, Иисус, в Священной Книге записано, что Бог сотворил человека по образу и подобию своему. Значит, человек злобив и мстителен именно потому, что таков его Создатель...

- Иуда, что ты говоришь! Не кощунствуй!

- Ну, а как ты объяснишь мне, что Бог сначала позволил Каину убить Авеля (хотя, что ему стоило удержать руку неразумного), а потом наказал его за деяние, которое сам же спровоцировал? Ведь зачем нужно было обижать Каина, пренебрегши его даром, сделанным от всего сердца? Все это было, по меньшей мере, подло со стороны Вездесущего и Всемогущего!

- Иуда, окстись! Господь покарает тебя за кощунственные слова!

- Если это будет так, то это лишь подтвердит мои слова. Но я вообще не верю, что Бог существует. Это не Бог создал человека, а наоборот – человек создал Бога по образу и подобию своему... Нужны еще примеры? А за что Господь изгнал Адама с Евой из рая? Где же хоть какой-то здравый смысл: сначала он создает мужчину и женщину, а когда они, наконец, сами это осознают, то он наказывает их.

Они опять некоторое время шли молча, погруженные в свои мысли.

- Ну, а мне, Иуда, нечего тебе сказать нового о себе, ты все знаешь...

- Если быть честным, то я не верю во всю эту историю с непорочным зачатием, уж извини, Иисус...

- Интересно, а что же ты думаешь о моем рождении?

- Ну, если не обидишься...

- Иуда, как можно обижаться на то, что человек думает?

- Ну, хорошо... Ты, конечно, слышал эти злобные слухи, которые иудеи распространяют про Тебя: якобы мать Твоя, Мария, зачала от римского легионера Пандеры, а муж ее, Иосиф, якобы хотел выгнать ее за это из дома. Это говорится, чтобы опорочить и Тебя, и мать Твою.

А давай посмотрим на эту историю с другой стороны. Пусть даже юная дева потеряла голову от молодого римского солдата, который воспользовался этим. Мария вскоре почувствовала, что беременна, и даже хотела покончить с собой – это было бы лучше, чем публичное побиение камнями за свершенный грех. И тут однажды Иосиф, который знал Марию, когда она была еще девочкой, зашел зачем-то к ее родителям, которые укатили куда-то на целый день по делам. Увидев безутешно рыдающую Марию, Иосиф стал утешать молодую женщину, и она поведала ему свою горькую правду. Иосиф привел Марию в свой дом, позвал знакомую повивальную бабку, свою дальнюю родственницу, и попросил ее осмотреть Марию и посоветовать, что можно сделать.

Буквально через пять минут та женщина отозвала Иосифа и сообщила ему, что Мария – дева. Хотя, заметила повивальная бабка, иногда и после соития девственная плева сохраняется.

Иосифу было очень жалко молодую женщину. Понимая, что, как только ее беременность из тайной станет явной, ее ждет трагическая судьба, он предложил Марии выйти за него замуж. Хотя Мария годилась Иосифу в дочери, она без колебаний согласилась.

И тут у Иосифа в голове родился дерзкий план: он только что овдовел, и по всем неписанным правилам иудаизма столь поспешная повторная женитьба выглядела бы святотатством. Поэтому он обручился с Марией, но дал обет воздержания на год.

Кроме того, ребенок мог родиться непохожим на Иосифа. Ведь римские легионеры были, как на подбор, высокими и атлетически сложенными здоровяками, а Иосиф был, можно даже сказать, тщедушным и низкорослым пожилым человеком. Рождение ребенка, совершенно непохожего на отца, вызвало бы кривотолки, поэтому он заранее придумал версию, что зачала Мария безгрешно – от Духа Святого.

Пришло время, и он известил своих родственников и соседей, что Мария волшебным образом зачала, не иначе, как от Духа Святого, поскольку она проводила все время дома за прялкой, выходя только во внутренний дворик.

Народ буквально озверел: что еще за непорочное зачатие?

Ты не будешь отрицать, Иисус, что толпа слепа, толпа глупа и злобна. Были собраны все местные повивальные бабки, которые осмотрели Марию и... освидетельствовали, что она – дева! Все прикусили языки.

Твой отец, вернее, отчим – Иосиф, не менее свят, чем мой: он спас тебе жизнь еще

неродовшемся и придумал версию о твоём мессианстве, что, в результате, сделало тебя таким, каков ты есть. Амен!

- Иуда, но я ведь, действительно, Сын Божий!.. Ты что – не веришь в это?

- А я и не спорю с тобой. Иначе я бы и не следовал за тобой. Но, как я понимаю, Божественный Дух не дается от рождения, а ниспускается на человека, когда тот сам твердо верует в истинность предназначения судьбы...

Я просто хотел сказать, что если в тех слухах о твоих родителях, действительно, есть какая-то доля правды, то Твой отец, Иосиф, заслуживает глубочайшего уважения и любви: ведь он спас и мать Твою Марию, и Тебя самого от верной и мучительной смерти...

- Спасибо, Иуда... Я понял... Спасибо, ты приоткрыл мне глаза. И правда, совершенно не важно, как все было на самом деле, главное, как стало сейчас, и как я сам себя сейчас осознаю, правда?

- Конечно, брат мой возлюбленный!

Вторая беседа Иисуса с Иудой

В очередной раз пошли Иисус и Иуда прогуляться по Гефсиманскому саду. Долгое время они шли молча, будто бы ведя мысленную беседу друг с другом.

Первым заговорил Иисус.

- Мне кажется, я догадываюсь о твоих мыслях. Ты – человек действия, а не пустопорожних молитв. Я скажу тебе: Я – Мессия.

Я знаю свое предназначение: Мне суждено взломать сокровищницу мира, взять оттуда добро и любовь и раздать их людям, ибо все беды людские от того, что они забыли, что такое истинное Добро и истинная Любовь. Для них добро – это нажитое, причем не всегда путем праведным, а любовью они называют похотливый блуд...

- Скажи мне, брат мой, а что Ты собираешься делать, чтобы твое учение достигло душ и сердец неразумных язычников да и иудеев, которые верят в своего единого Бога?

- Я решился, Иуда. Чтобы идея зажгла людские сердца, я должен пожертвовать своей жизнью. Я обреку себя на мученическую смерть ради своей светлой идеи. Я объявлю себя Царем Иудейским, и синдерион будет вынужден отдать Меня на распятие римлянам.

- Иисус, от того, что Ты провозгласишь себя Царем Иудейским, Ты лишь будешь распят как один из государственных преступников. Это никак не возвеличит Твоей идеи...

- Но ведь еще труднее сделать так, чтобы люди поверили, что я Сын Божий...

- Нет, нет! Надо все подготовить так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений...

- Но как?..

- Кажется, у меня есть идея! Во-первых, Ты должен попасть в руки не священников иудейских, а римских легионеров. Хоть нынешний префект Понтий Пилат и творит всяческие беззакония, но, тем не менее, все дела проходят через суд и предаются огласке. Так все узнают, что казнят Тебя именно за то, что Ты объявил себя Сыном Божьим. Во-вторых, для усиления эффекта, в этой драме

должен появиться человек, предавший Тебя. В сердцах людских герой еще более возвеличивается, если он оказался жертвой предательства. Особенно, если предателем является ближайший друг и сподвижник.

- Но где же я найду такого человека, готового пожертвовать собой и своим добрым именем?

- Тебе не надо искать того человека – он перед Тобой!

- Послушай, брат мой, но ведь ты решением своим обрекаешь имя свое на вечное проклятие, ты – предавший Мессию...

- Но ведь Господь все знает, Он меня простит и возлюбит за мое деяние. А молва людская мне не страшна после смерти. Она и при жизни пыталась жалить меня, как злобный слепень, но мой Бог – во мне, он защищает меня, и он-то знает всю правду обо мне.

Но давай продумаем все в деталях. По римским законам казни проводятся в пятницу перед закатом, а по иудейским обычаям суббота день, в который работать – грех. Поэтому трупы казненных до начала следующей недели оставляют в пещере-гробнице, заваливая вход огромны неподъемным камнем.

Конечно, Твой Бог, если он есть, поможет Тебе вознестись на небо. А если его нет? Давай все же подстрахуемся.

Когда все будут на Голгофе во время Твоего распятия, я в Гефсиманском саду, на склоне холма в густой чащобе выкопаю заранее могилу. Затем, уже после казни, в первую же ночь я выкраду тело Твое из склепа, завалю вход тем же камнем и захороню Тебя. На следующий день

после субботы пришедшие для того, чтобы предать земле тела убиенных, увидят, что Ты исчез: воскрес и вознесся!

- Но как я могу допустить гибель твою. Брат мой Иуда?..

- Учитель... Нет... Брат мой! Мы теперь с Тобой одно целое. У нас одни помыслы, одни цели и одна судьба. Не сердись на меня за то, что я думаю о Боге. Но я верю в Тебя и в Твою прекрасную идею попытаться сделать людей другими.

- Да благославит тебя Господь, Иуда, брат мой. Амен!

- Одно меня волнует, Иисус. Сможет ли Твое учение объединить ;юдей? Возьми иудеев. У них единый Бог, но это не помешало им, тем не менее, разделиться на три враждующие секты – саддукеев, ессеев и фарисеев... Дело доходит до открытого вооруженного противостояния...

Не получится ли так же и со всеми людьми, которые уверуют в Твое учение? Ведь религия объединяет один народ изнутри, но в то же время разъединяет народы. А большинство священников служит в своих собственных своекорыстных интересах и в интересах власть предержавших...

- Давай не будем заглядывать так далеко Иуда. Во всяком случае, я верю, что человеку Бог необходим. Ведь даже у тебя все же есть свой Бог, правда?

Иуда у священников

И вот настал день, когда Иисус и Иуда решили, что пора действовать. Иуда пошел к первосвященникам и начальникам римским, чтобы указать им удобное место и время, где и когда можно будет взять Иисуса по-тихому. Синдерион боялась действовать открыто, ибо неизвестно было, как поведут себя те, кто уже согласны в душе своей следовать за тем, кто называет себя Мессией и Царем Иудейским.

- И сколько ты ждешь вознаграждения от нас за это? – Спросили его священники.

Иуда боялся сам назвать сумму, ибо если он назовет смехотворно малую сумму, то священники могут заподозрить его, а если сумма будет слишком велика, то они могут отказаться от его услуг. Он спросил их:

- А что вы сами думаете: чего стоят мои услуги?

- Двадцать пять шекелей.

- Тридцать – и по рукам!

На том и сговорились. Священники дали Иуде тридцать серебрянных монет, которые тот завернул в платок и глубоко запрятал в один из внутренних карманов своего хитона.

Тайная вечеря

Перед праздником Пасхи Иисус, следуя плану, который они обдумали с Иудой, собрал всех своих друзей–апостолов на тайную вечерю. Иисус возлежал в окружении своих учеников, а любимый его ученик, юный Иоанн, возлежал на груди его. Иисус отламывал кусочки от большого хлеба, макал их в чашу с вином и вкладывал в рот каждому из возлежащих вокруг него, причащая их.

- Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни!

Трудно было понять то, что говорил Учитель, но ученики не привыкли перечить Ему. Один Иоанн с трудом сдерживал позывы рвоты, представляя себе, как он, будто зверь алчный, гложет тело Учителя и высасывает из Него кровь...

Когда дошла очередь до Иуды, Иисус сказал:

- Брат мой, поди, принеси нам еще пару хлебов. Я буду тебя ждать с доброй вестью!

Иуда, поднявшись, и стряхнувши с себя соринки, шагнул во тьму.

Когда он скрылся, Иисус сказал: ныне прославится Сын Человеческий, и Бог прославится в Нем. Заповедь новую даю вам: Да возлюбите друг друга, как Я возлюбил вас. Несоблюдающий слов Моих не любит Меня. Слово же, которое вы слышите от Меня, не есть Мое, но пославшего Меня Отца.

Он еще долго проповедовал, повторяясь, перескакивая с мысли на мысль. Иисусу нужно было выиграть время – Иуда с легионерами что-то задерживался, а братья-апостолы давно уже начали прикрывать рты ладонями – видать сморило их вино...

Поцелуй Иуды

Но вот, наконец, раздалось звяканье легионерских лат, и послышалась тяжелая поступь солдатская. А вот уже замелькали во тьме светильники, и на поляну выпел отряд воинов в сопровождении служителей иудейских. Впереди стоял Иуда, который, видимо, указывал путь к месту.

- Кто среди вас Иешуа га-Ноцри? – раздался зычный голос командира легионеров.

- Стойте, стойте! Вы в темноте можете схватить не того! Берите того, которого я поцелую...
– Перебил его Иуда.

После этих слов Иуда метнулся к Иисусу, крепко обнял его и по-братски поцеловал. Иисус в ответ тоже обнял его, приник к уху Иуды и прошептал:

- Брат мой, зачем ты это делаешь?

-Учитель, я не мог не попрощаться с тобой...
К тому же теперь ни у кого не будет сомнений, что именно я – предатель...

-Да благословит тебя Господь, Иуда, брат мой возлюбленный! Амен.

Подождевший стражник положил тяжелую руку на плечо Иуды и буквально оторвал его от Иисуса.

- Так это, значит, ты, которого боится весь ваш иудейский синдерион? – Сказал легионер, глядя на Иисуса свысока. – Ха-ха! Что-то не так-то ты и страшен.

Понтий Пилат

После этого римский тысяченачальник, окруженный служителями Иудейскими, приказал связать Иисуса и отвести к Каиафе, который был на тот год первосвященником.

Каиафа спросил Иисуса:

- Так в чем же тайное учение твое, которым ты смущаешь честных иудеев?

- Нет у меня ничего тайного. И учу я всегда на миру – в синагоге или храме, где всегда сходятся иудеи, и тайно не говорил ничего никогда. Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что Я говорил им...

От Каиафы повели Иисуса к претории. Вскоре к ним вышел Понтий Пилат – римский префект Иудеи.

- В чем вы обвиняете человека сего? Он что – злодей? – Вопросил Пилат.

- Если бы он не был злодей, мы не предали бы его тебе. – Ответствовали ему иудейские священники. – Он должен быть предан казни. А по суду нашему мы никого не имеем права осуждать на казнь...

- Опять хотите моими руками таскать каштаны из огня? Ну, и хитрожопый же вы народец! – Сказал Пилат и, войдя с этими словами в преторию, повелел привести к нему Иисуса.

Ввели человека. Был он светловолос, хорошо сложен, Редкие пейсы обрамляли его щеки, нос был не по-иудейски прям и тонок. Но самое удивительное у него – это были его глаза: светлые и какие-то пронзительные. Излучаемый ими взгляд был уверенным, умным и каким-то грустным. Иисус сразу понравился Пилату – он любил сильные личности.

- Ну, так что, Царь Иудейский? – Немного насмешливо произнес Пилат.

- Ты сказал, не я сказал... – Как всегда спокойно промолвил Иисус.

- Что же проповедуешь ты?

- Я пришел в этот мир, чтобы свидетельствовать об истине...

- Эх, знать бы, что есть истина! – произнес Пилат, после чего вышел к иудейским священникам и сказал:

- Я не нахожу никакой вины в этом человеке. Хотите, я согласно обычаю вашему отпущу на Пасху Царя Иудейского?

Но все завопили: «Нет, нет! Не его! Отпусти Варавву!»

Пилат пожал плечами, ибо знал, что Варавва злодей и разбойник, но не стал перечить глупой и истеричной толпе, которую подзуживали священники иудейские.

- Глупый народишко! Отпущу вора вам...
Хоть он не только вор, но и убийца.

Пилат вошел в преторию и вскоре вышел с Иисусом, который был с терновым венцом на челе и в багрянице – мантии червленого цвета, кои носят только цари. Пилат изрек:

- Знайте же, я не вижу на этом человеке никакой вины.

Иисус стоял, вперившись взглядом в землю, ни один мускул на Его лица не дрогнул. Когда же озверевшая толпа опять заорала: «Распни его! Распни его!» - Иисус спокойно и с непередаваемым достоинством поднял очи свои и обвел взбесившуюся толпу спокойным взглядом.

Пилат поднял руку, призывая к тишине. Когда все стихли, он спокойно произнес:

- Повторяю, я не вижу вины на этом человеке.

- По закону нашему Он должен умереть, ибо Он провозгласил себя Сыном Божиим, а это святотатство страшнее самого страшного преступления... Он замахнулся на Храм Божий! Он подрывает основы нашего великого государства. Нет у нас иного царя, кроме римского кесаря, а посему всяк, кто объявляет себя царем враг не только наш, но и твой, Пилат!

Пилат понял, что дальнейшие его попытки спасти этого удивительного человека могут быть чреваты для него лично: среди его «верных друзей» было немало таких, которые с радостью донесли в Рим о его поддержке преступника. Пилат сломался:

- Делайте, что решили. Кровь этого человека прилипнет к вашим рукам, не к моим... Я умываю

руки. – С этими словами он перед всем народом умыл руки из кувшина, который держал один из стражников.

Голгофа

Священники иудейские схватили Иисуса, возложили на спину Его крест, приготовленный для Его распятия, и погнали Его, сопровождая издевательскую вакханалию пинками и свистом, на Голгофу – место Лобное, предназначенное для казни преступников. Там уже было распято двое. Крест Иисуса закрепили в земле как раз между ними. На кресте была приколочена деревянная табличка со словами: «Иешуа га-Ноцри, Царь Иудейский», написанными по-иудейски, по-гречески и по-римски.

Первосвященники Иудейские возражали Пилату:

- Не пиши: «Царь Иудейский», но пиши то, что Он говорил: «Я говорил, что я – Царь Иудейский». Ведь он же не всамделишный Царь Иусейский!

- Надоели вы мне, племя жестоковыйное! Что я написал, то написал!

Иисуса за руки и за ноги привязали к кресту, потом кисти рук и ступни его пробили громадными гвоздями, прибив их к дереву. Так и оставили всех троих умирать мучительной смертью.

При кресте Иисуса, у ног Его, стояли Матерь Его, и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и возлюбленная Его – Мария Магдалина.

- Жажду... – Почти прошептал Иисус. Один из воинов, напоив уксусом губку, поднес ее на кончике копья к устам Его.

Вкусивши уксуса, Иисус тихонько произнес – так, что слышали Его только три Марии:

- Свершилось... – После чего преклонил голову и испустил дух.

Солдат, напоивший Иисуса, решив проверить, жив или же мертв Иисус. Ударил его острием копья в правый бок. Иисус даже не шелохнулся: он был мертв...

Вознесение Иисуса

Была тогда иудейская пятница, шесть часов пополудни, время для свершения обряда похорон было уже слишком позднее, поэтому решено было до начала будущей недели временно положить тело Иисусово и тела двух других казненных преступников в каменный грот, находившийся в саду, близ Голгофы.

Вечером того дня грянула невиданная гроза с пронзающими молниями, оглушительным громом и проливным дождем. Была погода, про которую говорят, что в такое время хороший хозяин даже собаку не выгонит на улицу. Но один человек был несказанно рад такой непогоде – это был Иуда Искарот. Он вышел из дома своего и буквально между зловещих молний пошел к гроту, где были положены тела казненных. Используя огромный дубовый сук как рычаг, он с огромнейшим трудом отвалил камень от входа в грот. Там он нашел труп Учителя и вынес его из пещеры. Иуда попытался завалить обратно камень на то же место, чтобы все подумали, что Иисус и на самом деле вознесся в Царствие Небесное. Но ему это не удалось. Тогда Иуда, взвалив себе на плечи тело Иисуса, пошел прочь, опираясь на дубовую ветвь, как на гигантский посох: он должен был унести это орудие прочь, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что камень был отвален изнутри.

Иуда направлялся к тому месту, где Учитель проводил свою последнюю Тайную

Вечерю. Там, в кустах, он заранее, еще с утра, вырыл глубокую могилу. Положив тело Иисусово в могилу, он засыпал ее землей.

Ливень доделал все остальное: он смыл все следы Иуды, он сравнял могилу Иисуса вровень с землей...

Смерть Иуды Искарюта

Ливень поутих, хотя небо по-прежнему было смоляно-черное, без просветов. Иуда брел, измотанный и физически и духовно. Вот и кончилось все...

Что-то тяжелое колотило его по ноге. Он достал из внутреннегп кармана своего хитона платок, в который были завернуты тридцать серебряных монет. Ухмыльнувшись грустной улыбкой, он выбросил деньги в придорожную грязь...

- Господи, если Ты все же есть! Сделай так, чтобы я ошибся в своих печальных предположениях! Пусть великая жертва Учителя не будет напрасной. Пусть Добро и Любовь восторжествуют на Земле! Будь милосерден к Тому, кто считал Тебя своим Отцом. О себе я молчу, хотя судьба моя страшнее, чем Иисусова.

Он остановился около высокой осины, достал из кармана кусок веревки, сделал петлю...

- Я знаю, что самоубийство грех, но, как истинный иудей, я знаю также, что грех искупается не молитвой, а делом. Я просто поменял порядок: сначала сделал доброе дело во имя Учителя, а теперь свершаю грех...

Сказав это, Иуда накинул на шею веревку и удавился...

А в первый же день следующей недели Мария Магдалина еще затемно пришла ко гроту, в коем лежало тело Иисуса, и увидела, что камень отвален от гроба. Она побежала к ученикам Иисусовым. Они пришли и не могли поверить глазам своим: тело Иисуса исчезло бесследно... Тогда они и вспомнили то, о чем вещал им Учитель...

И все поверили, что Иисус даже не просто Царь Иудейский, но Сын Божий.

И с этого момента учение Иисуса пустило корни в души многих и зацвело пышным цветом. Жертва не была напрасна!

Имя же Иуды было проклято на все века...

Но именно тайное самопожертвование Иуды и позволило стать Иисусу тем, кем Он стал для многих миллионов людей... Иуда оправдал свое имя – *Прославление Господа.*

Иешуа из Назарета и Понтий Пилат

В большую залу, где на подушках, развалиясь, сидит Прокуратор Иудей Понтий Пилат, вводят закованного в цепи Иисуса. Пилат приказывает снять цепи с Иисуса, после чего небрежным жестом руки отсылает всех из своих покоев.

- Ну, проходи, Царь Иудейский!
- Ты сказал... Не я сказал!
- Ну, ладно, ладно... Расслабься. Давай поговорим.
- Воля твоя...
- Присаживайся!
- Спасибо, я постою...
- Садись, говорю! Не люблю, когда на меня смотрят свысока! Ха-ха...

Иисус садится скраешку, повернувшись к Пилату и спокойно глядя ему в глаза.

- Понаслышан я о твоих велеречивых проповедях... Много интересного и правильного говоришь, но иногда тебя заносит! А ты-то сам веришь во все, о чем вещаешь?
- Я верю в то, что то, что я говорю, истинно...
- Ты знаешь истину?!
- Ты перебил меня и не дослушал до конца. Я верю в то, что то, что я говорю истинно нужно и полезно людям.
- Вот ты и твои сподвижники талдычите о вере, надежде и любви... О какой вере можно говорить в этом мире подлости и обмана, где честного человека не сыщешь и днем с огнем? О какой надежде можно говорить в этой беспросветной жизни, где жалкая горстка богачей и правителей позволяет себе все, топча ногами остальных? О какой любви

можно говорить, когда злобные людишки ненавидят друг друга по любым поводам: кто-то молится не тому богу, кто-то умнее или удачливее, а то и просто из-за того, что у другого иная форма носа или волосы иного цвета?

- Именно поэтому и надо говорить о вере, надежде и любви... Ведь не призывать же людей быть еще отвратительнее, чем они есть?
- А пожалуй, ты прав... Но все равно, жертвовать своей жизнью ради иллюзорных идей... Я этого не понимаю!

Пилат замолчал, погрузившись в себя. Потом он с каким-то даже ожесточением произнес:

- Даю голову на отсечение, что и через две тысячи лет на земле будет больше церквей, чем по-настоящему порядочных людей!
 - Ты ничем не рискуешь, споря со мной...
 - Значит, ты согласен со мной?
 - Нет, просто через две тысячи лет ты ничем уже не рискуешь...
 - Ха-ха! Поймал на слове!
- Они опять замолчали. Потом Пилат сказал:

- Твои соплеменники жаждут твоей крови...
Тои ученики отреклись от тебя. А твой дружок Иуда?

- Не суди Иуду, ибо не знаешь его. Не всякий, кто предает, враг... Именно Иуда, ведая или не ведая того, обрек меня на бессмертие!
- Слышал, слышал... Ты думаешь, я такой простодушный, что поверил твоим словам о воскресении на третий день после казни? Я не знаю, какой ты придумал план своего исчезновения с креста. Но ведь я могу продержать тебя на столбе неделю, оцепив Голгофу несколькими рядами своих легионеров.

- Ну, это бесчеловечно... Всякого человека, даже преступника, должно похоронить...
- Хорошо, я сделаю тебе так, как ты хочешь. Ты мне симпатичен: с тобой можно поговорить, не то, что с твоими собратьями, которые только и знают, что мотают головами, как глухари на току, шепча свои непонятные молитвы.
- И все же я склонен отпустить тебя, Иешуа. Не вижу я за тобой никакой вины. Более того, я хотел бы предложить тебе место архивариуса при моей библиотеке. Там полно документов на иврите, и твоя помощь была бы мне очень полезна... К тому же, я бы имел возможность иногда поговорить с умным человеком.
- Не делай этого, Прокуратор, прошу тебя... Попав на крест, я буду всего-навсего убит, а если ты меня избавишь от креста – будет убита цель моей жизни...

ШЛОМА и АХИЩАР

НАЧАЛО...

Пейте, пойте, веселитесь!
Юность рвет любые пути:
Чувствуйте себя, как витязь
В окруженье лилипутов.

Стояла невообразимая жара, полуденное солнце будто нарочно застряло в зените, не желая склоняться к горизонту. Нестерпимо мучила жажда...

Несмотря на жару, Давид сидел под навесом в белом тканом хитоне, укутав ноги нежным мехом молодого ягненка... Но согреть их он не мог – кровь перестала слушаться его слабющего сердца...

На душе Давида было мерзко... И уже давно... Он ненавидел эту проклятую старость. Все было не в радость. Он вспоминал, будто не про себя, каким он был в молодости. Перед ним чередой проносились сонмы женщин, которых у него было столько, сколько бывает звезд в безлунную южную ночь.

А Вирсавия?.. Эх, красивая была баба! А теперь он отослал ее в дальние покои, чтобы не маячила на глазах... Да и что за радость лицезреть эту безобразную старуху, которой уже почти полвека! Разве у него не полон двор молодых дев?

Давид потянулся к чаше, где в прохладной воде лежали сочные призывно красные гра-

наты. Слуга беспрестанно менял чашу, принося новую с только что налитой ключевой водой. Давид достал гранат, слегка надрезал его по граням и разломил. Видимо, надрез был слишком глубок: гранат брызнул своей ярко багряной кровью на его белоснежное одеяние.

- Еще одна девственница окропила меня своей кровью! – в сердцах пробурчал Давид и раздраженно бросил прочь гранат, который, подпрыгивая по мраморном полу дворца, докатился до края площадки и свалился в песок.

Впрочем и это уже относилось к воспоминаниям... Девственниц Давид не знал уже давно...

Когда намереди услужливый главный его советник подложил ему в постель молоденькую сунамитянку, чтобы та согрела немощное тело царя, то Давид не смог ей ничем ответить на все изощренные девичьи ласки. И это тот самый Давид!..

Давид замер, устремив взгляд вдаль... Раздавалось пение цикад. На песке от легкого дуновения жаркого ветерка поднимались танцующими змейками маленькие смерчки, которые тут же моментально будто растворялись в воздухе. В воздухе пахло чем-то пряным.

Давид проснулся от прикосновения руки. Из-за спины раздался знакомый женский голос. Это Вирсавия подошла к нему неслышно сзади: она знала, что последние годы стала раздражать Давида, хотя оставалась по-прежнему первой женой и к ее голосу при дворе прислушивались не менее, чем к голосу самого царя Давида.

- О мой властитель! Я к тебе с вестью не столь приятной, но выслушай меня. Твой сын

Адония, которого принесла тебе Агиффа, жена твоя, пользуясь временной немощью твоей – да даст тебе Господь Бог здравия и сил прежних! – объявляет везде публично себя царем Израиля...

- Но он же старший сын... Чего же ты хочешь?

- Но ты же клялся мне Господом Богом Израилевым, говоря, что Соломон, сын твой, будет царствовать после тебя, и что он сядет на престоле твоем вместо тебя...

- Клялся, говоришь? Господом Богом? Хорошо, позови мне священника Садока и пророка Нафана, и я объявляю им Соломона своим единственным наследником. Пусть он сядет на престоле моем.

А сама уходи! Я устал... Иди, иди!

* * *

Приблизилось время умереть Давиду: почил он с отцами своими и погребен был в городе Давидовом.

И сел Соломон на престоле отца своего. И был он покруче отца своего во всех делах своих и во всех помыслах.

Вскоре пришел Адония к Вирсавии, зная силу ее в царстве Израиля, и сказал:

- С миром я к тебе, о владычица земли сей. Знаю твою справедливость, а посеми и хочу тебя просить о малом. Я не прошу царстве, хотя я и старший сын Давидов. Пусть брат мой Соломон вершит судьбы народа Израиля. Я же прошу о малом: поговори с царем Соломоном, ибо он не

откажет тебе, чтобы дал он мне сунамитянку в жену.

- Ты говоришь про ту девицу, Ависагу, которую взяли во дворец согреть постель царю Давиду?

- Да, моя повелительница...

- Хорошо, поговорю.

Вошла Вирсавия к царю Соломону, царь поклонился матери своей, и сел на престоле своем. На соседнем престоле по правую руку царя села Вирсавия.

- Сын мой, я имею к тебе небольшую просьбу, не откажи мне.

- Проси, мать моя. Смею ли я отказать тебе?

- Дай Ависагу сунамитянку Адонии, брату твоему, в жену.

Кровь прилила к лицу Соломонову, глаза будто молнии начали метать, и дыхание его перехватило... Вспомнил он, как в первую же ночь, когда привели Ависагу во дворец, увидел он красавицу, выходя из опочивальни отца своего. Обожгла она его своим чарующим взглядом так, что даже он, познавший уже многих, смутился, а сердце его заколотилось, словно птица, попавшая в силки...

Он вышел в сад и сел на своей любимой скамье под масличным деревом. Он, закрыв глаза, тихонько вполголоса стал напевать грустную заунывную песню, которую напевала ему в детстве его мать, баюкая его.

И вдруг – будто легкое дуновение ветра коснулось его лица. Открыв глаза он увидел перед собой прекрасную сунамитянку. Она стояла

перед ним слегка прикрытая тонкой тканой накидкой. Лицо ее было в слезах.

Соломон узнал от нее, что отец его не смог овладеть ею, а когда понял это, то начал ее мучить, будто она была виною его мужского бессилия. Соломон начал утешать Ависагу, потом это перешло в легкие ласки, и вот уже два юных тела слились в единое целое...

Соломон и Ависага встречались каждую ночь тайно, и никто даже не догадывался, что между ними происходило: ведь покушение на честь наложницы царя – это был грех побольше измены Богу Израиля.

Когда Соломон стал царем, вокруг него было столько глаз и ушей, что встречи его с Ависагой стали редкими, но не менее желанными.

И вот теперь его мать говорит ему такое!

Соломон срывающимся от волнения и гнева голосом сказал матери своей:

- А зачем ты просишь Ависагу сунамитянку для Адонии? Проси уж для него сразу и царство! Ведь он мой старший брат,

И решил после этого Соломон, что не жить Адонии. Послал он верного слугу своего отца Ванею к Адонии, и тот убил его...

И хоть чиста была Ависага перед Соломоном, но когда тот расправился с Адонией, то весь пыл-жар любви его к сунамитянке поугас.

* * *

Стал Соломон вести жизнь разгульную, проводя время в праздности и гульбе. А такая жизнь до добра не доводит...

От отца своего, наследовал Соломон два дара: дар неумной любви к женскому телу и дар красиво говорить об этой своей любви.

Изрек он тысячи притчей и песен. О чем только он не писал: и о деревьях, и о зверях, и о птицах, и о рыбах, но красной нитью прошло его всепоглощающее влечение к гуриям сладострастным!

Писал он так и о таком, что не будь он сначала царским сынком, а потом царем Израиля, многое ему бы не простили истинные проповедники! Восток, который славился всегда жестким надзором за женским целомудрием, стерпел от царя явную эротику, прославляющую не единственно позволенную любовь – любовь к мужу, но любовь вне брака и любовь далеко не платоническую. Многие из написанных Соломоном песен дают диалоги двух возлюбленных.

- О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные, уста твои любезны, как половинки гранатового яблока, два сосца твои – как двойня молодой серны, пасущиеся между лилиями.

- Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его. Поставили меня стеречь виноградники, а моего собственного виноградника я не устерегла.

- О, как прекрасны ноги твои, дочь именитая! Округление бедер твоих – дело рук искусного художника... Живот твой – круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино... Чрево твоё – ворох пшеницы, обставленный лилиями... Два сосца твои – как два козленка...

- Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой - мне; он пасет между лилия-

ми. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

- Лобзай меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина.

- Стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее, и груди твои были бы вместо кистей винограда, и уста твои - как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, улаживает уста утомленных.

Любил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой – первой своей жены. Были среди его жен и наложниц и сунамитянки, и моавитянки, и аммонитянки, и идумеянки, и сидонянки, и хеттеянки...

И прилепился к ним Соломон любовью. Правда, любовь ли то была или просто похоть? Ведь было у него даже по древнему еврейскому закону семьсот жен и триста наложниц. Ведь тут, меняя женщин каждодневно, встретишься с каждой раз в три года. Да и то в полумраке опочивальни царской да после обильного возлияния. О какой любви может идти речь, если он вел себя как похотливый козел в стаде молодых козочек?

Во время старости Соломона, жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему.

Служил Соломон и Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской. Построил он капище Хамосу, мерзости Моавитской, и Молоху, мерзости Аммонитской.

Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые приносили жертвы своим богам.

А ведь Господь наказал сынам Израилевым: «Не входите к ним, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам».

АХИШАР

Угасает жизнь, как свечка,
Все лишь прах и суета...
Жил зачем? Умру... И вечно
Будет только пустота.

* * *

Был в детстве у Соломона закадычный друг – Ахишар, сын градостроителя. Дружья росли вместе, проводили много времени за беседами. Правда, когда стали уже юношами, их пути разошлись: Ахишар с головой погрузился в любимое дело – он пошел о стопам своего отца, а Соломон проводил время в застольях да в развлечениях с девицами.

Когда Соломон стал царем Израиля, Ахишар остался его преданным слугой. Он построил Храм Господень, который завещал построить царь Давид. Построил он и дом самому царю Соломону. Он украсил Иерусалим многими дворцами и возвел городскую стену, которая сделала город неприступной крепостью.

Народ часто говорил «Храм Ахишара», «Стена Ахишара», «Дворец Ахишара». Возревновал к другу своему Соломон и прогнал его за пределы земли Израиля.

Так и остался Соломон один, без единственного друга своего, окруженный льстецами и прихлебателями, которые славил его в глаза за

мудрость, справедливость и доброту. Да и за глаза никто не осмеливался хоть что-то сказать о Соломоне нелицеприятное – ведь доброхоты тут же донесли бы царю хулу, и хулитель рисковал потерять язык вместе с головой!

* * *

Стояла невообразимая жара, полуденное солнце будто нарочно застряло в зените, не желая склоняться к горизонту. Нестерпимо мучила жажда...

Все возвращается на круги своя... Так было при Царе Давиде, так осталось и при Царе Соломоне, сыне Давидовом...

Соломон задумчиво сидел под навесом в белом тканом хитоне. На мраморной площадке перед ним танцевали четыре юных полунагих красавицы. Они были прекрасны, волнообразные движения их рук и соблазнительные изгибы из талий манили, призывные движения их бёдер могли бы свести с ума кого угодно!..

Но Соломон сидел прикрыв глаза, сквозь его неплотно сомкнутые веки, танцовщицы были едва видны. На душе Соломона было мерзко... И уже давно...

Перед ним чередой проносились сонмы женщин, которых у него было столько, сколько бывает звезд в безлунную южную ночь.

А эта, как ее звали? Ну, последняя наложница моего отца? Сунамитянка... Ах, да – Ависага... И как билось тогда сердце, когда она тайком проскальзывала в мою спальню, стоило лишь заснуть отцу!

А потом эта невзрачная дочь фараона, которая ничего толком делать не умела. Тоже мне мумия египетская!

А потом пошло-поехало... Иную ночь с дюжину красоток ублажали меня одновременно.

Соломон потянулся к чаше, где в прохладной воде лежали сочные призывно красные гранаты. Слуга беспрестанно менял чашу, принося новую с только что налитой ключевой водой. Соломон достал гранат, слегка надрезал его по граням и разломил. Видимо, надрез был слишком глубокий: гранат брызнул своей ярко багряной кровью на его белоснежное одеяние.

- Еще одна девственница окропила меня своей кровью! – в сердцах пробурчал Соломон и раздраженно бросил прочь гранат, который подпрыгивая на мраморном полу дворца, прокатился меж танцовщицами, которые замерли на мгновение, потом докатился до края площадки и свалился в песок.

Танцовщицы продолжили свой танец, но Соломон раздраженно прошипел:

- Пошли прочь с глаз моих...

Танцовщицы разбежались, боясь гнева всемогущего повелителя. Соломон замер, устремив взгляд вдаль... Раздавалось пение цикад. На песке от легкого дуновения жаркого ветерка поднимались танцующими змейками маленькие смерчки, которые тут же моментально будто растворялись в воздухе. В воздухе пахло чем-то пряным.

Соломон проснулся от легкого прикосновения руки. Из-за спины раздался голос одного из телохранителей:

- О владыка Израиля! Да не прогневайся ты на раба своего, но дело не терпит отлагательств. Стражники около дворца задержали подозрительного человека. Он что-то высматривал, щупал камни стен, будто проверяя их прочность. Его хотели зарезать прямо на месте, но он закричал, что он друг царя. Мы привели его сюда: реши сам, правду ли он говорит. Если он лжец, то мы знаем, как с ним поступить...

Соломон повернулся и увидел человека примерно своих же лет, в пыльной одежде. Человек тот стоял понуриив голову и держа связанные руки за спиной.

- Развяжите ему руки!

Когда прищельцу развязали руки, он продолжал стоять склонив голову и потирал затекшие от веревки руки.

- Долгих лет тебе, властитель Израиля...

Голос этот показался Соломону знакомым.

- И тебе здравствовать, коли повезет, хе-хе...

Тут человек тот поднял глаза и безбоязненно, почти жёстко посмотрел, не мигая, в очи Соломона.

- Не может быть!.. Это ты?.. Это ты, Ахишар?

Соломон встал, и подошел к Ахишару, ибо это был именно он.

- Да, это я, властитель Израиля.

- Ну, кончай, кончай! Какой я тебе властитель? Мы же с тобой были почти, как братья.

- Да, Шлома, были... Спасибо, что не по-
ступил со мной, как с единокровным своим бра-
том. – Сказал Ахишар с ухмылкой.

- Ну, кто старое помянет, тому глаз вон!

- А кто забудет...

- Ну ладно, ладно. Ты же знаешь, что
Адония был подонок.

Соломон замолчал, а потом обратился к другу:

- Какими судьбами ты здесь? Я уже давно
забыл сердиться на тебя... Даже, говоря от души,
скучал по тебе. Молодец, что нашелся! Так по
делу или как?

- Стар стал, решил придти посмотреть на
труды рук своих. Ведь все содеянное мною мне
дорого – это, как дети мои. Я подхожу ко всем
строениям и постройкам своим и глажу камни
рукой. И они – не поверишь! – дарят мне свое
тепло.

- А меня ты видеть хотел?

- По правде говоря, хотелось, но я не
знал, какой встречи от тебя ждать. А главное,
прочел я Книгу Екклесиаста... Я сразу понял, что
это твоя рука: ведь никто не владеет в городе
этом словом так, как ты. Вот о ней-то я и хотел
поговорить с тобой...

- Да, не один ты догадался, кто написал
эту книгу. Мне уже все уши прожужжали о том,
сколь много в ней мудрости.

- Не особенно доверяй льстецам: у каждо-
го из них своя корысть...

Прочитав Екклесиаст, я понял, что ты, Шлома,
сильно переменялся, поэтому и рискнул войти в
Иерусалим. Но готов ли ты выслушать не по-

хвальбу в свой адрес, а искреннее, хотя и не ласкающее твои уши мнение друга?

- Да, Ахишар. Говори. Уши мои уже давно не слышали правды.

- Тогда наберись терпения, ибо во многом я не согласен с тобой, о чем и буду говорить. А есть ли смысл мне говорить о том, что у нас с тобой общее?

Они расположились поудобнее на подушках, полулежа друг напротив друга. Они лежали и молчали, будто один не решался начать, а второй еще не был готов для беседы...

Солнце, наконец, начало клониться к закату. Вот уже острые пики дальних кипарисов вонзились в его побагровевший диск. На светлом еще небе стали прорисовываться первые звездочки. И без того легкий ветерок стих, будто заснув.

И вот Ахишар начал говорить:

- Ты начинаешь книгу своими словами:

Суета сует, сказал Екклезиаст, суета сует - все суета!

Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?

Вот обо всем этом я и хочу поговорить с тобой, брат мой.

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.

Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

Что было, то и будет; что делалось, то будет делаться, и ничего нового нет под солнцем.

А что в этом плохого? Ведь если бы солнце болталось в небе постоянно на одном и том же месте, разве было бы лучше?

А так каждый день солнце, поднявшись над горизонтом, пробуждает жизнь на земле своими ласковыми лучами, начиная нашу небольшую, коротенькую однодневную жизнь. Утро – как детство, полдень – как зрелость и вечер – как преклонные годы этой коротенькой жизни. Потом ночь, подобная кратковременной смерти... А на следующий день – опять новая маленькая жизнь! Это ли не прекрасно, брат мой? И проживаем мы много-много таких жизней. И все они разные: одна радостная, а другая печальная, одна веселая, а другая грустная, одна удачливая, а другая невезучая...

Да, вроде бы делается каждый день одно и то же, но ведь ни один день не похож на другой...

И так будет из века в век. И это хорошо!

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Всему свой час, и время всякому делу под небесами:

Время родиться и время умирать,

Время насаждать и время вырывать насаждения,

Время убивать и время исцелять,

Время разрушать и время строить,

Время плакать и время смеяться,

Время рыданью и время пляске,

Время разбрасывать камни и время складывать камни,

Время обнимать и время избегать объятий,

Время отыскивать и время дать потеряться,

*Время хранить и время тратить,
Время рвать и время шивать,
Время молчать и время говорить,
Время любить и время ненавидеть,
Время войне и время миру.*

Красиво сказано, ничего не скажешь! Ну, а по сути, что нового ты сказал? То, что всему свое время – это ясно и карапузу, который едва начал говорить: не попьешь – не пописаешь, нашкодишь – по заднице схлопочешь... Но одно ты сказал очень верно. И думаю, именно это люди будут повторять век за веком: «Есть время разбрасывать камни и время собирать камни». Какие камни разбросает, такие и соберет. И эта твоя фраза – прямо про тебя. Воистину, что посеешь, то и пожнешь. Но, извини, об этом чуть позже.

ТЫ ГОВОРИШЬ:

И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?

Человеку великое зло оттого, что он не знает, что будет...

Что будет после того, как человек отправится к праотцам? Да ничего особенного: все будет так же, как было, но только не будет на этом пиру жизни того, который с него ушел.

Шлома! И ты, действительно хотел бы знать, что будет с тобою? А не есть ли это самая страшная пытка – предрепешенный исход в зараннее известное время?

Один восточный тиран посадил в темницу злейшего врага своего, объявив ему, что ровно через год тот будет казнен страшной казнью, а тело его будет выброшено псам на сожрание. Каждый день стал для человека того истинной пыткой: он отсчитывал минуту за минутой, час за часом, день за днем, зная, что погибель его неминуема и приближается с каждой секундой... И он от этой страшной пытки ожиданием зачах совсем, помутился в сознании, а через несколько недель умер, то ли от страха, то ли от безысходного горя. Просто кровь перестала течь по его жилам...

Неужто ты и впрямь хочешь знать свое будущее?

Ну, хотел бы ты знать день своей смерти? Нет, не хотел бы, правда? А хотел бы ты знать день смерти своего возлюбленного сына? Что, побледнел? Тоже не хотел бы?

Легко мудрствовать вообще, но вот, когда все представишь и приложишь к себе...

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет и воздаяния, потому что память о них предана забвению.

Мудрец сказал, что жив человек, куда жива память о нем. Сделаешь лишь себе доброе – умрешь вместе со своим бренным телом. Сделаешь доброе своим детям – будешь жить в памяти своих детей и в памяти детей своих детей. Сделаешь доброе людям – будешь жить в памяти поколений.

Да, придет время и забудут не только тебя, но и тех, которые уже давно позабыли тех, кто когда-то помнил о тебе.

Да и как ты мыслишь память о себе? Чтобы все помнили тебя всегда? А если и я захочу того же, и тот слепой у городских ворот, и пастух, пасущий агнцев на лугу? А чем они хуже тебя, Шлома? Сам говорил: «из праха... в прах». Память наша не вместит всех желающих быть в ней увековеченными.

Будешь помнить о тысячах тысяч – забудешь тех немногих, которых должно помнить.

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей.

Какая же польза ему, что он трудился на ветер?

А куда и что тебе бы хотелось взять с собой? Мы же пока еще не договорились о загробной жизни. Есть ли она? Но если там даже будет жить бесплотная душа, что ей будет надобно? Да и как понести что-то в бесплотной руке?

А насчет пользы: неужто тебе невдомек, что польза бывает не только для себя? На ветер трудится только тот, кто своекорыстен и себялюбив. А польза – это для людей...

Да и вообще, о какой пользе для мертвеца вещаешь ты мне?

ТЫ ГОВОРИШЬ:

II нашел я, что горше смерти женщина, потому что она - сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы.

Добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею.

Ну, ты даешь, Шлома! Сколько же смертей ты, бедолага, пережил со своим немеряным гаремом! Если женщина – сеть, то сколько же рыбки ты наловил в мутной воде этой сетью! Ты богатый рыбак – эва у тебя тысяча сетей – твои жены и наложницы. Столькими сетями не обладает и самый богатый рыболов на земле.

А уж насчет оков – это они в оковах твоих, а не ты в их оковах. Это они живут в темнице гарема твоего, а ты пасешься на лугу медвяном, аки жеребчик, не знающий забот.

У кого сто друзей, у того нет Друга, а у кого сто жен, у того нет Жены. От большого богатства человек скудеет.

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Только то нашел я, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы.

Да, ты прав. Как сказал один великий мудрец: «Люди злы, но Человек – добр!» Но скажи мне, кто творец всего этого зла, как не Творец? Не его ли рук все сущее и то, как оно существует? А если так, то что толку сетовать на боль и умалять ее, если надо найти и понять исток этой боли?

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Всего насмотрелся я в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей, нечестивый живет долго в нечестии своем.

Что верно, то верно: вон тебе уже сколько господом отпущено? А ведь жил ты не в праведности, как и родитель твой, Божий любимчик Давид! И как мне, простому труженику, объяснить эту необъяснимую любовь Всевышнего к таким, как ты и отец твой?

Вот ты много говоришь о Боге... Но скажи мне, почему он небрегает сырыми и невинными и благоволит богатым и развратным? Почему он множит сокровища одних и отнимает последнюю корку у других?

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников.

И сказал я: и это - суета!

Да не суета это! Нет! Просто не говорить о Боге надо, а нести его в своем сердце! А кто награждает нечестивца, как не тот, кто призывает всех к праведности? Нужно творить праведные дела, а не провозглашать их.

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производит взаимную между людьми зависть.

Да, такова природа людская... Но если все от Бога, то зачем же он создал людей такими? Или он, как обитатель леса, родил и пустил рожденных жить в джунглях человеческих по их собственному разумению? А где же длань Божья и глаз Божий?

ТЫ ГОВОРИШЬ:

И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — расположение, но время и случай для всех их.

Ты прав. И трусливый военачальник, спрятавшийся за рядами своих воинов, прославляется как великий полководец. И ученому за великое открытие могут не дать ни корки хлеба. И богатство попадает часто не в руки труженика, а скорее в руки мздоимца и мошенника. Да, правят этим время и случай... Но позволь спросить тебя: а куда же смотрит твой Бог? Почему он безмолвствует и бездействует? Не он ли главный управляющий на этом им же созданном спектакле?

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Еще видел я под солнцем место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда.

Вот тут ты прав! Но скажи, разве не ты был Царем Израиля? Разве не под твоим простертым крылом творилась вся эта судейская несправедливость в твоей стране? Ты, такой мудрый, что же не остановил руку беззакония, если видел все и понимал все?

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Не скоро совершается суд над худыми делами, от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло.

Прав ты, прав! Суд человеческий чаще всего в руках тех самых злодеев, которые творят зло. А до Божьего суда не дождешься! Да коли и дождешься. Какой прок? Зло содеяно, наказания не было, жертвы остались неотмщенными...

ТЫ ГОВОРИШЬ:

И вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающего их – сила, а утешителя у них нет.

Прав, прав ты... Но это лишь утверждение о том, что зло существует, а это и без тебя очевидно. Ну, а сам ты был ли утешителем угнетенных при всей твоей-то царской силе и мощи? Что же теперь сотрясаешь воздух лицемерными речами?

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы.

А что есть добро? Если двое умирают с голода и у тебя всего одна лепешка на них двоих, то тот, кому ты дашь лепешку выживет, ибо ты сделал ему добро. Но второй-то помрет с голода – для него ты сделал зло! Значит, творя добро, ты и согрешил одновременно, сделав зло... Но есть грех ради греха, и есть грех во имя праведности. Есть ложь во зло, и есть ложь во спасение...

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы.

Ты заблуждаешься, Шлома, участь у всех разная. Праведник живет в мире и согласии со своей душой, со своей совестью. Он радуется каждому дню, каждому своему шагу, каждому своему поступку, ибо живет он в убеждении, что несет добро людям.

Конечно, есть и люди, творящие зло, но верящие, что они творят добро. Это те, которые думают, что знают, что есть истина. Но что такое истина? Это мираж, это то, что нам кажется, а не то, что есть. Эти люди имеют добрые намерения, но слепая и непреклонная вера в собственную правоту ведет лишь к людским несчастьям.

Нечестивец же живет в ожидании кары за содеянное, он раб собственного страха, страха наказания от людей, которым он причинил зло. За это он и не любит других: себялюбец никогда

не поймет радости самопожертвования, радости давать, а не брать.

А Божий суд, спросишь ты? А я отвечу: где уверенность, что Божий суд лучше человеческого? Если Бог позволяет творить мерзости в этом мире, то не закроет ли он глаза на несправедливости и там, в своем мире?

ТЫ ГОВОРИШЬ:

И возненавидел я жизнь, потому что противны мне стали дела, которые делаются под солнцем; ибо все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!

Вот в этой ненависти к жизни и есть беда твоя! Говоришь, нет пользы? Каковы дела, такова и польза! У тебя ничего кроме томления от страсти (а теперь вот еще и «томления духа») ничего в жизни и не было.

А я вот пришел в Иерусалим, прошелся по почти забытым уже мною улицам и сердце, и душа мои возрадовались. Куда не погляжу — всюду вижу хоть маленький след от своего труда. Вижу ту пользу, которую я сделал людям.

Ты все говорил мне в юности, что надо брать от жизни все, что я трачу время на учение, погряз в работе. Но вот итог: я тоже состарился, но я счастлив, ибо тот, кто творило добро, тот счастлив этим. А ты профукал свою жизнь, ты остался у разбитого корыта

ТЫ ГОВОРИШЬ:

II возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня.

Вот в этом весь ты – эгоцентричный и эгоистичный. А разве не есть радость сделать добро людям, которые будут после тебя? И разве не высшая радость творить добро, не трубя на каждом перекрестке: «Люди! Это я, Соломон, сделал то и то для вас! Помните, любите, уважайте меня – вашего учителя и вашего вождя!»

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произрастающих деревья.

Окстись, Шлома! Это другие делали то, что ты присваиваешь себе. А приложил ли ты руку ко всему этому? Какие «дома»? Какие «сады»? Какие «водоемы»? Да сделал ли ты хоть что-нибудь вообще в своей жизни? Положил ли хоть один-единственный камень при постройке Храма или какого-либо другого строения? Испек ли хотя бы одну лепешку, чтобы утолить голод свой и своих ближних? Принес ли хотя бы один кувшин воды из колодезя, чтобы утолить жажду страждущих?.. Одни пустопорожние умствования!

ТЫ ГОВОРИШЬ:

И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои.

Шлома! Прикладывал ли ты руки к чему-либо, кроме своего детородного органа, отправляя нужду или уголяя свою похоть?

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Чего бы мои глаза ни пожелали, я не отказывал им.

Вот тут ты прав: ты пресыщен. Как обожравшийся пьянчуга, ты не можешь понять радости от куска свежего козьего сыра, ты не можешь порадоваться глотку родниковой воды. Ты, обожравшийся, наполнен блевотиной, которая вот-вот вырвется наружу.

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Вздумал я в сердце моем усладить вином тело мое.

Да, тут ты преуспел, брат мой!

ТЫ ГОВОРИШЬ:

И похвалил я веселье, потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться.

Итак иди, ешь с веселием хлеб твой, и пей в радости вино твое.

И это опять истинный ты, Шлома!

Пойте, пейте, гуляйте, бейте в жизнь без промаха... Так, да? А вы, чернь, пашите, сейте, жните, пасите ягнят на жаркое к моему столу. И ты еще удивляешься своей тоске неизбежной и старческой грусти?

Что посеешь, то и пожнешь! Прожил жизнь без следа... Только и осталось – искать смысл жизни. А смысл жизни – в жизни! В такой жизни, чтобы постоянно чувствовать радость от содеянных добрых дел, от излучаемой на людей любви.

Что у тебя осталось позади? Сотни похотливых ночей, груды драгоценностей в сундуках, толпы трепещущей от твоего взгляда челяди... А любил ли ты? А чувствовал ли ты радость от малого вознаграждения за свой труд? А был ли у тебя в жизни хотя бы один искренний друг?

Ведь ты первый раз, наверное, сейчас прислушиваешься к чужому голосу... Конечно же! Ты же такой мудрый, ты так любишь вещать...

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Если человек проживет и много лет, то пусть веселится он в продолжении всех их.

Ну, и до чего же довеселился ты сам? Вот сидишь один, никому не нужен. Позади пустота жизни, впереди – пустота смерти. Вот и скажи мне: жил ты или не жил? Потому и тоска тебя гложет, как голодная собака гложет уже давно обглоданный мосол...

ТЫ ГОВОРИШЬ:

Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих. Только знай, что за все Бог приведет тебя на суд.

Неисправим ты, Шлома! Так считай, что Бог и привел тебя на суд: на самый страшный суд, когда человек судит сам себя.

* * *

Слушал Соломон все речи Ахишара молча, глядя в одну точку перед собой, будто уйдя куда-то далеко-далеко...

- Ну, что же ты молчишь, брат мой? Или сильно прогневил я тебя?

- Нет, нет... Я тебе очень благодарен. Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых... Нет, Ахишар, я ценю твои слова. Может, ты и прав. Но ведь у каждого своя правда: одна правда у орла, распростершего крыла свои в поднебесье, другая правда у змеи, ползущей на чреве своем меж горных камней...

- Ну, и кто ты сам в этой аллегории – орел или гад ползучий?

Промолчал Соломон в задумчивости...

* * *

Звезды на небе стали уже светить не так ярко. На востоке занималась робкая заря, едва касаясь своей нежной дланью неба за дальними кипарисами...

Всю ночь проговорили друзья, хотя, надо признаться, коротки летние южные ночи...

* * *

Времени царствования Соломонова в Иерусалиме над всем Израилем было сорок лет.

И почил Соломон с отцами своими и погребен был в городе Давида, отца своего, и воцарился вместо него сын его Ровоам.

Каин и Авель

*Для верующих; Совершенно секретно! Перед прочтением
сжечь!*

*Прочитавши, пеняйте на себя и не пинайте меня, ибо
предупреждены были!*

Марк Шагал. Каин и Авель (1960).

Все мы с детства от наших бабушек и дедушек слышали библейскую притчу про Каина и Авеля. Имя Каина стало нарицательным. А все ли читали первоисточник, я имею в виду Библию?

История про Каина и Авеля весьма нравоучительна, особенно для тех, кто Библию читает невнимательно, не задумывается над каждой

строчкой текста. На самом же деле, если читать внимательно, то недоумений будет, пожалуй, больше, чем нравочений. Ну, да и понятно: литредакторов в то время еще не было.

Но давайте прочтем эту небольшую главу внимательно, с остановками и размышлениями.

Адам познал Еву, жену свою... Ну, вы, конечно, догадались, что Богодухновенная книга использует весьма иносказательное выражение. Речь идет, как пишет энциклопедия, о «тениальном контакте двух индивидуумов с целью получения полового удовлетворения, а также для продолжения рода», т.е. о «койтусовке» или, попросту говоря, трахнул, наконец, Адам Еву. Наконец-то, парень понял, какого лешего, Господь даже без местной анестезии извлекал из него ребро!

... и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа. Вот те на! Адам пыхтел-тужился, а ребеночка-то Ева от Господа приобрела. Так, оказывается, первой-то непорочницей была не Дева Мария, а Ева! Эва, как дело-то оборачивается!

И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец... Опять же иносказание, в некотором роде, вернее использование архаизма. Вы привыкли, что пастырь – это в нашей русской церкви то же, что пастор у католиков. А пастор – это человек совершающий публичные проповеди и некоторые церковные таинства. Латинское *pastor* означает пастух, а заботится он о *пастве*, т.е. о стаде овец. (Церковь по сути дела признает, что она «пасет баранов» ☺). Так что, русский глагол пасти происходит от латинского корня.

а Каин был земледелец. Понятное дело, когда Каину было, скажем, лет 10-12 он уже мог держать в руках и лопату и грабли, а Авель же был помоложе

хотя бы на два-три года, ему только хворостину в руки, чтобы погонять овец с их мужьями баранами.

Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу... И на кой ляд были нужны бестелесному Господу эти фрукты-овощи? Я всегда недоумевал, зачем люди делали жертвоприношения бесплотным богам или деревянным истуканам, у которых ни рта, ни пищевода, ни - извините! - даже аннуса, или, говоря по-русски, даже жопы нет?

... и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. Не переживайте!

Вы думаете, что *тук* - это перегной или навоз? Нет-нет! Авель не осмелился бы одарить Господа овечьим говном! (Кстати, как же правильно писать: гОвно или гАвно?) Просто по-старославянски (ну, а вы-то нынче все "новые русские") *тук* означал *жир, сало*.

И призрел Господь на Авеля и на дар его... Нет, определенно, Авель говна Господу не подносил. Ведь Господь сотворил нас по образу своему и подобию, а среди нас говноедов нет.

... а на Каина и на дар его не призрел. Возможно, Господь был просто вегетарианцем.

Каин сильно огорчился, и поникло лице его.

И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твоё? Странно, странно, что такой милостивый и вездесущий не понял, что нельзя обижать людей пренебрегая их подарками. Прими, поблагодари, а пото можешь не использовать или даже выбросить потихоньку. Обратился бы за советом к любому психоаналитику... Ах да! Их тогда еще не было!

... если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? Господи, неужели непонятно? Каин-то доброе сделал, а Ты не оценил. Обидно мальчику!

... а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним. Ну, а эта сентенция совсем, как теперь говорит молодежь, "не в кассу"! Каин еще ничего плохого сделать не успел в своей жизни. Нравouchать в этой ситуации, по меньшей мере, бестактно...

И сказал Каин Авелю, брату своему. Что сказал старший младшему, так и осталось за кадром. Ответил ли Авель Каину что-либо неподобающее или хотя бы неподобающим тоном? Что, в конце концов, произошло? Что повлекло дальнейшее развитие событий?

И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. Вот-те хрен! Так ни с того, ни с сего взял и "восстал"? Прямо-таки какой-то исламский террорист- муджахидин!

И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Вот тебе хрен с морковкой! Это Вездесущий-то задает такие нелепые вопросы? Сам бы знать должен и без Каиновой подсказки.

Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? Ну, соврал парень сперепуту, понять можно. А по поводу сторожа он в каком-то смысле прав – это Господь всеобщий сторож.

И сказал: что ты сделал? Господи, ну, а это уже даже нечестно: сам сначала позволил убить брата – ведь даже «ни один волос не упадет с головы человека без соизволения на то Всевышнего» (Евангелие от Матфея). Уместнее было бы Тебе руку придержать неразумному Каину. Воистину «велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель»

(Откровение, гл. 15). Во всяком случае, дела Господа, если не чУдны, то уж наверняка чуднЫ!

... голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли... Так значит, вопрос к Каину был чисто риторическим? Кровушка-то Авелева вопила, наверное, с самого начала? Ведь Каин-то ничего Господу не сказал!

...и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. Что называется, приехали. Нет, чтобы посочувствовать Каину, попросить прощения: Извини, мол, Каинушка, недоглядел за тобой. Занят был по хозяйству: разрешал сложный междусобойчик между динозаврами, которых, в конце концов, пришлось заставить вымереть...

Нет же... Господь наказывает Каина, и наказывает жестоко, немилосердно.

И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно; вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. Ба-ба-ба!.. Кто же этот, «кто встретится»? На всей Земле-матушке всего три человека - Адам, Ева да Каин. Кто же встретиться может?

И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. Как говорится, *no comments*... Нечто новенькое в тогдашней юриспруденции: пожизненное наказание жизнью!

Потом идет нудное перечисление колен Каиновых. Но все же, заканчивая эту главу, хочется спросить: А за что же милостливый Господи проклял еще и семь колен Каиновых? А где же «сын не несет вины отца»? (*Книга Иезекииль*)

Кстати, откуда у Каина жена взялась? Вроде все ребра его целы... Правда, у Адама были еще и дочери, коих в то время за людей не считали. Может, Каин на сестре женился? Но тогда люди-человеки были бы обречены на генетическое вымирание...

Заканчивается эта глава опять е двусмысленностью по поводу рождения третьего сына у Адама и Евы.

И познал Адам еще жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф... Кстати в Коране имя его Шит. Как-то неблагозвучно звучит, неправда ли: Shit...

... потому что, говорила она, Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин.

Нет, здесь-то уж сказано с полной определенностью: «Бог положил мне другое семя!» Да и что другое могло быть? Когда родился Сиф-Шит, Адаму с Евой стукнуло уже по 800 годочков. Что мог Адам в свои 800? Большинство из нас "всего" в 80 или около имеем затруднения даже с мочеиспусканием... Нет-нет! Я не то имею в виду: захочется по-маленькому, залезешь в брюки, шарипь-шарипь, пока найдешь скукожившийся кусочек бывшей крайней плоти... А ведь раньше было! Ого-го!

Да и с Евой (представительницы прекрасного пола, не сердитесь на старого кощуна, please...) в её 800 лет... У нее уж вагина, наверное, напоминала больше всего допотопный иссохший пергаментный свиток... Тут, явно, без Духа Святаго было не обойтись!

Вот я тут ерничаю, а вы все же Библию почитайте! Как-никак, а она – одно из первых литературных творений Человека. Даже для того, чтобы быть «сознательным атеистом», нужно знать Библию. Да и вообще, по сути, без ВЕРЫ нельзя: каждому нужна вера, если не религиозная, то своя. Нужны свои моральные принципы, свое понимание мира. А главное, у любого Человека должна быть в сердце основная христианская заповедь: ***Возлюби ближнего, как самого себя*** (*Евангелие от Луки*), ***и твори добро людям.***

И даже не будучи верующим, каждый должен понимать, что, в конце концов, именно церковь (в первую очередь, христианская) явилась генератором искусства – литературы, живописи, музыки... А ведь без прекрасного жить нельзя!

Ну, а религиозный мистицизм, порой даже с налетом легкого мракобесия, простим – это «изержки производства».

НОСТАЛЬГИЯ

Мечта о Париже

Запарковав левитак – так назывался антигравитационный летательный аппарат, работавший на левитационных принципах – у балкона на 17-м этаже, Би-Кей приложил большой палец к сенсорному замку, раздался сигнал соответствия отпечатка, балконная дверь бесшумно сдвинулась, и он вошел в свое жилище. Дверь за ним так же бесшумно закрылась. Собственно, жилищем это помещение можно было назвать только с большой натяжкой – это был небольшим пустой куб. Та стена, которая незаметно спрятала в себя входную дверь, представляла собой огромный жидкокристаллический экран. На нем открывался чудесный вид на Париж с высоты птичьего полета. Картинка медленно плыла, будто это был вертолетный тур над городом: вот появился величественный Собор Парижской Богоматери, потом показалась будто шагающая куда-то Эйфелева башня, потом – как большая сахарная голова – несущаяся в небо Сакре Кёр... Эта парижская программа продолжала работать еще со вчерашнего вечера, когда уставший после тяжелого дня Би-Кей незаметно растворился во сне, а потом вскочил уже утром по третьему невыносимо-пронзительному звонку будильника – он уже опаздывал на работу. Стена так и осталась не выключенной...

Би-Кей был членом киберсоциума, он был одним из обитателей Земного киберпространства. Полное его имя было Би-Кей-6233214, а Би-Кей – это было его уменьшитель-

ное имя, которым его называли сослуживцы. Собственно, если бы не этот idiotский идентификационный номер, то звать бы нашего героя можно было просто Борис Крылов. Это был простой русский парень, потомственный компьютерщик, у которого и отец, и дед были тоже компьютерщиками.

Как и в каждом интеллигентном русском человеке, в нем жила непонятная тоска по Парижу. Он сам в нем не был ни разу, но много слышал о нем от отца, который был влюблен в Париж, хотя и он там никогда не был. Возможно, эта любовь была просто генетической. Из своей родословной, которая по традиции была по наследству передана ему после смерти отца, он узнал, что его прапрадед был известным ученым-механиком, академиком Российской Академии наук, а если заглянуть в историю поглубже, то можно было найти и пращура – графа Александра Крылова, который был одним из первых членов Петербургской академии еще в достославные времена Екатерины Великой.

Видимо, эти глубокие аристократические корни и таили в себе ту загадочную любовь к Парижу. Ведь было время, когда русские аристократы говорили по-французски даже лучше, чем на своем родном языке!

Би-Кей любил проводить свободное время, погружаясь в виртуальную жизнь Парижа... Но сегодня почему-то на душе у Би-Кея было муторно. Он не мог в себе разобраться, что-то было не так. Сегодня вид Парижа вызвал у него какое-то острое ностальгическое чувство, похожее на отчаяние... Он нажал одну из кнопок карманного пульта управления, и Париж на стенке погас.

Нажав другую кнопку, он выдвинул из стены стол и стул-консоль, принес из холодильника, утопленного в стене, какой-то твердый брикет и сосуд, похожий на заварочный чайник. Чайничек он поставил на электромагнитную конфорку, вмонтированную прямо в стол, и содержимое сосуда почти мгновенно дошло до нужной температуры. Он сел за стол и начал откусывать от брикета, запивая подогретым питательным бульоном. Брикет представлял собой хорошо перемолотую массу хлеба, мяса и овощей в соответствии с дневным рационом, а бульон был какой-то отвратительной мешаниной: куриный кубик в компоте из протертых сухофруктов.

Бр-р-р! Представляете себе такое? Но Би-Кей не знал, что это невкусно – ведь он не знал ничего другого с самого детства, с тех самых пор, как только начал осознавать себя: его всегда кормили только этой бурдой.

Полужинав, Би-Кей отнес одноразовую посудину в ящик для мусора, который размещался в стене около холодильника. Рядом с мусорным люком располагался люк пищепровода, по которому завтра утром ему будет доставлена новая ежедневная порция еды.

После ужина Би-Кей, воспользовавшись тем же карманным пультом, убрал обратно в стену столовый стол со стулом и выдвинул из соседней стены мягкое кресло с подлокотниками, в которое устало погрузил свое тело. Почему-то ему было очень плохо, в горле стоял ком, на глаза невольным наворачивались слёзы. Он вспомнил свое детство. Яркие картинки вспыхивали в его памяти, и он будто погрузился в свою прежнюю жизнь.

Детство и юность Би-Кея

Самые первые воспоминания Би-Кея – это детский интернат, похожий на гигантский аквариум: на внутренней территории, окруженной со всех четырех сторон непрозрачными стеклянными стенами, на которых ярко поблескивали ребра из нержавеющей стали, размещались песочницы для совсем маленьких, площадки для игр, бассейн-лягушатник, небольшой теннисный садик и плац для построений. Весь внутренний двор был покрыт огромнейшим прозрачным стеклянным колпаком, поэтому создавалось впечатление, что находишься под открытым небом.

Все окна в здании смотрели только во внутренний двор, внешние стены, хоть и были стеклянными, были абсолютно непрозрачны. Так и жили воспитанники интерната, как рыбки в аквариуме: это был весь их мир, ничего иного они не знали, а потому это «иное» им было и не нужно.

На первом этаже этого огромного здания находились учебные классы, на втором – пищеблоки, а на остальных этажах располагались воспитанники: на третьем этаже – трехлетки, на четвертом – четырехлетки и так далее до девятого этажа.

Воспитанники жили в маленьких комнатах, в которых стояли по две двухэтажных кровати. Правда, у совсем малышей все четыре кроватки стояли на полу – одна к одной.

Каждое утро проводилось построение воспитанников на плацу. Би-Кей помнил, как их, трехлетних малышей в униформах – мальчиков

в темно-синих костюмчиках, а девочек в темно-коричневых платьицах – выстраивали в несколько рядов на огромной, как тогда казалось Би-Кею, площадке.

Сколько там было детей? Би-Кею казалось, что их там было много-много. Он сам стоял не в первом ряду, а за ним было еще несколько шеренг. Перед строем детишек вышагивала воспитательница в голубом халате. Би-Кей до сих пор помнил пронзительный голос воспитательницы, которая каждое утро начинала со слов:

- Дети! Вы самые счастливые на этой земле! Каждый из вас будет самым счастливым кибером, потому что Паутина заботится о вас, а наш Великий Кибер-Бог благословляет каждый ваш шаг!

Да здравствует наш Суций! Да ведет нас наша славная Паутина всегда вперед! Ура-а-а!..

И все хором вторили ей, хотя еще и не понимали, что это за Бог такой и что это за Паутина...

После четырех лет жизни в дошкольном интернате, Би-Кея перевели в школу-интернат. Новый интернат мало чем отличался от предыдущего – разве что внутренний двор был побольше и стены повыше: ведь в нем учились дети от 7 до 15 лет. Да и на дворе вместо игровой площадки был стадион, вместо «лягушатника» – плавательный бассейн, а вместо садика – небольшая роцица с тропинками. А в остальном все было так же: аквариум с рыбками!

Он вспомнил своего первого, а впрочем, просто единственного школьного друга. Вообще, друзей, как таковых, ни у кого и не было: все

его сверстники жили в своем виртуальном мире, общаясь по компьютерной сети с интересным виртуальными партнерами. Зачастую – даже, пожалуй, в большинстве случаев – это были просто специальные программы, которые быстро схватывали интеллектуальный уровень и психологию собеседника и быстро к ним адаптировались. Каждый получал то, к чему он стремился. Общение комфортное, всегда вызывающее только положительные эмоции и к тому же ненавязчивое: хочешь общаться – общаешься, не хочешь – просто отключаешь партнера.

Впрочем, люди, по сути дела, всегда жили именно так, хотя общались и не с интеллектуальными роботами, а с себе подобными. Ведь и на самом деле, человек сам себе придумывает образ друга, супруга, врага... И почти все неприятности в жизни происходят именно из-за того, что возникает конфликт между выдуманным образом человека и реальным человеком. Разве не это всегда было причиной ссор, разводов и прочих конфликтов?

Но у Би-Кея все же был один друг, с которым было интересно поговорить и приятно помолчать. Все звали его Эм-Эл, но с Би-Кеем они общались по именам: настоящее имя у Эм-Эла было Марк Левитин. В школе учеников постоянно перетасовывали, переводя из класса в класс в соответствии с текущими успехами в учебе. Но Борис и Марк были так близки по структуре психики, по интересам и способностям, что большую часть времени они проводили в одних и тех же классах. Это еще больше цементировало их дружбу.

И после окончания школы, когда судьба – а в раннее, всзнающая и все контролирующая

Паутина – разбросала друзей в разные стороны, они продолжали достаточно регулярно общаться по видеофону. Но в принципе Паутина пресекала такого рода чисто человеческие общения: ведь там, где дружба – там единомыслие, а где единомыслие – там и бунт!

Паутина производила тщательный отбор школьников: каждому из них давали только те профессиональные навыки, которые наиболее соответствовали развитию и способностям каждого. Тем самым формировались киберы, наиболее полезные для Паутины. У каждой группы школьников была своя программа, свои профилирующие предметы. Вместе они встречались только на общих классах – освоение клавиатуры компьютеров, физкультура да на утренних построениях и общих собраниях Кибсомола.

На утренних построениях повторялось все то же, что Би-Кей слушал еще в трехлетнем возрасте. На плацу перед школьниками и школьницами все в тех же сине-коричневых формах некто в грязно-зеленой униформе изрекал те же слова:

- Киберы! Вы самые счастливые на этой земле! Каждый из вас самый счастливый кибер, потому что Паутина заботится о вас, а наш Великий Суций благословляет каждый ваш шаг!

Да здравствует наш Суций! Да ведет нас наша славная Паутина всегда вперед! Ура-а-а!..

И все хором с энтузиазмом, а кое-кто и со слезами на глазах, кричали в ответ громогласно «Ура-а-а!», хотя от частого повторения смысл произнесенного был совершенно потерян, осталась только привычка быть уверенным, что ты счастлив...

Би-Кей привычно раскрывал рот, хотя ничего и не произносил. Его молчание легко оставалось незамеченным. Он давно уже перестал восторгаться Паутиной и счастьем, которое она ему подарила. В нем постоянно жило какое-то неосознанное раздражение, близкое к прямому протесту, хотя он не мог свое отношение четко сформулировать. Однажды во время разговора с Эм-Элом он узнал, что и тот, оказывается, не орет здравицы на построениях. Это их сблизило еще больше: они договорились даже будучи на плацу, «слушать молчание друг друга».

Зная, что Паутина далеко не приветствует человеческое общение, они всячески скрывали свою дружбу, а иногда даже напоказ всем устраивали громкие ссоры и даже драки во время которых делали вид, что лупят друг друга буквально в ожесточении.

Эта имитация вражды помогла им избежать непреложного правила Паутины: разбеднивать всех, кто хоть как-то проявляет дружеские отношения друг к другу.

Потом жизнь разметала друзей, но они продолжали бурно общаться по видеофону и переписываться. Они быстро изобрели понятный только и язык общения, которому позавидовал бы сам Эзоп. У них не было никакой постоянной кодировки, они скорее чувствовали перестройку словаря. Пожалуй, то, что сохранялось – это была структура предложений, которая и была ключом для расшифровки совершенно, казалось бы, обычных бытовых фраз.

Нахлынувшие воспоминания становились все менее и менее четкими и даже сбивчивыми... Би-Кей закрыл глаза и воспоминания превратились в почти явные видения. Тело Би-

Кея становилось будто невесомым. Вскоре он заснул.

Теперь, когда Би-Кей спит, самое время рассказать о времени, в котором он жил и что же это была за Загадочная Паутина...

Как все это начиналось

Когда-то, а впрочем, совсем недавно — всего пару веков назад — человечество достигло потрясающего научного прогресса: сначала была создана Всемирная Компьютерная Паутина, версия «а», которая сокращенно называлась — ВКП(а), а затем улучшенная ее модификация — версия «б», или ВКП(б). Паутина посредством специальных программ, размещенных в центральном гипер-компьютере, управляла работой множества региональных и локальных компьютеров, которые обеспечивали бесперебойную и гармоничную работу промышленных предприятий и фермерских хозяйств.

Программисты продолжали усовершенствовать Паутину, разрабатывая все новые и новые программы, которые начинали постепенно выполнять все функции по организации работ и их координации. Вскоре появились программы, которые уже сами ставили перед обществом новые злободневные проблемы, а потом сами же и решали их. В результате отпала надобность в менеджерах и управленцах различных уровней. А вскоре оказалось, что и государственная администрация вовсе не нужна: управлять стало некем! Человечество совершенно естественно превратилось в сообщество свободных и равноправных индивидуумов. Наконец-то, люди были избавлены от волюнтаристского управления вождями и

президентами, которое привело к краху сначала замуштрованного социализма, а потом и общества «свободного рынка», которое из-за безмерной человеческой жадности стало приводить к лавине экономических кризисов.

Вскоре учеными были созданы саморазвивающиеся интеллектуальные Паутины, уже которые по сравнению с Человеком был не интеллект, а искусственный сверх-интеллект. Паутина как-то незаметно вторглась в сферу управления всей человеческой жизнью.

А Паутина продолжала развиваться и совершенствоваться, Вскоре Паутина вообще вырвалась из рук человека и зажила собственной жизнью. Паутина не только решала сложнейшие задачи, но и сама начала их формулировать. Создавалось даже впечатление, что Паутина знает лучше самого Человека, что тому нужно! По существу, все функции социального управления обществом оказались в руках Паутины, если только так можно сказать про нечто безрукое.

Люди ликовали – появилась Автоматизированная Паутина Управления Жизнью! Все делалось наилучшим из возможных способов, не стало ни коррумпированной государственной администрации, ни профессионально непригодных менеджеров.

Вскоре в виртуальном киберпространстве после всенародного голосования было объявлено, что наступила Эра Свободы, Равенства и Братства. На земле было провозглашено Великое Демократическое Сообщество Киберов.

Был вновь провозглашен давнишний принцип, который казался в свое время абсолютно несбыточным: «От каждого по способностям

– каждому по потребностям». Каждый человек занимал ту позицию в этом воистину утопическом обществе, где он мог бы реализовать все свои способности и приносить наибольшую возможную пользу Великому Сообществу.

При этом каждый трудящийся получал по потребностям. Однако, надо заметить, что потребности человека определялись не им самим, а той же Паутиной. Паутина определяла рацион питания, местожительства, время отдыха и отпусков. Если же кто-то даже и захотел бы чего-то большего по сравнению с другими, он этого получить все равно не мог: все было строго регламентировано. Но ведь так и должно быть в обществе равноправных людей!

Народ вышел на улицы всех городов планеты в стихийной демонстрации радости. Восторгу людскому не было предела. Национальные флаги сжигались ликующими толпами. Раздавались крики: «Да здравствует В.Д.С.К. – единая родина всех людей!» Люди со слезами на глазах обнимались на площадях и улицах, плясали день-деньской под грохот праздничных петард, со всех сторон слышны были выстрелы раскупориваемых бутылок с шампанским...

Поскольку Паутина выполняла все интеллектуальные функции, человеку осталась только чисто материальная сторона деятельности: добыча ископаемых, работа на заводах, перевозка грузов... Правда, существовала незначительная категория людей, которые занимались техническим и программным обслуживанием Паутины. Кроме того, одного интеллекта недостаточно, чтобы производить новые компьютеры и телекоммуникационные средства.

Люди, не заметив того, превратились в рабов Паутины. Многие были действительно счастливы, поскольку поверили, что они счастливы. Ведь всем известен давнишний каламбур: Хочешь быть счастливым – будь им!

Главным лозунгом Сообщества были простые донельзя слова: «Зачем мечтать о светлом завтра? Наслаждайся светлым сегодня!»

Однако для управления даже счастливым народом нужен не только пряник. Нужна моральная основа для управления и, если так можно выразиться, зомбирования людей. Паутина дошла до идеи создания Бога. Ведь Бог так нужен Человеку! Ведь большинство людей, как маленькие дети – им нужно чувствовать, что существует какой-то, скажем условно, какой-то Отец, который может защитить его от жизненных невзгод.

По запросу от «мозга» Паутины программисты разработали соответствующую программу, которая впитала в себя все позитивные стороны всех существовавших в прошлом религий. Естественно, что религия была единственной и наконец-то у людей был по-настоящему Единый Бог. У этого Бога не было ни имени, ни образа – это была Идея. Разрешено было лишь произносить слово «Сущий», если возникала какая-то чрезвычайная необходимость как-то называть Бога.

Когда программа Бога была создана, она была послана всем и каждому киберу в виде электронной Вечной Книги, которая начиналась с фразы: «В начале была Идея. И этой Идеей был Сущий...». Ядром Книги были Десять Заповедей:

1. - Сущий един и вечен;

2. - Идея Сущего всемогуща, ибо верна;
3. - Сущий вездесущ, всезнающ, всевидящ и всемогущ;
4. - Цель жизни каждого кибера – служение Сущему;
5. - Каждый кибер обязан чувствовать себя самым счастливым, ибо такова воля Сущего;
6. - Дружба двух киберов вне рамок производственной необходимости предосудительна, хотя и не наказуема.
7. - Совокупление двух разнополюх киберов возбраняется;
8. - Всякого лояльного кибера после смерти ждет вечная благодать;
9. - Всякое проявление нелояльности кибера к Паутине карается убиением;
10. - Всех неверных Идее Сущего ждет геенна огненная.

Словом, история повторилась: Паутина избрала путь, протоптанный людьми за многие столетия. И здесь Паутина наша; правильное решение – без веры человек трудно управляем. Прав был старик Вольтер, сказав: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать».

С созданием Сущего управление Паутиной сообществом киберов существенно упростилось: стало ненужным убеждать кого-то в необходимости сделать то-то и то-то, достаточно было объявить, что Сущий решил вот что.

Вскоре именем Сущего была внесена поправка в Седьмую Заповедь. Она теперь звучала так: «Совокупление двух разнополюх киберов жесточайше карается Паутиной десятилетний изоляцией без права электронной переписки». При этом была провозглашена Программа Сотворения Киберов. Было заявлено, что дарвиновская эволюция зашла в тупик: улучшение человеческого генотипа естественным путем идет очень медленно. Более того, наблюдаются даже рецессивные тенденции. Поэтому и концепция семьи, и процедура деторождения должны быть подвергнуты коренной переработке. Опять Паутина нашла в истории человечества прецеденты; она мало что изобрела нового вообще – она училась у человека!

Паутина предоставляла каждому киберу возможность выбора голографических образов партнеров: мужчинам – образы женщин, а женщинам – образы мужчин. Как только это было объявлено, мужчины и женщины ломались со своих компьютеров в Библиотеку Образов: каждый подбирал для себя подходящего партнера. Этим все не ограничивалось: выбранный образ можно было редактировать, частично меняя внешность, а также добавляя психологические черты и уровень интеллекта, выбирая соответствующие атрибуты из специальной базы данных. Так сформировывалась виртуальная семья. Все пары были счастливы так, как никогда не бывают счастливы обычные люди: не было ни ссор, ни утомления от партнера, ни ревности – ведь вся судьба виртуального партнера была в буквальном смысле в руках материального партнера. Ведь стоило нажать кнопку на пульте и виртуальный партнер пропал... Если же виртуальный партнер уж совсем надоедал, с ним можно

было даже официально развестись и получить разрешение на выбор нового. И никто при этом не страдал! Ведь материальный партнер этого хотел, а виртуальный... Ну, его ведь на самом деле не существовало – это была лишь фикция.

А как же дети, спросите вы? Ведь секса между материальным и виртуальным партнером не могло быть, а связи киберов-мужчин с киберами-женщинами карались Паутиной в соответствии с поправленной Седьмой Заповедью! Паутина позаботилась и об этом: каждому мужчине и каждой женщине были выданы мастурбаторы, которые воспроизводили все механические действия, сопутствующие половому акту. В мужских мастурбаторах устанавливались спермосборники, а в женских – приспособления, которые совершенно безболезненно извлекали яйцеклетки. Эти «сексо-продукты» консервировались и пересылались в Генетический Центр. Как вы понимаете, в Генотеке Центра осуществлялась селекция сексо-продуктов: для процесса воспроизводства отбирались лишь те, которые принадлежали киберам с выдающимися способностями и отличным здоровьем. Сперматозоиды и яйцеклетки «посредственных» родителей просто уничтожались в микрокрематории Генетического Центра. После искусственного оплодотворения отселектированные яйцеклетки поступали для прохождения дальнейшего развития в специальный инкубатор. Так осуществлялся сверхрасовый отбор.

Все было просто и очень разумно: ведь люди были Паутиной превращены в обычные «исполнительные элементы», которые поддерживали ее материальную «плоть», и развивали «мозги», а коли так, то эти элементы должны быть от-

борными, самыми лучшими с точки зрения служения Паутине.

Подрастающие дети получали не только человеческие имена, связанные с их биологическими родителями, что было необходимо для прослеживания индивидуальной генеалогии, но и буквенно-цифровые идентификационные коды, которые отражали их основные физико-психологические и интеллектуальные параметры.

Сами же биологические родители ребенка не имели ни малейшего представления друг о друге. Понятно, что в результате такого «виртуального группового секса» у одного отца могли быть дети от нескольких биологических жен, а у одной матери – от разных биологических мужей. В то же время каждый из них оставался верен своему виртуальному голографическому партнеру: ведь секс между виртуальной парой проходил через мастурбатор, снабженный чертами именно голографического образа.

Паутина была по своему гуманна: каждому из биологических родителей сообщалось о рождении у них ребенка и даже давалась возможность регулярно общаться с ребенком по видеofону, после достижения им двенадцати лет. Паутина считала, что такое общение может оказать положительный эффект на воспитание нового поколения киберов. Кроме того, по достижении «квази-совершеннолетия», дети получали полное генеалогическое дерево каждого из своих биологических родителей. Эти деревья иногда уходили корнями своими на сотни лет в прошлое. Получалась довольно парадоксальная ситуация: не зная лично своих родителей, дети могли знать очень многое о всех своих предках. При желании каждый мог «лазать по своим ге-

неалогическим деревьям» сколько его душе заблагорассудится. Хотя надо признать, что с годами такого естественного киберотбора многие киберы становились настолько зазомбированы, что даже общение со своими биологическими родителями они воспринимали просто как неизбежную обязательную процедуру, не более того.

Паутина вообще вела методичную целенаправленную работу по зомбированию киберов – перемещение их по территории Земли было ограничено: они перемещались только на лавитаках, а те были должным образом запрограммированы только на определенные маршруты типа работа-дом-госпиталь-магазин. Музеи искусств и концертные залы были закрыты, их заменили электронные сайты, на которых все можно было получить по запросу. Конечно и качество звучания музыки, и качество картин было изумительным, но... электронным. Театры давно уже пропали с лица земли, а по телевидению показывали либо откровенные агитки, либо бездарные отупляющие сериалы. Почему-то еще сохранились библиотеки с книгами: родители многих киберов во время бесед со своими детьми передавали из поколения в поколение свою любовь к настоящим книгам. Дело в том, что электронные книги подвергались автоматическому редактированию, которое приводило порой буквально к бесстыдному осклоплению литературных произведений...

Когда киберу приходило время умирать, им начинала заниматься Служба Эвтаназии, которую сокращенно называли ЖДУТ, что расшифровывалось, как «Жить Достойно и Умереть Тоже». Умиравшего кибера усыпляли и от-

возили в Центральный Крематорий «Врата к Сущему».

В Великом Сообществе все были счастливы. И на самом деле, что такое счастье? Ведь это состояния души, а не состояния реального мира, в котором живет человек. Кто-то бывает несчастен, обладая почти всем – хорошей семьей, интересной работой, отличными условиями жизни. А другой может быть счастлив, имея всего лишь кусок хлеба и влача, по мнению других, жалкое существование. Киберам же с пеленок внушали, что они счастливые, самые счастливые, что они, наконец, достигли той жизни, о которой мечтали многие поколения их предков.

Общение Би-Кея с отцом

Когда Би-Кей закончил начальную школу и был переведен в среднюю школу, он получил доступ к видефонному общению со своими биологическими родителями.

Ему прежде всего сообщили, что его мать погибла, когда ему не было еще и четырех лет. Она летела со службы домой, ее левитак по невыясненным причинам, как было написано в официальном заключении о причинах гибели, вдруг изменил курс полета, потом потерял левитационные свойства и грохнулся на огромную бетонированную площадку в центре которой возвышалась стела «Сущий – сущ!» в виде огромной стилизованной ладони, устремленной в небо.

Левитак упавший с такой высоты, расплющился, как консервная банка под гусеницами танка. Даже останков матери Би-Кея не уда-

лось найти, поэтому нечего было даже хоронить...

Би-Кею, согласно протоколу, выдали личные файлы матери вместе с генеалогическим деревом его предков по материнской линии.

Отец Би-Кея был жив, и им разрешили ежедневные двадцатиминутные сеансы-свидания через видефон. Между отцом и сыном сразу же завязалось бурное общение.

Би-Кей как-то сразу же полюбил своего отца: все произошло так, будто они были давным-давно знакомы и просто встретились после долгой разлуки. Это был добрый, интеллигентный человек, с большими залысынами и с какими-то вдохновенно-лучистыми глазами.. Он очень много рассказывал сыну о своей жизни, помогал разобраться ему в особенностях Паутины, в которой они жили. Он же научил Би-Кея некоторым тайнам их общего ремесла – оба они были программистами.

Отец привил сыну и любовь к прекрасному: он читал ему стихи, показывал свои альбомы с репродукциями картин замечательных художников прошлого, открыл ему мир классической музыки... Он посоветовал Би-Кею побольше читать, ибо именно в книгах можно найти то, что позволит сохранить в себе Человека.

Они могли беседовать часами, им было интересно узнавать друг о друге буквально всё. Отец многое рассказал сыну о себе, о прошлой жизни людей, об устройстве мира. Он рассказал Би-Кею, как много в свое время дошло до него через общение с его родителями, а потом и из их личных файлов.

Отец Би-Кей был не просто хорошим программистом, он был еще и первоклассным хакером. Он сумел взломать видеофонную Паутину и зациклить счетчик времени разговора таким образом, что после того, как проходили 18 минут разговора, счетчик времени сбрасывался на ноль и отсчет времени опять шел с начала.

Вот и сегодня, вернувшись домой с работы Би-Кей сразу же включил видеофон, где его уже ждал отец – он жил где-то в другой часовой зоне, поэтому освобождался раньше своего сына.

- Привет, папа!

- Привет, сынок! Ну, не случилось ли сегодня чего-нибудь интересенького на работе?

- А что может случиться с человеком, который должен быть счастливым по определению? – Расплывшись в улыбке, ответил Би-Кей.

- Боря, кстати – хотя не знаю, почему «кстати»? – ты не расскажешь мне, как выглядит твоя биологическая мать? Знаю, что такие вопросы запрещены Паутиной, но я решил тебя об этом спросить... Не бойся, я выключил электронную прослушку разговоров, мы можем поговорить без опаски.

- У меня есть только ее фотографии – она ведь погибла больше десяти лет назад.

- Погибла? Значит мы с тобой единственные родные люди на этой перенаселенной земле?

- Видимо, так... Вот ее фотографии, - сказал Би-Кей, показывая отцу фотоальбом матери.

- Красивая женщина... И, видимо, очень умная...

- Да, она была одним из ведущих программистов в Центре Эвтаназии. У нее и родители были программистами. Поэтому они и ее называли в честь первой программистки.

- Значит, ее звали Ада?

- Откуда ты ее знаешь? Или ты как-то догадался?

- Нет, сынок, я просто немножко знаю историю... Дело в том, что первой в мире программисткой была Ада Лавлейс, дочь великого поэта Джорджа Байрона...

- Байрона? Кто он был?

- Прости я тебе успел пока рассказать только о русских поэтах. А Байрон жил в Англии, почти тогда же, когда жил и наш Пушкин. Ты знаешь, что после моей смерти все мои личные файлы станут твоей собственностью. У меня есть и стихи Байрона. Обязательно прочти их, сын.

- Обязательно, папа. Но все же я хочу, чтобы эта возможность у меня появилась как можно позже. – Грустно-иронично ответил Бикей. – Папа, а что ты еще посоветовал бы мне почитать? Я бы тогда знал, что мне потом передать мои детям...

- Знаешь, сын, надо понять, кто ты, узнать себя, не терять себя. То, что произошло со мной, с тобой – это страшнее любой антиутопии...

- Антиутопии? А что это такое? Я слышал только про утопии...

- Утопия – это видение доброго будущего, а антиутопия – это наоборот. У меня есть сохранившиеся еще от моего деда файлы трех за-

мечательных книг – самой первой антиутопии «Железная Пята» Джека Лондона...

- Да, я помню, мы в школе проходили «Белый клык»! А это о чем?

- Ну, знаешь... Как тебе сказать? Это об ужасе власти олигархов, которым дела нет до человека вообще. Дело там происходит в 27-м веке...

- Это даже для нас в будущем?..

- Да, сынок. А потом появился наш русский Евгений Замятин с его «Мь»...

- А это тоже...

- Да, тоже. И там действие происходит вообще аж в 29-м веке... И знаешь, удивительно, в этом романе-антиутопии у людей тоже вместо имен были кодовые номера... Эта книга тоже о страхе перед тоталитарным человеческим обществом. А потом был еще роман Джорджа Оруэлла «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый»... А потом еще и Рэй с его книгой «451 градус по Фаренгейту».

Обязательно прочитай эти книги. Ты тогда многое поймешь о нашей жизни сейчас... Хотя то, что сейчас гораздо страшнее – нет врага, с которым надо бороться... Всемирная Паутина, действительно, опутала нас... Без компьютера Человек стал беспомощен: с одной стороны, компьютер нужен нам, как воздух, а с другой стороны, он затягивает нас, как наркотик...

Когда ты получишь мои личные файлы, не выбрасывай то, что тебе покажется совсем неинтересным по названию. Дело в том, что я

назвал файлы так, чтобы Полиция Нравов не поняла их суть. Кстати, в моих файлах как раз у антиутопии Джека Лондона стоит название «Белый клык». У остальных антиутопий тоже безобидные названия типа «Двадцать лет спустя» вместо «1984» или «Цыпленок жареный» вместо «451 градус по Фаренгейту».

- А как же эти писатели могли додуматься до такого? Ведь тогда еще не было компьютеров...

- Да, компьютеров не было... Но люди и сами придумывали мерзости не лучше нынешних! Когда во главе плохой человеческой Системы вставали мерзкие главари, тогда появлялись и концентрационные лагеря, и газовые камеры, где убивали живых людей...

Самое страшное, сынок, это когда кто-то решит сделать тебя счастливым! Тогда ради светлого завтра заставляют людей жить во мрачном сегодня. Но все же фашизма кибернетического тогда и помыслить не могли! И там люди могли бороться против людей. А как бороться с Паутиной, которая одновременно и есть, и нет...

Да, с людьми трудно бороться, но хоть понятно, как. А как бороться с Паутиной? Ведь она бесплотна... Ее мотивы непонятны, а потому она и трудно уязвима.

- Да, папа, как-то все это печально...

- Кстати, о печальном... А ты знаешь, как погибла твоя мама?

- Да. Она погибла в левитационной катастрофе...

- Как, как?.. – Взволнованно спросил отец.

- Она летела с работы домой и ее левитак почему-то сбился с курса, а потом потерял антигравитационные свойства и разбился на какой-то площади с высоченной стелой в виде руки.

- Не может быть... Не может быть... Она не погибла, ее убили... Но сынок, я уверен, что ты можешь гордиться своей матерью – ведь так гибнут те, кто не отказался от попыток бороться с Паутиной...

- Почему ты так думаешь, папа?

- Я работаю в Центре Управления Воздушным Движением... Это я разработывал программу «Последний полет». Эта программа автоматически включается у левитака того, кого Паутина... – Тут отец Би-Кея до крови прикусил губу, на глазах его навернулись слезы, и он замолчал.

- Папа, не казни себя! Ведь мы все не в праве выбирать, что делать, а чего не делать. И если бы эту программу сделал не ты, то сделал бы кто-то другой...

- Нет, нет, сынок... Ты не прав. Каждый ответственен за содеянное зло, даже если он делал это под угрозой смерти...

- А ты что делаешь, сынок? – после некоторой паузы спросил Би-Кея отец.

- Я? Наверное, тоже какие-нибудь ужасные вещи. Я работаю в Научно-полицейском Бюро... И мы как раз поддерживаем и совершенствуем программу «Правое Дело», которая

проверяет семантический спектр разговоров киберов на предмет анти-Паутиной крамолы...

- Да-а-а, сын... Смертельно грешны те, кто составляет списки жертв репрессий, но грешны и те, кто покорно и бессловесно приводит приговор в исполнение. И, к сожалению, мы с тобой работаем на эту бесчеловечную Паутину. Хотя ты и прав – мы бессильны что-либо сделать... Ведь бороться не с кем!

Воссоздание Образа отца

Недолго продолжалось счастье общения отца и сына... Отец Би-Кей ушел из жизни, будучи совсем еще не старым человеком – ему едва перевалило за пятьдесят. Собственно, он не ушел, а его «забрали».

Он как-то почувствовал себя плохо, сел в свой левитак и на автопилоте слетал в госпиталь, там его немного полечили, дали лекарства, но кардинальных перемен со здоровьем не произошло... Правда, общаясь с сыном, он оставался, как всегда бодрым, ироничным и настроен был весьма оптимистически. Он продолжал ходить на работу, делился с сыном своими очередными находками – а он делал много нелегальных вещей, которые помогали оставаться человеком в этом бесчеловечном зомбированном мире.

Однажды, прилетев с работы, Би-Кей нашел в электронном почтовом ящике уведомление, что отец его умер при неизвестных обстоятельствах, а посему Би-Кей может получить причитающееся ему наследство: личные файлы своего биологического отца.

Би-Кей тяжело переживал кончину отца, но потом взял себя в руки и решил воскресить

отца. Пусть не по-настоящему, не для всех, но хотя бы для себя.

Будучи отменным хакером, Би-Кей взломал Библиотеку Образов и скачал оттуда образ мужчины средних лет, напоминающего внешне его отца. Воспользовавшись полученными фотоархивами отца, он откорректировал голографический образ до уровня полного сходства со своим отцом. В архиве отца он нашел огромный файл «История жизни и смерти кибера, написанная им самим». Это был по сути дневник всей жизни его отца, в котором тот умудрился даже предсказать, какой смертью он умрет. Именно отсюда Би-Кей черпал все новые и новые психологические и интеллектуальные черты своего отца и вносил их в создаваемую им программу «Образ Отца». Компьютерная модель отца уже сравнительно хорошо работала: она адекватно реагировала на различные жизненные ситуации, могла задавать вопросы и сама отвечать на некоторые вопросы, которые касались уже введенных в модель данных.

Вскоре программа заработала в полную силу. В один из дней Би-Кей провел последний проверочный тест и вызвал голографический образ отца. Когда отец, как привидение появился в кубике Би-Кея, тот от неожиданности даже вздрогнул, хотя ждал этого момента и все знал заранее. Голографический образ в полный рост производил гораздо большее впечатление, чем стереоскопический образ в видеофоне: фигура в полный рост, свободное перемещение в пространстве, голос не «телефонный», а почти натуральный.

Отец посмотрел на Би-Кея, будто они только вчера расстались.

- Ну что, сынок... Не задумывался ли ты о своей жизни? Нет, не о смысле жизни. Смысл жизни лишь в самой жизни. Нет, я о том, что есть твоя жизнь?

Би-Кей будто проснулся от какого-то ледяного сна.

- Но, папа... А разве жизнь... А как еще можно жить иначе?..

- Ты смог открыть мои файлы? Те, про которые я тебе однажды говорил? Я имею в виду Лондона, Замятина, Оруэлла и Брэдбери? Вспомни, как герои этих романов боролись со злом Системы. Да, их Система была другой. С людьми бороться проще, чем с бездушной Паутиной. Но не сдавайся, ищи пути хотя бы как-то уйти из нее.

- Но как, папа? Ведь весь мир опутан Паутиной, а на левитаке далеко не улетишь...

- Я знаю, что ты много смотришь про жизнь в парижском заповеднике... Разве ты не хотел бы быть одним из тех, кто живет там?

- А разве это настоящее? Разве это не электронная виртуальная поделка реальности?

- Нет, это настоящий мир. Когда-то мой старший друг, который и научил меня не любить Паутину, сохранил несколько оазисов настоящей жизни. Когда Паутина заказала группе программистов, которой руководил мой друг, создать «негативный образ жизни вне Всемирного Сообщества Киберов», он предложил гениальное решение. Он предложил построить непроницаемые электро-гравитационные купола, которые покрывали бы несколько реальных земных зон: зону Амазонской сельвы, зону Байкала, Париж с его окрестностями, а также Иерусалим.

Наблюдая жизнь в этих зонах-резервациях, киберы поняли бы, насколько они счастливы и насколько несчастливы люди, живущие вне Паутины.

- Но ведь там люди, действительно, и голодают, и ссорятся, и даже убивают друг друга...

- Да, это одна из сторон жизни. Но только одна! Да у них случаются несчастья, но зато они знают, что такое счастье! Они живут, а не служат этой бездушной Паутине... На самом деле тот мой друг и предложил свой проект только из-за того, что он ненавидел рабскую жизнь в Паутине, которая была провозглашена долгожданной свободой. Он хотел сохранить обычную человеческую жизнь...

Би-Кей молчал, глядя на образ отца. Вдруг образ пропал. Видимо, это был сбой в программе... Хотя вполне возможно, что Паутина обнаружила работу несанкционированной программы и заблокировала ее. Би-Кей проверил свою систему защиты от киберпространства и убедился, что ничего страшного не произошло. Видимо, какая-то ошибка в его собственной программе. Он повозился немного с программой, и вскоре его отец появился вновь.

- Так на чем я остановился? Ах, да! Мы говорили про счастье. Сынок, перечитай мою библиотеку. Ты многое поймешь в жизни: поймешь, что такое любовь, что такое грусть и радость. Ты поймешь и что такое горе – ведь человек, не познавший горя, не понимает, что такое счастье и радость. Не зная тьмы, нельзя понять свет. Не зная холода, не поймешь, что такое тепло. Вся наша жизнь – это сплошные контрасты...

- Ну, про любовь, папа, я и не думаю... Придет время, и когда захочется, я закажу себе голографическую девушку...

- Почитай, сынок, почитай, что я тебе оставил. Ты поймешь, – сказал отец, расплывшись в улыбке, – что голая девушка лучше голографической! А потом, зачем тебе нужен этот «доильный аппарат»?

- Но, папа, если бы у тебя не было, как ты говоришь, «доильного аппарата», то как бы на свет появился я?

- Ты прав, ты, конечно же, прав сын мой! Но ведь ты и сам, наверное, хорошо понимаешь, что все, чем ты живешь – это суррогат... Разве не лучше было бы, если ты с момента рождения имел отца и мать, которые тебя любили бы, чтобы у тебя были братья и сестры, чтобы ты видел своих бабушек и дедушек, чтобы они обогревали тебя теплом своей любви? А так ты знаешь только лишь их расположение на своем генеалогическом дереве!

- Но что же делать, отец?

- Постарайся посмотреть на окружающий мир иными глазами, не глазами кибера. Представь себе, что вокруг тебя обычные люди. Посмотри, может не все они разучились любить, радоваться и огорчаться?

- Ладно, папа...

- А кстати, давно ли ты общался со своим старинным другом Марком? Вот ведь он – нормальный человек, правда? Поговори с ним. Может, и он тебе чем-то сможет помочь... А еще лучше – постарайся найти настоящего живого человека ядом с собой. Общение с живыми людьми – это то, ради чего стоит жить челове-

ку... Не зря же в старые времена самым страшным наказанием было заточение в одиночную камеру, изоляция от всего окружающего мира... Ну, ложись спать, сынок, тебе ведь завтра с утра на работу.

Пожелав в ответ спокойной ночи и отцу, Би-Кей нажал кнопку пульта, вызвал из стены спальную полку, напоминавшую полку в мягком вагоне поезда, затем вызвал на стене-экране закатное небо с мерно поблескивавшими звездами и будто улыбающимся серпом полумесяца, включил кондиционер из которого совершенно бесшумно подул легкий освежающий морской бриз, и лег. Сон долго не шел к Би-Кею: ему долго еще в темноте чудилось незримое присутствие его отца...

Встреча с Дианой

Утром по звонку Би-Кей встал, оделся, позавтракал очередным хлебообразным брикетом, запивая его все той же бодрящей горячей жидкостью, сел в свой левитак и полетел на работу, включив автопилот.

Научно-Полицейское Бюро, в котором работал Би-Кей, было расположено в чудом сохранившейся зеленой зоне около мегаполиса, заставленного однообразными уродливыми домами-аквариумами, зловецом сверкавшими никелем и тонированным стеклом. Задача работников НПБ состояла в разработке и эксплуатации систем слежения за киберами, систем прослушивания разговоров и оценки степени лояльности киберов по отношению к Паутине.

В том же Конструкторском Бюро вместе с Би-Кеем работало довольно много других ки-

беров – мужчин и женщин. Все киберы были предельно вежливы, источали фальшивые улыбки, здороваясь с коллегами, но ни у кого не возникало даже желания заговорить с другим. Тому на самом деле было две причины: основной, конечно, было то, что киберы привыкли жить в виртуальном мире и не нуждались вовсе в реальном, а второй была боязнь сказать что-нибудь не то или даже просто сказать что-нибудь, что Паутина сможет истолковать как нелояльность. Сотрудники НПБ особенно хорошо понимали это.

Би-Кей не покидало какое-то тревожно-сумеречное настроение после вчерашнего разговора с Образом Отца. Он был рассеян, мысли его покинули обычное русло. Он еще в левитаке отключил Систему Текущей Информации, которая была заполнена сводками о трудовых успехах киберов и глупыми набившими оскомину лозунгами, и наслаждался «информационной тишиной». Это было запрещено Кодексом Строителей Светлого Сегодня, но Би-Кей не зря считался асом своего дела: он составил программу имитации «нормального поведения» и запустил ее через свой карманный пульт. По этой программе во внешний мир передавались сигналы, которые имитировали подключение Би-Кей к информационному вещанию.

Би-Кей вспомнил совет Образа Отца – оглядеться вокруг свежим взглядом. Первое, что его буквально пронзило, был ужас от осознания окружающей жизни. Он вдруг увидел всю эту, казавшуюся ему прекрасной, жизнь как бы снаружи, посмотрев и на самого себя со стороны. Что это? Что с ним? Неужели он живет такой одинокий и никому ненужный в этом странном мире, в котором существуют миллиарды других таких же

одиноких людей? И ведь все, чем они живут – выдуманно, пусть даже и для их собственной пользы. Да что такое польза? Ничего не хотеть, а потому ни в чем не нуждаться? Поглощать ежедневно эти питательные брикеты? Ишачить на работе, выполняя инструкции, поступавшие от «мозга» Паутины? Общаться с виртуальной женщиной? По вечерам жить в плену нелепых телевизионных передач?

Сев за свой рабочий стол, Би-Кей осмотрелся по сторонам. Глядя на все новыми глазами, он увидел многое. В соседнем кубике слева через матовое стекло он увидел пожилого уже человека, вперившегося почти безумными глазами в экран монитора. Сосед справа судорожно стучал по клавишам клавиатуры, будто исполняя какой-нибудь виртуозный фортепьянный пассаж. Би-Кей поймал себя на мысли, что он работал с этими людьми довольно долго и вот только сейчас впервые обратил на них внимание! Он слегка откинулся на своем стуле и заглянул в проход между кубиками. В кабинке нансокос сидела в полуобороте к нему молодая девушка. Би-Кей даже удивился, почему же он раньше ее никогда не обращал на нее внимания. Девушка, почувствовав на себе пристальный взгляд, повернула голову и, встретив взгляд Би-Кея, слегка улыбнулась. Она оказалась весьма привлекательной особой: очень красивое умное лицо с яркими глазами, выразившими будто некое удивление, прекрасная фигура и удивительно грациозные движения. У Би-Кея непривычно защемило в груди, он встал и решительно подошел к девушке. Та вопросительно подняла на него свои глаза.

- Здравствуйте... Извините... Я не знаю, как это получилось... Как-то само. Ну, в общем, меня зовут Би-Кей.

- А я – Ди-Эн, очень приятно. – И она протянула ему свою руку. Би-Кей осторожно пожал ее протянутую руку, задержав рукопожатие. Ди-Эн не сделала попытки высвободить свою руку.

- Я хотел... Извините... Ди-Эн, давайте сегодня пообедаем вместе?

- Это как?

- Ну, сядем за один стол в нашей столовке, поговорим...

- Хорошо... А что-то случилось?

- Не знаю... Возможно... Я попытаюсь вам все объяснить, если, конечно, мне это удастся. – Би-Кей смущенно ответил на вопрос Ди-Эн, почувствовав, что кровь прилила к его ушам. Он наконец догадался отпустить девичью руку.

- Хорошо. – Сказала Ди-Эн и в ответ очень мило улыбнулась.

Би-Кей вернулся в свой кубик, а Ди-Эн опять занялась своей работой.

Когда настало время обеда, Ди-Эн подошла к Би-Кею.

- Ну, пошли?

Би-Кей очнулся, будто спросонья: он погрузился в свою программы и, честно говоря, уже забыл о назначенном свидании. Он вскочил со своего стула, заблокировал компьютер от несанкционированного доступа, взял висевшую на спинке стула легкую курточку, и они пошли в столовую.

После почти совершенно молчаливого обеда, Ки-Бей предложил Ди-Эн немного прогуляться по аллеям парка возле столовой. Светило солнце, дул легкий по-весеннему прохладный ветерок, среди зеленых ветвей щебетали какие-то пичужки.

- Би-Кей, давай «на ты», ладно?

- Конечно Ди-Эн! Как это я сам не догадался предложить это. А давай еще называть друг друга не по номерам, а простыми человеческими именами, хорошо? Меня зовут Борис, Борис Крылов.

- Борис... – Повторила она, сделав ударение на первом слогe. – Красивое имя... А меня зовут Диана. Моя фамилия – Николсон.

- Очень красивое имя! И оно тебе очень идет.

- Почему?

- Ну, ведь Диана была древнегреческой богиней женственности.

- Спасибо... Очень тонкий комплимент.

Они не спеша шли по одной из аллеек небольшого парка. Это было так необычно – простое человеческое общение, а не посылка емейла или разговор по видеofону.

- Знаешь, ты как-то попал в точку, – начала Диана, – у меня сегодня минорное настроение и хочется чего-нибудь человеческого. Может, из-за того, что я вчера вечером слушала Третий концерт Рахманинова для фортепьяно...

- Как? Ты тоже любишь Рахманинова?

- Да... Этот концерт был любимой вещью моей мамы... Почти при каждой видеoteлефон-

ной встрече она непременно говорила со мной на фоне этой изумительной вешки...

- И у меня Рахманинов любимый... А его «Вокализ»? Чудо! А еще я люблю концерт Грига... – Тут Борис вдруг сказал: Диана, дай мне на минутку твой пульт.

Она без вопросов дала ему свой карманный пульт, Борис достал свой пульт, поколдовал с обоими, а потом вернул Диане ее пульт со словами:

-Извини, я немножко хакер. Я заблокировал на наших пультах программу «Правое Дело», теперь мы можем спокойно говорить о чем угодно и Паутина ничего не узнает.

- Ловко ты все сделал!

Некоторое время они шли молча, потом Диана заговорила опять:

- Да... Интересно получается: работаем бок о бок столько времени, а не знали друг друга. Знаешь, ты для меня интереснее моего виртуального мужа, которого я ведь так тщательно лепила, прямо как Пигмалион Галатею...

- Наверное, это оттого, что в твоём муже для тебя нет никакой загадки: ты сама его спроектировала. Я наверное, именно по этому не завел себе жену: что толку, если я сделаю себе второго «я»?

- Наверное, ты прав... Но ведь иначе человек обречен на вечное одиночество.

- Нет, почему же. Я вот вчера разговаривал с голографическим образом моего отца...

- Как? Ведь Паутина разрешает иметь только голографический образ супруга. Как тебе удалось? Ах, да! Если ты хакер, то я, как говорят,

свой вопрос снимаю. – И она опять улыбнулась своей завораживающей улыбкой.

- Так вот, мой отец заронил в мою душу сомнение: счастье ли то, как мы живем? – Продолжал Борис. – Нам вдалбливают с пеленок, что это счастье, но как кто-то со стороны может оценить, счастлив ли другой человек.

- Да, твой отец, видимо, прав...

- Он задал мне такую загадку, такой вопрос, на который у меня нет ответов...

- Интересно, – перебила его Диана, – как тебе удалось запрограммировать образ своего отца так, что он оказался загадочным для тебя?

- А очень просто: я вводил данные и параметры из его личных файлов из его дневников, отключив стандартные психологические и интеллектуальные фильтры.

- Но ведь этого нельзя делать! Это же карается Паутиной!

- Я нашел защиту: я создал имитаторы нормального поведения, которые вводят в заблуждение программы-мониторы, контролирующие наше поведение... Хочешь, приходи сегодня ко мне в гости? Прямо после работы полетим ко мне, давай? Я познакомлю тебя со своим отцом.

- Хорошо, идёт! Ты меня заинтриговал. Встречаемся у супермаркета: надо будет захватить хотя бы по бутылочке фруктового сока, а то этот ежедневный вечерний напиток уже поднадоел, да от него еще и тупеешь как-то...

* * *

После работы они вышли на улицу, распроцались, сделав вид, что каждый летит по своим делам. Эта предосторожность была необ-

ходима, поскольку среди киберов была категория верноподданных «стукачей». Так что в Великом Демократическом Сообществе лучше было быть всегда начеку.

Встретившись, как было условлено, Борис и Диана полетели к огромному дому-аквариуму, в котором жил Борис. Когда они вошли в его жилище, Ди-Эн сказала:

- Все же это противно: к кому ни приди – всё одно и то же... Стекланный кубик со стенами-экранами. Все похоже, как две капли воды.

Борис нажал кнопку пульта и из стены плавно выехал стол и консольная скамеечка. Борис и Диана сели за стол, открыли бутылочки и начали потягивать сок через соломинки.

- Диана, сейчас я вызову Образ Отца, хорошо?

- Конечно... А как *это*? – Ответила она, указывая большим пальцем куда-то себе за спину. Помнишь, как писали в старых книгах: «И у стен есть уши»...

- Не бойся, я отключил и «глаза» и «уши». Я разработал несколько программ-имитаторов. Одна из них, в частности, имитирует тишину в комнате, поэтому мы можем свободно говорить обо всем.

- Ну, слава богу... – Произнесла Диана.

- Слава Кибер-Богу! – Ухмыльнулся Борис.

Потом, нажав свой карманный пульт, он вызвал Образ Отца.

- Привет, сынок! – Сказал отец. – Ты, я вижу, не один? Познакомь меня со своей подругой.

- Папа, это Диана, мы работаем вместе.

- Здравствуй, Диана! Меня зовут Александр Борисович.

- Здравствуйте! Очень приятно. Я – Диана.

- Ну, сынок, я не буду мешать: у нас с тобой ведь впереди вечность! – Тут он, хитро ухмыльнувшись, сказал: Помнишь, в моем романе-дневнике есть фраза «Пока я жив – я бессмертен»? А уж теперь-то я, и на самом деле, бессмертен. Так, что до завтра! Желаю вам хорошо провести время!

После этих слов Образ Отца растворился в воздухе.

-Борис, зачем ты отключил программу? Это было так интересно - поговорить с добрым и, наверное, умным человеком...

- Я ничего не отключал. Просто я сделал такую программу, что отец совсем, как живой: он может спорить, делает, что захочет, он может грустить и радоваться...

- Как ты этого достиг? Ведь в Библиотеке образов нельзя заказать никаких отрицательных эмоций для образа супруга.

- Я ж тебе сказал, что я и не пользовался Библиотекой, я ввел все данные из архивов самого отца. Он только лишь бесплотный, но в остальном – это мой настоящий отец, каким он был, когда был жив.

- Значит, это что-то вроде души?..

- Называй, как хочешь. А что такое душа? Вот говорят душа – это то, что живет после смерти. Но после смерти жизни нет...

- А как же загробная жизнь?

- А кто про нее знает? Кто докажет, что она есть? Хотя... Я вот тоже не могу доказать, что ее нет. Я просто в это не верю. Но «верю – не верю» – это слабые аргументы... Это не аргументы вообще. По-моему, после смерти человек остается жить в сердцах и умах тех, кто их вспоминает, но он потом и умирает вместе с тем, кто его помнил.

Помолчав, Диана сказала:

- Борис, мне пора домой, а то Паутина обнаружит, что я слишком долго отсутствую...

- Хорошо, Диана, как-нибудь мы после работы залетим к тебе и я заблокирую все эти шпионские датчики, чтобы ты могла спокойно распоряжаться своим свободным временем.

Он открыл дверь Диане, та села в свой левитак, помахала ему рукой и полетела домой. Борис долго еще стоял у открытой двери, провожая взглядом светлый силуэт левитака, постепенно растворявшейся в ночной мгле.

Марк

Следуя совету отца, Борис отыскал в киберпространстве своего закадычного друга Марка, с которым связь оборвалась уже, наверное, с полгода назад. Видеовстреча друзей была переполнена эмоциями.

- Боря, дружище, твой отец – гений! Как же мы сами-то за всей этой бессмысленной текучкой забыли о самом главном – о простой человеческой дружбе?

- И не говори, Марик! Расскажи-ка про свое житье-бытье сначала.

- А что рассказывать? Каждый день одно и то же: работа, дом, виртуальная семья, сон, опять работа...День за днем одно и то же: от монотонности и скуки сдохнуть можно... С как ты?

- Я почти счастлив! Я тут сделал себе... Да, кстати, Марик, скажи-ка у тебя защищена Паутина от прослушки?

- Спрашиваешь! Не зря же мы с тобой в школе лучше всех были по программированию.

- Ну тогда я тебе расскажу свою тайну: я создал Образ Отца! Это так здорово! Он, как живой – я ввел в него все психологические и интеллектуальные данные из его личного архива, поэтому он совершенно не похож на этих голографических роботов.

- Молодец! А я вот живу с виртуальной женой. Получил месяц назад подтверждение, что мой «сексо-продукт» принят к воспроизводству, и через десять-пятнадцать лет я смогу общаться со своим ребенком. Честно говоря, я хотел бы, чтобы это была девочка: мне всю жизнь не доставало тепла и отзывчивости... А где ты работаешь, Борис?

- В Научно-Полицейском Бюро... А ты?

- Круто! А я – в Паутине ЖДУТ, заместителем главного программиста.

- Ах, это эвтаназия... Хорошая служба, нужная. Я очень рад, что мой отец не мучился перед смертью...

- Хорошая служба?! И ты всерьез в это веришь? Боря, очнись! Я недавно узнал, в создание какой ужасной программы я был вовлечен...

Марк замолчал, потер себе обеими ладонями виски и, будто очнувшись, начал не спеша, по-деловому рассказывать:

- Эвтаназия сама по себе – замечательная вещь, она позволяет терминально больному человеку умереть на последней стадии без болей, достойно, как и подобает. Однако, я узнал страшные подробности: программа эвтаназии ЖДУТ убивает здоровых людей... Да-да! Именно здоровых людей, которым еще жить да жить. Оказывается, в каждого из нас на восьмой день после рождения вмонтирован, кроме всего прочего, так называемый «датчик здоровья». Он постоянно контролирует физическое и психическое состояния человека. Как только уровень показателя здоровья кибера опускается ниже 90%, на его левитак поступает команда, направляющая левитак с сего хозяином не домой, а в ближайший госпиталь. Система ЖДУТ всячески рекламируется в пропагандистских радио и телепередачах, это называется заботой о людях. Больных, действительно, подлечивают, и они продолжают работать «на благо нашей любимой родины» – Всемирного Сообщества Киберов.

Все бы, казалось, хорошо, но когда показатель здоровья падает ниже 50%, кибера, вместо того, чтобы отправить на заслуженный отдых, направляют в госпиталь, где Служба Эвтаназии вкалывает ему смертельную дозу яда, после чего убитого кибера отвозят в Центральный Крематорий, где он и завершает свой земной путь... Вот какова твоя «хорошая и нужная» служба!..

- Да... Это страшно... Сейчас я вспоминаю: мой отец был в общем-то в прекрасной форме. Значит он просто стал «нерентабель-

ным» для Паутины: слишком много хлопот с лечением, потерянное рабочее время...

- Да, Борис. Я не знаю, как, но с этим надо бороться!

- Марик! Как бороться? Ведь Паутина все- сильна. Ну, что мы можем с тобой вдвоем? Правда, у меня есть друг – Диана, которая, я уверен, присоединится к нам. Но и борьба втроем – это чистое донкихотство, даже просто самоубийство...

- Согласен. Борьба, ты прав, практически бессмысленна. Но тогда есть другой путь: надо бежать из Паутины!

- Куда? На Марс? На Венеру? Да там и дышать нечем!

- Не ёрничай, Боря. Мы можем скрыться в одной из резерваций. Я думал и над этим. Честно говоря, я не хотел бы жить в джунглях или в тайге...

- Тогда остается Париж и Иерусалим. Но в Иерусалиме продолжают противоборствовать евреи и арабы. Это тянется уже так долго, что остановить их или помочь им жить мирно мы никак не сможем, а тогда остается только не мешать.

- Прекрасно! Не будем им мешать. Значит, остается Париж. План у нас такой: ты готовишь программу взлома электро-гравитационного колпака над Парижем, а я вношу в Паутину Эвтанизии информацию о твоей, моей и Дианиной смерти, чтобы нас не бросились искать ищейки-роботы. После этого мы втроем летим к Парижу, обесточиваем на несколько секунд электромагнитный колпак и через образовавшееся «окно» проникаем в зону Парижа, а там ищи-

свищи ветра в Елисейских полях! Правда, подготовка к этому, по моим подсчетам, займет пару месяцев.

- Отличный план! Но мне надо посоветоваться с Дианой. У нее могут быть возражения или она просто не захочет участвовать – ведь она же человек, а не безмозглый кибер.

- Окей, договорились. А теперь залегли на дно. Никакого общения на случай, что если кто-то вдруг провалится, то это не навлекло бы беду на остальных.

Вовлечение Дианы

Встречи Дианы и Бориса стали достаточно регулярными, они по-настоящему подружились. Каждый день без Дианы казался Борису просто прожитым зря. Сегодня, как раз после вчерашнего разговора с Марком, Борис позвал Диану опять к себе в гости. Как всегда, они летели разными маршрутами и встретились прямо около балкона квартиры Бориса.

Когда они вошли в комнату Бориса, тот первым делом вызвал Образ Отца и извинился перед ним, что сегодня он не сможет с ним общаться.

Потом Борис выдвинул из стены стол и скамейку и они уселись на нее, потягивая через трубочки ставший уже традиционным апельсиновый сок, с которого они начали первый вечер своего знакомства.

- Диана, у меня к тебе очень серьезный разговор... – Неуверенно начал Борис.

- Уж не хочешь ли ты признаться мне в любви? – Улыбнулась Диана. Она была в этот

момент прекрасна. От ее слов, сказанных вроде бы в шутку, у Бориса буквально закружилась голова. Он почувствовал какое-то необычное жжение в груди, сердце его заколошматилось. Он вдруг увидел девушку такой, какой он ее никогда не видел: будто пелена спала с его глаз. Он посмотрел на нее так, что она смутилась, и на ее щеках вспыхнул яркий румянец. Борис совсем потерял голову, он забыл, о чем он хотел говорить с Дианой.

- Извини... Я наверное, что-то не так сказала... – Смущенно промолвила Диана.

- Нет-нет! Это я... Знаешь, это так трудно сформулировать... Со мной такое первый раз в жизни... Я, правда, читал в книгах из библиотеки отца про что-то подобное. По-моему, я тебя люблю...

Диана смущенно молчала, щеки ее стали алыми, как горные маки. Она опустила глаза и как-то нервно теребила замочек молнии на курточке. Потом она подняла глаза и, глядя прямо на Бориса, негромко, почти шепотом, сказала:

- Я тоже не знаю, что со мной творится... У меня что-то внутри то холодеет, то обжигает... А вообще-то я уже давно заметила за собой, что мне приятно смотреть на тебя, слышать твой голос. Наверное я тебя тоже люблю...

Но что же нам делать? Ведь мы же не распоряжаемся собой... Ведь у меня есть виртуальный муж... Скоро и ты женишься.

Она замолчала. Борис тихонечко, будто боясь спугнуть, обнял Диану за плечи, потом развернул ее лицом к себе. Диана была податлива, как воск. Борис притянул ее к себе и нежно поцеловал ее в губы. Она встрепенулась, прижа-

лась всем своим юным телом к нему и буквально впиалась ему в губы.

Потом она в каком-то порыве безумия, неловко стала стягивать с себя куртку, расстегивать блузку, шепча ему на ухо:

- Я больше не могу... Я хочу тебя! Выдвини эту дурацкую кровать из стены... Иди ко мне...

Он нажал на пульт, из стены выехала кровать, он подхватил Диану на руки и через миг они уже растворились друг в друге...

Когда они, наконец, очнулись, было совсем темно. Они лежали бок о бок, боясь пошевелиться, как если бы это разрушило то сказочное сновидение, в котором они только что побывали.

- Знаешь, мне пора лететь домой – у меня же нет программы-имитатора «присутствия дома». – С грустью сказала Диана, глядя в потолок.

- Это легко поправимо. Дай мне пароль своего домашнего компьютера, и я пошлю программу блокировки отсюда. Я тебя сегодня никуда не отпущу, я хочу, чтобы ты до утра осталась со мной... У меня есть к тебе очень серьезный разговор...

- Я готова тебя слушать, слушать, слушать... Ты совсем не похож на виртуального мужа! Только, может, сегодня не стоит о серьезном?

- Нет, Диана, я не шучу.

- Ну, давай, говори мне серьезные вещи, но имей в виду, что сегодня я легкомысленная и до одури счастливая...

- Диана, помнишь, я тебе рассказывал про своего старинного школьного друга Марка?

- Конечно, помню. А при чем здесь Марк?

- Мы с ним решили устроить побег из Паутины и взять тебя с собой...

- Как побег? Куда? Ведь Паутина всюду разыщет нас!

- Нет, не всюду. Все жители человеческих резерваций покрыты непроницаемым электрогравитационным колпаком. И хоть Паутина сама заставила киберов спроектировать этот колпак, она не может управлять жизнью под колпаком. Мы решили бежать в Париж...

- Нет, Борис, я боюсь... Мы обязательно погибнем. Давай лучше продолжать жить так, как мы живем сейчас. Мы вдвоем, мы любим друг друга, а остальное не важно!

- Диана, здесь мы навечно под властью Паутины, она распоряжается нашими жизнями, нашим поведением...

- Но ведь жизнь в Париже под колпаком – это, как жизнь в тюрьме...

- Диана, лучше жить свободным в тюрьме, чем рабом под открытым небом!

- Нет, Борис, я боюсь. Если ты все же бросишь меня здесь одну, то хотя бы перепрограммируй моего мужа в себя. Сделай такой голографический образ, который будет повторять твою жизнь в Париже...

- Это невозможно! Сигналы не могут проникнуть отсюда под колпак резервации...

- Ну, хотя бы не заставляй меня принять решение прямо сейчас. Я большая трусиха... Я, правда, очень боюсь... Дай мне время подумать, хорошо?

- Ладно, Диана, у тебя есть еще два месяца на раздумье. Нам с Марком надо тщательно подготовить все к побегу.

Так все и осталось невыясненным. Они лежали на кровати, прижавшись друг к другу. Диана вскоре задремала у Бориса на плеча, а он продолжал лежать с открытыми глазами, вперившись в экран-потолок, на котором на темном фоне светились, мерцающая, имитации звезд... Его одолевала безграничная печаль, когда он пытался представить себе жизнь без Дианы, без ее лучистых глаз и милой улыбки, без ее упругого влекущего к себе тела... У него в ушах звенел ее необычный голос...

* * *

Утром Борис и Диана полетели на работу – каждый своим путем, а вечером Борис, вернувшись домой, вызвал Образ Отца.

- Здравствуй сынок! Поздравляю тебя – ты сделал, по-моему, удачный выбор!

- Спасибо, папа. У меня для тебя есть очень важная новость. Марк и я решили сбежать в Париж. Марк сделает разблокировку электромагнитного колпака на небольшое время, чтобы мы смогли проникнуть вовнутрь.

- Молодцы! Это очень правильное решение! А как Диана?

- Она еще не решилась...

- Бедная девочка! Она, наверное, и не представляет себе, как ей будет трудно жить одной в этом мире зомбированных киберов после того, как она узнала, что такое настоящее человеческое счастье... Но я надеюсь, что ты ее уговоришь.

- Папа, а мне страшно, что я никогда уже не увижу тебя... Ведь под электромагнитным колпаком я не смогу восстановить твой образ...

- Глупенький мой мальчик! Я всегда буду с тобой! Ведь это ты создал меня, ведь меня же нет, я просто у тебя в мыслях. А то, что ты смог «слепить» мой голографический образ, это дело десятое. Все будет еще проще: ты закроешь глаза и я буду появляться. Я тебя никогда не покину, пока я тебе нужен!

Ну, ложись спать, успокойся. Как говорили наши предки: утро вечера мудренее!

Но Борису все же было не по себе. Невольные слезы набежали на его глаза. Он долго еще не мог заснуть, пока усталость все же не взяла свое...

* * *

Борис и Диана продолжали почти все ночи проводить вместе. Они были счастливы, возможно они были единственно счастливыми людьми во всем Всемирном Сообществе киберов.

Борис продолжал подготовку к побегу, однако с Дианой он эту тему больше не затрагивал, давая ей возможность принять самостоятельное решение. И она ценила это, понимая, как ему трудно. Да и самой ей было нелегко: она понимала, что виртуальный Борис никогда не заменит ей настоящего, даже будучи, как две капли воды, похожим на живого Бориса...

Решение Дианы.

Однажды, казалось бы, в самый обычный вечер, Борис заметил, что Диане было как-то не по себе.

- Диана, хорошая моя, что-нибудь случилось? неполадки с работой? Плюнь на все это, давай я тебе помогу.

- Нет, Борис... Работа здесь не при чем. Просто знаешь...

Она на какое-то время замолчала, потупившись, потом подняла глаза, и с какой-то почти виноватой улыбкой сказала:

- У нас будет ребенок...

Борис обнял ее, закружил по комнате:

- Любимая! Как здорово! Ты не представляешь себе, как я счастлив!

Диана высвободилась из объятий Бориса и очень печальным голосом произнесла:

- Глупый... Ты забыл про Седьмую Заповедь? «Совокупление двух разнополых киберов жесточайше карается Паутиной», а у нас на просто совокупление – у нас любовь, и к тому же мы зачали ребенка. Я боюсь, что нас обоих подвергнут эвтаназии...

Но Борис будто вовсе и не слышал ее. Он привлек ее к себе, обнял и стал осыпать ее лицо, шею, руки безудержными поцелуями.

- Никто нас не тронет, никто нас не найдет! Нет безвыходных положений, есть люди, которые сдаются и не хотят бороться! Через неделю мы будем уже в Париже! Теперь тебе нечего бояться! Двум смертям не бывать, одной не миновать, как говорили мои предки. Все! Решено! Ты летишь с нами.

Диана посмотрела на него сквозь нахлынувшие на ее глаза слезы счастья:

- Да, да! Конечно! Мы улетим в Париж... Мы будем счастливы там. Мы забудем про это ужасное «светлое сегодня». Да, да, конечно...

Борис был на седьмом небе от счастья. Как же повезло, думал он, что все произошло сегодня, а не на неделю позже!

Бегство в Париж

Через пять дней все было готово к побегу. Как было заранее условлено, Марк позвонил Борису по видеofону с условным разговором:

- Здравствуйте, могу я поговорить с Моисеем?

- Извините, вы неправильно набрали номер. Здесь таких нет...

Этот ответ Бориса означал, что все хорошо, и вылет состоится завтра после заката. Если бы Борис ответил: «Может, вы имеете в виду Михаила?», то это означало бы: «Я еще не готов. Я позвоню тебе сам».

Вечером следующего дня в условленное время вся троица беглецов на своих левитаках стартовала в направлении Парижа. Борис и Диана летели вместе, а Марк должен был присоединиться к ним уже на трассе через два с половиной часа. Но не прошло и получаса, как Борис услышал звук своего карманного видеofона. На экранчике появилось взволнованное лицо Марка:

- Боря! Я пропал! Мы все в опасности. Мы с тобой совсем забыли про радарную Паутину! Меня засекли и преследуют, боюсь, что и вас

тоже... О чёрт! Я еще забыл отключить Паутину управления левитакком... Меня сводят с курса, они захватили управление моим левитакком... Чёрт! Меня повело по дуге назад! Ребята! Гоните во весь опор! За вами, наверняка тоже гонятся...

- Марик! Держись! Попробуй все же перейти на автономный режим полета. Погоди пару минуточек, я сейчас пошлю тебе программу-взломщик, чтобы ты отключил внешнее управление полетом... Подожди, дорогой. Буквально минутку!

- Боря, меня несет в сторону какой-то освещенной площади... Ужасная скорость... На площади что-то белое и высокое... Это рука! Ладонь протянутая к небу...

До Бориса моментально дошел весь ужас положения: он вспомнил описание смерти своей матери. Его мозг буквально пронзила мысль: это место, где Паутина казнит неудобных!

- Марик, дорогой, еще чуть-чуть... Посылаю!

- Боря!.. Мой левитак падает!... Стремительно падает! Они отключили антигравитационный блок! Прощай, Боря! Проща-а-а...

На этом все оборвалось. Борис был почти в отчаянии. Он оглянулся и увидел вдалеке прожектор полицейского левитака. Погоня была и за ними.

Они с Дианой летели на предельной скорости, поэтому полицейской левитак догнать их, пока они летят, не мог – все левитаки в Паутине были стандартные, у всех была одна и та же максимальная скорость.

Борис хорошо знал полицейские левитакки. Это были ишцейки-роботы, своим видом напоминавшие гигантских ос. Бока у них были раскрашены желтыми и черными полосами, огромные глаза-прожектора могли вращаться каждый сам по себе, а спереди находился длинный гибкий хобот с иглой на конце. Говорили, что через эту иглу полицейский робот может вколоть пилоту сквозь обшивку левитака либо транквилизатор, либо снотворное, а в исключительных случаях и яд, который был пострашнее кураре.

Такие полицейские «осы» всегда кружились над открытыми торговыми центрами и общественными парками.

А Борис и Диана неслись навстречу свободе... Или смерти... Ведь одно от другого всегда так близко!

Вот уже появились огни ночного города: ошибиться было нельзя – вон вдали уже виднеется подсвеченная внутренними прожекторами Эйфелева башня...

- Диана, мы уже совсем у цели! Подстыкуй свой левитак к моему, чтобы мы приземлились в одной точке. Мы подлетаем! Приземляемся вон у той вышки – это один из излучателей электромагнитного колпака.

Через несколько мгновений оба их левитака уже мягко коснулись земли. Их полицейский преследователь неумолимо приближался. Но неудачи преследовали беглецов – Диана при посадке подвернула ногу:

- Борис! Я кажется сломала ногу! Нет, наверное просто сильно подвернула. Но я не могу

на нее ступить... Вот я говорила, что от Паутины нам не убежать...

Борис быстрыми движениями нажимал какие-то кнопочки пульта, одновременно успокаивая Диану:

- Успокойся, успокойся, моя девочка... Все будет хорошо... Все будет хорошо....

Борис быстро набрал что-то на своем карманном пульте. И вот невидимый доселе «парижский колпак» вдруг засветился каким-то полярным сиянием, потом раздался звук будто лопнул воздушный шарик и в куполе образовалась огромная дыра. Сработала программа Марка, которую он запустил перед вылетом.

Подхватив Диану на руки, Борис побежал в образовавшуюся нишу. Надо было торопиться: взломанная стена через несколько секунд должна самовосстановиться.

Когда беглецы уже были на территории Парижа, за их спиной что-то грохнулось на землю – это была полицейская «оса». Из боковых стенок уже выдвинулись ноги-щупальцы и полицейский робот уже приготовился к погоне. Гибель Бориса и Дианы была неминуема...

Но тут электромагнитный колпак «вылечился», зиявшая в нем дыра затянулась, свечение прекратилось. Но при этом все сигналы извне уже не проникали под колпак! Полицейский робот так и замер, не успев выпустить на землю свои последние щупальца.

Запыхавшийся Борис оглянулся и увидел окоченевшего робота. Он сразу все понял и, крепко прижав к себе Диану, прошептал ей на ухо:

- Девочка моя... Любимая моя... Мы свободны!

И он понес ее в новую жизнь, подальше от кибернетического рая...

СКАЗКИ

СКАЗКА О ТОМ, КАК ОСЛЕП МАЯК

На далеком острове, омываемом теплым океаном, стоял Маяк, обслуживаемый старым Смотрителем. На острове, кроме них двоих, не было больше ни души. Правда, росли еще три длинноногие пальмы, но они не в счет.

Остров был далеко от берега, и всего раз в месяц к нему приплывала небольшая шхунка, привозившая провизию для Смотрителя да горючее для Маяка. А много ли надо старому Смотрителю? Ящик рома, да ящик консервов, да пару пачек сухих галет, да бочонок питьевой воды...

Смотритель был одноглазый, с пиратской повязкой и с деревянной культей вместо одной ноги. Он, и правда, был когда-то в молодости пиратом. Но, потеряв ногу и глаз, был вынужден смириться с судьбой и стать обыкновенным Смотрителем на Маяке.

Смотритель целыми днями сидел в верхнем отделении Маяка, под самой крышей, смотрел на океан, а с темнотой или с наступлением ненастья начинал давать сигналы проходящим кораблям. Он сигналил и в хорошую погоду, потому что ему было приятно послать добрую весточку проплывавшим мимо судам. А те, в

свою очередь, отзывались длинными протяжными гудками, похожими на слоновьи крики...

Но вот с годами изменились маршруты кораблей. Да и кораблей стало меньше: люди стали больше летать на самолетах. Смотритель долгими часами сидел на Маяке и всматривался вдаль. Но лишь изредка проползал мимо острова угрюмый и неуклюжий танкер с нефтью или зерном, да и он не отвечал на сигналы Маяка.

Смотритель продолжал бережно ухаживать за Маяком, но тот без обычной работы стал хиреть и будто бы заболел какой-то странной болезнью. Под крышей завелись летучие мыши, которые раньше и не осмеливались приближаться к Маяку, боясь ослепнуть.

Свет Маяка день ото дня становился тусклее и тусклее, пока, наконец, Маяк не погас совсем...

Смотритель очень горевал: ведь его единственный друг – Маяк, перестал светить. Но он понимал, что ничего нельзя поделать, поскольку знал, что любой Маяк угасает, если на него не смотрят, если его сигналы никому не нужны... Уж так устроена жизнь...

И сам Смотритель чувствовал, что без Маяка...

Вот такая получилась грустная сказочка про бывшего пирата и Маяк.

Стойте! Стойте! Может, просто забыли ли подвезти горючее на Маяк? А как же Смотритель? Может и у него уже кончилась провизия? Это нужно срочно, сейчас же проверить! Может, ничего страшного еще не произошло?..

ВСТРЕЧА С БЕССМЕРТНЫМ

(сказка для взрослых)

Никто не верит мне, когда я рассказываю эту правдивую историю. Да я и сам бы никогда не поверил, если бы кто-то подобное рассказал мне. Ведь не верю же я ни в снежного человека, ни в летающие тарелки, ни в визиты инопланетян. Даже в этот дурацкий Бермудский треугольник не верю. Просто людям хочется чего-нибудь остренького, вот и выдумывают всякую небылицу.

И все-таки я не могу удержаться и не рассказать о той необыкновенной встрече, которая произошла у меня прошлой осенью. Как всегда я это делаю в последние теплые деньки то ли уже уходящего лета, то ли уже наступающей осени, я надел резиновые сапоги, взял средних размеров плетеную корзинку и поехал под Звенигород в лес собирать грибы. Что может быть лучше «второй охоты»? Идешь по лесу, тишина, только потрескивают ветки под ногами да изредка какая-нибудь пичужка выдаст свою нехитрую трель. Солнце светит сквозь лапы елей и уже редяющие ветви берез да осин. Благодать!

Места я знаю, где народ не шастает, как на вокзале. Можно погрузиться в себя, подумать, помечтать, а то и вовсе ни о чем не размышлять, а просто вдыхать пряный осенний воздух. Так я и шел себе, оглядывая опытным взглядом подозрительно приподнятые жухлые листья, иногда вороша суковатой палкой – нет ли там гриба. И вдруг – о чудо! Явился мне красоты небывалой «ведьмин крут» лисичек-сестричек: все ровнень-

кие, гладенькие, как на подбор! Вот ведь повезло! Насобираю я чуть ли не целую корзину, а тут аж сердце ёкнуло – в сторонке поваленное дерево, усыпанное упругими шляпками опять! Я бросился к нему, будто кто-то мог меня опередить, и начал аккуратнo срезать ножку за ножкой...

Вдруг я услышал какой-то приглушенный вздох. Огляделся – вроде никого нет. А чувство такое, что кто-то совсем рядом. И тут я замечаю, что по ту сторону дерева, привалившись к нему спиной, сидит маленький старичок, скорее даже гномик...

«Здравствуйте, мил человек!» – сказал я.

«Бывай здоров, юноша». – Ответил он мне.

«Притомились малость?..»

«Да нет, я привыкший... Просто и конь, хоть о четырех ногах, а спотыкается... Не заметил я корягу, да так и шлепнулся!»

Он поднялся, и тут я заметил, что старичок какой-то странный: ног у него четыре – и правда, как у лошади – и они к тому же еще и с копытами.

«Да-да, не удивляйся юноша: я – кентавр».

И тут он поведал мне свою историю, которая меня немало удивила.

«Я последний сын из славного племени кентавров, порожденных титаном Кроносом. Давным-давно, когда Кронос сверг своего отца Урана и стал править миром, он родил целое стадо кентавров – 16 мальчиков и 16 девочек. Ему очень понравились те милые создания, которых он создал, поэтому он подарил им бессмертие. Но чтобы кентавры не расплодились безмерно, как это произошло впоследствии с

людьми, и не начали бы вести бессмысленной жизни, полной ненависти и жадности, он сделал так, что у каждой пары кентавров мог появиться только один ребенок, причем в каждом поколении опять было поровну мальчиков-кентавриков и девочек-кентаврих. Первые шестнадцать пар кентавров родили восемь мальчиков и восемь девочек. Те родили четырех мальчиков и четырех девочек, у которых родились два мальчика и две девочки. Это уже, как ты, наверное, догадался, мои две бабушки и два дедушки. У них родились мальчик – мой будущий папа, и девочка – моя будущая мама. А потом родился я... Я последний кентавр, появившийся в это мире... У меня не будет детей, поскольку у меня нет жены...»

«Значит, что же получается? Всего кентавров тридцать два плюс шестнадцать плюс восемь плюс четыре, плюс два и плюс вы – последний кентавр?»

«Да, правильно: нас всего 63 бессмертных кентавра».

«А где же сейчас остальные кентавры?»

«Они все тут» – сказал последний кентавр и постучал себя по груди.

Я понял, что все его предки в его сердце, совсем как у нас, у людей. Но тут он одной рукой раздвинул какую-то складку на груди, а другой достал оттуда, как из кенгуриной сумки, двух маленьких будто бы игрушечных кентавриков, которые умещались у него на ладони.

«Это мои папа и мама» – сказал мне кентавр. Эти два маленьких кентаврика, выглядели намного старше своего сына.

«А почему они такие маленькие?»

«Вы, люди, когда достигаете зрелого возраста, перестаете расти. Единственное, что у вас съезживается – это мозги. У некоторых, которые больны, например, болезнью Альцгеймера, как стали теперь называть по-иностранному обычный старческий маразм, способность хоть как-то думать пропадает вовсе, а в своем большинстве старики просто немного глупеют, становится забывчивыми. А у нас, кентавров, когда мы достигаем зрелого возраста, начинает уменьшаться тело, а мозги остаются такими же светлыми, как и всегда. Ведь для того, чтобы жить вечно, нужны вечные мозги! Вот мои родители сейчас умещаются каждый на ладони, а всего триста лет назад он были ростом мне до колена и мы просто ходили небольшим стадом-семьей втроем».

«Ну а где же остальные шестьдесят кентавров?»

«А ты еще не догадался? Мои дедушки с бабушками сидят в кенгуриных кармашках у моего папы и у моей мамы... И так далее...»

Действительно, отец и мать последнего кентавра достали из своих кармашков малюсеньких кентавриков, каждый размером с божью коровку.

«С дедушками и бабушками я еще могу разговаривать, а вот прадедушки и прабабушки такие малюсенькие, что я их практически даже не могу разглядеть. Но они зато могут общаться со своими родителями...»

«Что же, это получается, прямо как у людей: каждый практически общается в начале жизни со своими родителями и с дедушками и бабушками, а в конце – со своими родителями и детьми с внуками! Какой же смысл в таком бессмертии?»

«А кто сказал, что в бессмертии есть вообще какой-то смысл? А ты задумывался над тем, как вы, люди, представляете себе бессмертие? Бессмертные души? А как эти ваши души узнавать друг друга будут без телесных-то оболочек? А если снабдит ваши души господь-бог какими-нибудь невесомыми оболочками, то какую оболочку он даст – молодую, средних лет или старческую? И впрямь, представь на минуточку, что ваше человеческое представление о бессмертии души верно. Что будет? На том свете встретятся старенькие дети, которых долго носила земля-матушка со своими родителями, которые померли, когда были еще молодыми... Они и детей-то своих не узнают и не признают. А младенцы, умершие в детстве, так и останутся младенцами-душами – ведь на том свете никто не старится, никто не взрослеет. А кто их будет нянчить, эти недоношенные души?»

Так что согласишься, если этот «тот свет» с бессмертными душами и существует, то это должен быть суицидальный сумасшедший дом!»

Старичок-кентавр вдруг засуетился, засунул в кенгуриную сумку своих родителей и сказал: «Ну, мне пора. Зажил я тут в вашей России. Интересно, да уж очень безалаберно и жестоко вы живете. Хотя сейчас нигде хорошего не увидишь: там убивают, там с голода мрут, там грабят друг друга. Хоть и люди вы, а, правда, не по-людски живете... Куда мне податься, пока еще ростом я не слишком мал?»

Промолчал я, не зная, что и посоветовать.

«Прощай, кентавр!»

«И ты прости...»

Что-то щемящее тронуло мою душу в его «прости»... Ах, да это же Андрей Платонов! Впервые прочитав это «прощай-прости» в его «Котловане», я был поражен какой-то неизбывной русскостью, тонкостью этого прощания... Ай, да кентавр: и пробыл-то в России всего-ничего, каких-то века два, а прилип душой к России, к русскому!

Зацокали копыта, плавно колебался в такт с иноходью кентаврий хвост. Так и ушел он, растворился в лесу, не обернувшись, не кивнув напоследок головой...

СКАЗКА ПРО ШКУРУ НЕУБИТОГО МЕДВЕДЯ

Зима нынче была необычная. Бывало обычно, в середине февраля дуют противные холодные ветры, срывая с головы шапки и одновременно забрасывая за шиворот горсти снега. А нынче погода стояла гнилая: какой-то то ли мокрый снег, то ли холодный дождь круглый день. Если же вдруг и выпадало пойти нормальному пушистому зимнему снегу, то он, падая на землю, попадал в грязные объятия поджидавшей его слякоти... Доверчивая флора уже начала распускать почки, приняв эту обманчивую оттепель за настоящую весну. Да и зверье тоже вело себя не по сезону...

Медведи просыпались в своих берлогах, как перепившие с вечера работяги, которых поднимает ненавистный звонок будильника.

Проснулся и Михал-Потапыч (раз уж сказка, то и медведь должен иметь какое-то человеческое имя). Проснулся он оттого, что ему было нестерпимо жарко. Он потянулся, смачно, по-медвежьи матерно выругался, но поскольку ему ни на какую работу подниматься не было нужды, то он снял шкуру, подстелил ее под голову замест подушки и снова задал храпака...

Но вдруг его, будто подбросило: сквозь по-звериному чуткий сон он услышал нетвердые голоса трех мужиков, которые, шумно раздвигая густой кустарник, перлись прямо по направлению к его берлогу. Мужики о чем-то меж собой гуторили и, как ошалелые, палили, может, по птичкам, а может просто от дури – в воздух...

Потапыч привык спать нагишом, прикрывшись своей шкурой, как одеялом. Услышав голоса мужичьи, спросонья не успев даже толком осознать, что делать, Потапыч, как есть нагишом, рванул из берлоги от приближавшегося вечного врага всего живого – человека.

Мужики, подошед к развороченной берлоге, остановились в изумлении, увидев на дне ее новенькую медвежью шкуру... А Потапыч в это время из-за дальних кустов, через полянку, наблюдал за ними, надеясь, что мужики, увидев пустую берлогу, пойдут дальше.

Но не тут-то было! Мужики, гогоча, расправили медвежью шкура на манер того, как бабы в деревнях растягивают свежее-постиранную простыню, чтобы расправить ее – ведь не гладить же утюгом! Потом они начали делить шкуру неубитого медведя...

Вот тут то и началось!.. Каждый норовил отмерить себе кус поболее, все орали друг на друга, потом все же разделили шкуру на три части, но при этом, даже когда каждый уже держал свой кусок шкуры в руках, продолжали пререкаться: каждый чувствовал себя обманутым.

Ушли мужики в свою деревню, а Михал-Потапыч остался стоять в кустах голенький, ну, прям тебе – ни дать, ни взять – Ренуаровская ню в купальне!

Прошло время, раздобыл себе Потапыч сапоги, рукавицы да робу рабочую. (Как добыл, не спрашивайте – на то она и сказка, что здесь не все надо объяснять: ведь никто же не спрашивает, почему летает ковер-самолет, или как из ниоткуда берутся пашлыки-машлыки на скатерти-самобранке!)

Одел Потапыч все это, и пошел по-человечьи на задних лапах напрямик в деревню. Да, еще забыл вам сказать, что Михал-Потапыч нашел где-то азбуку и, учась по ней, научился мало-мальски понимать деревенскую речь.

Вошел он в деревню, сбежались мужики, бабы и ребятя – понятное дело, поглазеть на странника, зашедшего в их забытую богом и партией деревеньку. (А происходило все в старые времена – еще при Секретаре-Горохе.)

Окружил деревенский люд Потапыча да и пялит на него свои гляделки.

- Гля! - произнес любознательный мужик. – Небось, турок или иудей: смотри, какой носатый!

- Не, не индей он. – Ответил ему самый умный на вид мужик. – Индей в жаркой Африке живут, нам еще в школе про то говорили. Однако ж, Африка за семью морями. Он бы не доплыл.

- Ну, а балакает-то он не по-нашенски! – Продолжал любознательный.

- Дык, он не балакает, а мычит по-коровьи. Видать, немой! – Подсказал догадливый мужик.

- Сильный, видать, как ведмедь! – Сказал любознательный.

- Ага! – Ответил догадливый. – Мож, кузнец? Как тот, Герасим, что намедни помре от белой горячки: больно за кобелька, самим им утопленным, переживал. Тожа, чай, немотный был, бедолага – все му-му да му-му...

Тут, видать, самый главный произнес, наконец, обращаясь к Потапычу:

- А не хошь, добрый молодец, у нас кузнецом поработать? И харч будет хороший, и жилье на сеновале дадим, да и денгю к концу лета кой-какую заработашь, а?

Михал Потапыч закивал утвердительно головой.

На том и порешили. Дали ему прозвище – «Немотный» за немоту его, а имя присвоили Мишка, потому, как уж больно он был силен да и внешне смахивал на медведя.

Еще в первый день приглядел Потапыч в толпе тех трех гнусов, что его шкуру делили. Очень он на них был сердит, но мягкое у него было сердце: лапа не поднималась взять да и замочить их по пьяному делу. А они ведь все время не просыхали и продолжали сквалыжничать промеж себя. Но людей мочить – это человечье дело, у медведей на это моральный запрет: коли можно не убивать, зверь никогда зря не убьет!

Вот и придумал Потапыч Страшную Мечь, рассчитывая на пакостную людскую натуру: корысть, зависть да буйство. Люди ведь не то, что зверье лесное – у них совести-то почти что нетуги!

Написал он три письма-записочки примерно такие: «Так мол и так. Слыхал я, что есть у вас тронх по куску шкуры медвежьей. Приходите завтра вечером все втроем на окраину деревни, каждый со своим куском. У кого кусок больше, тот получит несметные сокровища, доставшиеся мне от Кащея Бессмертного, который приходился мне свекром». В конце, естественно, подпись «Мишка-кузнец Немотный».

И все эти три письма вечерком подбросил гнусным мужикам под двери.

А сам к тому времени уже наковал маленьких ювелишек, похожих на всамделишные драгоценные серьги да кольца-браслеты, если на них посмотреть не при ярком свете.

Вот пришли на следующий день ввечеру трое горе-охотников на окраину деревни, принеся с собой по куску шкуры неубитого медведя. Посмотрел Потапыч, пощупал все кусочки, примерил их друг к другу, выбрал самый маленький, да и спрашивает. «Ыао аамый оой уок?» Поняли мужики, что он показывает им самый больший кусок, но ведь и дураку видно, что это не самый большой! Хозяин этого куска бросился к сундуку, а двое остальных хватают его за ноги, валят – ну, прямо тебе американский футбол да и только! С трудом оттащили того жадобу от сундука.

Тогда Потапыч взревел опять: «Ыой! Ыой! Уаки!» Взял другой кусок и показывает его. Тут второй мужик понял, что на этот раз Кузнец Немотный выбрал его кусок, и бросился к сундуку, но другие двое опять его валят и оттаскивают прочь от сундука.

Потом Потапыч показал и третий кусок. И тут такое началось! Мужики друг друга мутузят. Потом один вытянул кол из ограды крайнего деревенского двора и пошел с ним на двух других, но и те не растерялись – тоже за колья схватились. И пошла драка не на жизнь, а на смерть.

Да и впрямь насмерть: забили мужики друг друга до смертоубийства...

А Михал-Потапыч вздохнул тяжело, посмотрев на пьяное дурачье, свернул любовно все три куска своей шкуры и вперевалочку удалился в сторону леса.

Вот уже и луна взошла, а была она, на счастье, полная. Сел Потапыч на полянке на пенек, достал из кармана робы иглу, которую сковал, когда вытворял свои ювелирочки, вдел в нее просмоленную бечевку и стал тщательно сметывать свою шкуру. Сшив ее, снял он ненавистную робу человечью, сбросил сапоги да варежки и блаженно влез обратно в свою шкуру.

Ну, вот теперь пора и в лес: теперь зверушки не испугаются, не примут меня за человека – увидят, что я медведь, как медведь!

И он какой-то радостной иноходью помчался вглубь леса – прямо сквозь кусты и мелкую поросль...

С тех пор медведи так и спят в своих шубах, не снимая их – будь хоть жара несусветная.

РАССКАЗ ФЕДИ-МЕДВЕДЯ

Родителей я своих не помню. Помню только запах теплого маминого молока. Вырос я в доме одного человека, который подобрал меня, несмышленища, в лесу. Звали того человека Игнат. Он рассказал мне, что какие-то охотники убили мою маму, а меня не заметили, наверное. А Игнат шел по лесу и услышал легкое поскуливание – это был я. Он подобрал меня, принес домой, накормил молочком.

Шло время, я рос. Семьи у Игната не было, и я стал ему вместо сына. Он научил меня танцевать на задних лапах, а правой передней лапой я размахивал пестрым платочком, ну, прямо как это делают девки на деревенских гулянках.

Мы с Игнатом стали ходить из деревни в деревню, развлекали честной народ и зарабатывая тем самым себе на жизнь. По дороге к нам приблизись и другие странствующие артисты. Так что вскоре у нас образовался небольшой балаганчик – передвижной цирк.

Появился у Игната и партнер – Фокусник с интригующим именем Нефигасси, который всем рассказывал, что его предки были североамериканскими индейцами. Правда, после одного выступления в небольшом городишке Игнат сказал Нефигасси, когда тот хотел купить на местном рынке петушиных перьев для индейского головного убора: «Исаак, кончай валять дурака!»

Так вот, был у Фокусника Нефигасси дрессированный Зайчик с индейской кличкой Волчий Хвост. Странное имя для зайца, не прав-

да ли? Работа у Зайчика была вроде бы простая, но очень уж болезненная: каждый вечер Фокусник вытаскивал его за уши из своего котелка. От такой работы уши у Зайчика стали очень длинными, похожими на уши спаниеля.

Мы с Зайчиком быстро сошлись и даже дали обет дружбы на всю жизнь.

Меня тот Фокусник научил еще и на велосипеде ездить. Сначала шерсть на ногах попадала в велосипедную цепь, и было очень больно. Но Игнат сшил мне заправские офицерские сапоги из мягкой-мягкой кожи, что избавило меня от мучений. Я к сапогам настолько привык, что даже иногда не снимал их на ночь.

Нефигасси был любитель давать всем прозвища: меня стали с тех пор звать «Федя-на-Велосипеде».

Цирк в, конце-концов, распался... (Ведь в этом мире все когда-то кончается!) Нефигасси решил устроиться в Большой Цирк в столице. А Игнат, уже уставший скитаться по земле, устроился на работу в привокзальном трактире. Он и мне нашел место... Так у хозяина трактира появилось чучело медведя, стоявшее при входе. Никто из посетителей и не догадывался что чучело медведя – это не чучело, а настоящий медведь. Работа моя была вроде бы такой простой, а вот попробуйте сами постоять без движения хотя бы десять минут! Вы поймете, что это очень и очень не просто. Куда легче было танцевать и ездить на велосипеде...

Жили мы с Игнатом в небольшой каморке в том же трактире. Я привык засыпать под монотонный стук колес проходивших поездов. По ночам мне становилось почему-то грустно: я

вспоминал Зайчика... Где он сейчас? Как он поживает?..

С раннего утра Игнат день-деньской бежал от столика к столику, обслуживая пассажиров проходящих поездов: кому чай, кому бублик, кому квасу кружку... Пробегая мимо меня, он успевал незаметно сунуть мне в лапу кусочек сахара или мармеладку.

Не я один украшал это убогое заведение. На стене под потолком висела Лосиная Голова. Когда в ресторане не было посетителей, Лосиная Голова разговаривала со мной, а болтлива она была до невозможности. Больше всего она любила хвастаться, как от нее однажды убежал сам Тигр. Правда тогда Лосиная Голова была с туловищем и ногами. А однажды, когда она рассказывала, как она разгоняла рогами Волков, то так разгорячилась, что сорвалась со стенки и упала на пол, обломав себе рога. Лосиная Голова очень расстроилась, я с трудом помог ей опять залезть на стену и пообещал, что когда-нибудь я подарю ей новые рога.

Вскоре я осиротел: в один далеко не прекрасный день Игнат встал со своей лежанки, чтобы идти в трактир, покачнулся и рухнул замертво. Для меня это было страшным горем, ведь я любил его, как отца родного...

С этого момента жизнь моя шла однообразно и грустно. Один день был похож на другой. Но вот однажды в трактир вошел Деловой Пассажир. Он показался мне знакомым, хотя все Люди, для нас зверей, на одно лицо. Он прошел мимо меня, позвал трактирщика и показал ему фотографию ... Зайчика!

Потом он сказал Трактирщику:

«Мне нужен вот такой!»

« Вам рагу сделать? Или пожарить с картошечкой?»

«Мне нужен живой!»

«Вы имеете в виду сырой?»

«Нет, зачем сырой? Сухой лучше, но он должен быть живой! Я Фокусник. Я достаю зайцев из шляпы. Мой заяц уже старый. Ему пора на заслуженный отдых. Поэтому мне нужен новый, молодой».

«Погодите, я скоро вернусь. Найдем! Чай, заяц не слон!»

Тут-то я его и узнал говорившего – это был тот самый Фокусник Нефигасси! Я аж обомлел, но не моргнул и глазом и даже не шелохнулся – я же работал чучелом.

Вскоре Трактирщик вернулся с зайцем... Фокусник посадил зайца в чемодан, в котором были просверлены дырочки, чтобы зайчик не задохнулся.

Вскоре где-то вблизи прогудел паровоз, потом послышалось лязганье колес, и подошел пассажирский поезд. Фокусник с зайцем вошел в вагон. Поезд тронулся...

Я в мгновение ока принял решение – ехать с Фокусником. Я сорвался со своего места у дверей трактира, к всеобщему испугу сидевших в трактире людей и едва успел вскочить на подножку последнего вагона. Дверь в вагон была закрыта, и мне пришлось залезть на крышу. Трактирщик выбежал на перрон, да так и замер, словно чучело, разинувши рот. Потом он закричал: «Федя! Федя! Ты куда? Как же я без тебя да без Игната буду управляться?» Но я только помахал

ему лапой. Мне было его жаль – хороший он человек, но ведь я не могу не повидаться с моим лучшим другом – Зайчиком...

Поезд набирал скорость. Трактир становился все меньше и меньше. Чучело Трактирщика тоже уменьшалась. Вот оно уже стала размером с чучело зайца, потом превратилось в чучело мышки, потом в чучело таракана, и, наконец, исчезло на горизонте.

Я сидел на крыше последнего вагона. Ветерок продувал мою шкуру, пропахшую в трактире табачным дымом да кислыми щами. Мне впервые за много месяцев стало хорошо на душе. Я даже стал напевать песенку.

По сторонам проносились избы, поля, дороги, потом леса, опять поля, опять избы... Поезд начал сбавлять ход – показался какой-то городок. Вот поезд остановился, и из него стали выходить пассажиры. Вышел и Фокусник Нефигасси с чемоданом, в котором сидел заяц.

Я быстренько слез с крыши и устремился за Фокусником. Когда я его почти догнал, Нефигасси обернулся, видимо, услышав мое учащенное от быстрого бега дыхание, застыл на минуточку, а потом воскликнул: «Ба! Да никак это Федя-на-велосипеде?»

Мы крепко обнялись, и Фокусник даже крикнул: «Смотри, не раздави меня, дружище!»

Я был так рад встретиться со старым добрым Фокусником. Мы пошли рядышком. По дороге он расспрашивал меня про Игната, почувствовал мне – он знал, что Игнат был мне за отца, смеялся над похождениями Лосиной Головы. Так за разговорами мы незаметно дошли до цирка.

Фокусник привел меня к гримерной, в которой готовился к своему последнему представлению Зайчик.

Да-да! И для зайчиков наступает пенсионный возраст...

Когда Зайчик увидел меня, его радости не было предела. Он подпрыгнул и повис у меня на шее, щекоча мои щеки своими упругими усами. Сознаю, что и я от радости пустил слезу...

Настало время выхода на сцену. Зайчик поправил галстук, пригладил уши и залез к Фокуснику Нефигасси в шляпу. Конферансье громко объявил: «А теперь непревзойденный индейский фокусник Нефигасси представит вам свое мастерство!» Потом он повернулся к Фокуснику и сказал тихонько: «Ну, Исаак, не пуха, ни пера!» Под звуки фанфар Фокусник вышел на арену и раскланялся на все стороны...

Представление удалось на славу. Зайчик и Фокусник, взявшись за руки, долго раскланивались публике, которая никак их не отпускала. После представления был устроен грандиозный банкет прямо на манеже. Зайчику устроили пышные проводы. Его все любили, ведь он был такой добрый!

Фокусник говорил какие-то очень хорошие слова срывающимся от волнения голосом. Цирковой Крокодил плакал навзрыд. Собака взволнованно сообщила, что Зайчик – лучший друг собаки. Слон сказал, что хоть и был маленьким, но при этом был большим артистом. Застолье продолжалось допоздна. Растрогавшийся цирковой Олень подарил Зайчику на память свои запасные пластмассовые рога. Наутро мы попрощались с нашими цирковыми друзьями.

Но куда податься нам – старым цирковым актерам? И тут у меня появилась блестящая идея... Я вспомнил доброго Трактирщика.

С тех пор в привокзальном трактире появилось, помимо Чучела Медведя, еще и Чучело Зайца, а Лосиная Голова на стенке красовалась с новыми чудными оленьими рогами, которые сломать было уже невозможно.

Так втроем они и жили долго-предолго у доброго Трактирщика. Тот любил вечером, когда трактир закрывался, прийти к ним, посидеть за стопочкой сливовицы и послушать удивительные рассказы Лосиной Головы.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРОКОДИЛА КРОШИ

Крокодилы – они совсем как люди: одни из них плачут, когда им жалко себя, а другие плачут, когда им жалко других. Но всем известно, что крокодилы плачут. Только все они одинаково зеленые и одинаково плачут. Отличить добрых крокодилов от хороших нельзя...

Впрочем, говорят, что на Белом Свете жил добрый крокодил. Звали его Кроша. Вообще-то родители называли его Крокоша, но друзья звали просто Кроша – ведь крокодилам трудно произносить длинные слова.

Крокодил Кроша был особенный: он никогда никого не ел. Он и плакать-то начал, потому что ему было жалко тех, кого заставляли есть его родители. Бывало, притащат ему маленького полупридушенного Олененка, а он возьмет его нежненько зубами и оттащит в кусты, там гладит его своим зеленым хвостом по головке, поплачет от жалости и немножко от счастья, что не достался Олененок другому крокодильчику. Потом приласкает Олененка в последний раз и скажет: “Беги, Олененок! И не попадайся больше тем, кто плачет, жалея себя!”

Потом голодный Кроша возвращался из кустов, облизываясь, чтобы родители подумали, что он и на самом деле хорошо пообедал.

Ел же Кроша только травку да листочки с кустов да нижних веточек деревьев, а потому был зеленый-презеленый, зеленее всех крокодилов в мире.

Жил Кроша в Африке, в реке Нил. На берегу Нила стояли огромные пирамиды, построенные еще древними египтянами. (Кроша был хорошим учеником в крокодильей школе: он знал, что древние египтяне – это такие допотопные люди, которые со временем совсем высохли и превратились в плоские рисунки на каменных стенах.)

Рядом с пирамидами на земле лежала, как собака, огромная звериная фигура с человеческой головой. Звали эту фигуру Сфинкс. Был он весь каменный, но казалось, что он живой. Лицо у Сфинкса было какое-то грустное. Может, из-за того, что кончик носа ему откололи, наверное, какие-то хулиганы.

Шло время. Кроша вырос, обзавелся семьей и у него вылупились из отложенных женой яиц маленькие крокодилчики. Вы же знаете, конечно, что крокодилы несут яйца, ну, прямо, как курицы. Правда, это ужасно смешно?

Однажды в жаркий летний день Кроша со своими детишками-крокодилчиками загорал на берегу Нила. Детишки его были еще совсем маленькие. Они плескались в воде, а когда вылезали на берег, делали куличики очень похожие на пирамиды.

И вот как раз, когда Кроша лежал, закрыв глаза, положив голову на лапы, как большая зеленая дворняга, и высунув язык от удовольствия, что-то щекотнуло его в бок. Он открыл один глаз и увидел большой шарик, а под ним какого-то чудного жука. Было видно, что Жук очень напуган.

“И-и-из-з-вини... Я нечаянно, я больше не буду... Я катил мой шарик и за ним не видел тебя...”

“А зачем ты катил шарик, который больше тебя самого?”

“Все катают, и я катил...”

“Как все? Вот я, например, не катаю шарики”.

“Но ведь ты же не Жук-Скарабей!”

“Странно... А зачем же вы, Жуки-Скарабеи, все же катаете свои шарики?”

“Мы собираем в поле всякую жучиную еду и лепим из нее шарик. А шарик легко катить. И никакая сумка не нужна! Мы это изобрели давным-давно, когда люди еще ходили на четвереньках, а потом они подглядели, как мы катаем шарики и сделали колесо...”

“Как это: “люди ходили на четвереньках”? Они что все были маленькими детьми одновременно? А где же были их папы и мамы?”

“Не знаю. Про это мне не рассказывали... Но с тех пор, как люди украли у нас секрет колеса, мы стали священными Жуками в Египте. Ни один человек не может нас обидеть”.

“Я смотрю, ты много знаешь... А не расскажешь ли ты мне, кто такой Сфинкс? И почему он то ли улыбается, то ли плачет?”

“Мне мой Папа, Жучила-Скарабеище рассказывал, что когда древние египтяне уже ходили на двух ногах, они стали хоронить своих царей-фараонов в вон тех огромных пирамидах. Чтобы все боялись заходить в пирамиды, они и делали каменных Сфинксов. Этого Сфинкса все

почему-то называли “Загадочным”, но уже все давно забыли, почему.

У этого Сфинкса есть еще два младших каменных брaтишки, маленьких Сфинксика. Но их уже давным-давно украли какие-то путешественники и отвезли в холодную Северную Страну. Там и стоят эти два Сфинксика на берегу холодной Северной Реки... Им, конечно, хочется домой, но сами они из такого далека не дойдут — они же каменные...”

У Крокодила Кроши на глаза навернулись слезы: “Ведь им же там так холодно! Они же могут простудиться и заболеть, несмотря на то, что они каменные!”

Кроша поплакал над судьбой двух несчастных Сфинсиков. Потом представил, что кто-то вот так поступил бы с его маленькими крокодильчиками, и чуть вообще не разрыдался. Тут ему стало жалко себя, но он вспомнил, что себя жалеть нельзя — превратишься в обыкновенного недоброго крокодила. Он перестал плакать и задумался.

Назавтра никто не мог найти Крокодила Крошу. Видали только следы на том месте, где он лежал. И все. Поговаривали, что он растворился в своих собственных слезах... И чего только не понапридумают крокодилы!

Прошло какое-то время, и на берегу Северной Реки, в пригороде большого Северного Города появился странный господин. Он был какого-то странного цвета — вроде, как негр, но не темного, а темно-зеленого цвета. Он избегал людей, еще издали увидев их, бросался в зеленые кусты и как будто растворялся в их зелени.

А дело-то все было в том, что этот господин был совершенно ... голый!

Однажды вечером этот господин встретил милого зверька. Это была собачка по имени Шарик. Песик подбежал к нему, обнюхал и приветливо завилял хвостиком. Дело в том, что собаки очень хорошо отличают добрых от недобрых. Шарик всем своим нутром почувствовал, что этот странный господин ужасно добрый.

Вы, конечно, уже догадались, что этим зеленым господином и был добрый Крокодил Кроша! Но Шарик было наплевать, что добрый господин оказался крокодилом. Главное – иметь доброе сердце, а какого цвета твоя шкура – это не имеет никакого значения: да хоть фиолетовая!

Шарик и Кроша моментально подружились. Шарик хорошо знал, что и где можно найти в этом городе, и порыскав по помойкам, нашел для Кроша вполне приличную одежонку. Ведь, во-первых, ходить голым неприлично, а во-вторых, в Северном Городе было холодно. Так у Кроша появилось долгопалое пальто с меховым воротником и шляпа с широкими полями. Кроша даже всплакнул немного – так ему было жалко тех незнакомых зверьков, из которых был сшит воротник...

Чтобы быть похожим на остальных жителей города, Крокодил Кроша начал ходить на задних лапах. Это было трудно, он очень уставал. Но ему было это непервой: он научился стоять на задних лапах еще в детстве, когда поедая листочки с нижних веток деревьев.

В своем длинном пальто и широкополой шляпе он был похож на старого художника. На то, что сзади из-под пальто торчал странный зе-

ленный хвост, никто не обращал внимания: мало ли какие бывают чудачки! (А через пару лет в том Северном Городе даже пошла мода носить длинные зеленые хвосты!)

В трамвае и троллейбусе добрые и воспитанные дети уступали Кроше место. В ответ он только благодарно кивал головой, но не садился. Ведь крокодилы не умеют сидеть...

Из бесед с Крошем Шарик, в конце концов, узнал, что тот – известный африканский ученый-сфинксовед, и приехал он в Северный Город повидать двух каменных братьев-Сфинксов, которые стоят на берегу холодной Северной Реки. Шарик привел своего нового друга к тому месту, где стояли Сфинксы.

Кроша увидел, что они, и правда, были страшно похожи на своего старшего брата, но были намного меньше. Возможно, они съезжались от холода или от тоски по своей родине. Сфинксы стояли лицами друг к другу и неотрывно смотрели друг на друга. Один из них был вроде бы загадочно-грустный, а другой – вроде бы загадочно улыбался.

Кроша и Шарик остановились и огляделись. По улице катились машины, похожие на жуков-скарабеев. По тротуарам куда-то спешили пешеходы. Никто не обращал внимания на Крошу и Шарика. Всем было ни до кого. Как будто на улицу выпустили сразу всех одиноких людей.

Через дорогу, в доме напротив, из окошка первого этажа, через стекло смотрела какая-то Добрая Старушка. Увидев наших друзей, она почему-то очень обрадовалась и приветливо помахала им рукой. “Наверное, она помахала нам потому, что доброму очень приятно видеть других

добрых” — подумал Шарик и дружелюбно помахал ей хвостом. Кроша тоже заметил Добрую Старушку и приподнял шляпу, приветствуя ее. На самом деле, Добрая Старушка просто плохо видела и приняла Крокодила Крошу за своего старого друга художника.

Поприветствовав Добрую Старушку, Кроша повернулся к Сфинксам и заговорил с ними. Те рассказали ему про свою нелегкую жизнь в холодной Северной Стране. Кроша передал им привет от их старшего брата — Загадочного Сфинкса. Братья Сфинксы так растрогались, что у них, кажется, даже заблестели от слез их каменные глаза. Ну, а Крокодил Кроша просто-таки разрыдался, обливая Шарика своими слезами. “Я должен вас спасти, мои дорогие соотечественники!” — взволнованно сказал Кроша.

“Мы не можем просто так уйти. Нам сказали, что мы заколдованы... Ты можешь обрести силу над нами, только разгадав нашу загадку” — сказал один из них.

“А так вот почему вас и вашего братца называют загадочными! Вы загадки загадываете!”

“Но, господин Добрый Крокодил, если ты не отгадаешь нашу загадку, ты должен будешь погибнуть...”

Им очень хотелось домой, но они не могли даже и подумать, что Кроша погибнет из-за них. Тут оба Сфинкса совсем разрыдались... Или это пошел дождь? Но во всяком случае, по их каменным лицам потоками струились слезы.

“Стойте, стойте!” — вскричал Кроша. — “Я же хочу вас спасти, а вы говорите, что я должен

погибнуть из-за какой-то загадки? Это нелепо, глупо и вообще несправедливо!”

“Но мы ничего не можем поделать: таковы правила...”

“Что за правила?! Что за чушь! Если правила глупые, их надо менять!”

“Но мы заколдованы... Мы не можем не выполнять правил, которые придумал давным-давно Злой Волшебник...”

“Но и у меня есть правила! Свои правила: если я решил сделать доброе дело, то я его все равно сделаю. Даже если мне это грозит гибелью. Загадывайте свою дурацкую загадку!”

“Нам очень жалко тебя, Добрый Крокодил! Это трудная загадка. Ее смог отгадать только один древнегреческий герой...”

“Да я не хуже вашего древнего грека! Мои древние египтяне еще древнее древних греков. А я не глупее древних египтян: мой дедушка видел, как они еще ходили на четвереньках! Давайте без промедления вашу загадку!”

“Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух...” – начал Сфинкс с загадочной улыбкой. “А вечером на трех?” – быстро добавил загадочно грустный Сфинкс и опять разрыдался.

“Дурацкая ваша загадка... Ну, да дайте мне подумать немного”.

Кроша вспомнил своего знакомого Жука-Скарабея. Тот что-то говорил, что когда-то в давние времена египтяне ходили на четвереньках... Так, так... Потом они встали на две ноги... А вот что же это за три ноги?” Кроша был в отчаянии. Шарик по своему собачьему соображению уже отгадал загадку. Он переминался с

ноги на ногу, то стоя на четырех ногах, то вставая на задние лапки, то подходя к столбу и задирая одну ногу, оставаясь на трех ногах. Он очень старалась помочь Кроше отгадать загадку, но только сбивал его с толку.

“Нет,” – думал Кроша. – “Собаки здесь совершенно ни при чем... Хотя Шарик в чем-то по-своему прав: сначала он, когда был маленьким, ходил только на четырех ногах, потом подрос и научился ходить на задних лапках... Но откуда три ноги? Ну, что он задирает свою заднюю лапу? Это же к загадке не имеет никакого отношения!”

В это время из подъезда вышла Добрая Старушка. Она была такая старенькая, что не могла ходить без палочки. Она крикнула своим скрипучим и дрожащим голосом: “Илья Ефимыч! Илья Ефимыч! Как же вы постарели, голубчик! Ну, дайте я вас обниму, голубчик вы мой!”

Добрые люди всегда делают добро, даже когда они об этом специально не думают. Так и Добрая Старушка спасла Крокодила Крошу от неминуемой гибели: он оглянулся на ее крик и ... “Ура! Ну, конечно же, это человек! Утро – это детство, ребенок ползает на четвереньках. День – это жизнь взрослого человека, когда он ходит на двух ногах. А вечер – это старость, когда человек не может ходить без палочки!”

Кроша отгадал, но Сфинксы почему-то еще больше опечалились.

“Что же вы грустите? Теперь вы можем тронуться в путь!”

“Нет, Добрый Крокодил... Теперь мы должны погибнуть... Таковы правила... Ты отга-

дал нашу загадку. Ты спасен, но теперь должны погибнуть мы...”

“Ерунда! Одно правило вашего Злого Волшебника дурнее другого! Я сделал, как вы хотели. Теперь принимайте мои крокодильи правила. Я сам – Добрый Волшебник! Теперь я вам загадываю загадку! Если вы отгадаете, то не надо вам вовсе погибать, понимаете? А я уверен, что вы отгадаете мою загадку”.

“А что будет, если мы не отгадаем?”

“Я пока еще не знаю, но мы придумаем какие-нибудь правила и на этот случай. Итак, слушайте мою загадку!”

Конечно, никакого крокодильего правила не существовало, но добрый Кроша решил обмануть загадочных Сфинксов. Ведь всегда главное – это поверить в какую-то Высшую Силу, а есть она или нет – кто докажет?

И Сфинксы поверили! Кроша, недолго думая, почти повторил загадку самих Сфинксов, сделав ее только намного проще. (По крайней мере, сам он так думал.)

“Кто утром ходит на пяти ногах, днем ходит на пяти ногах и вечером ходит на пяти ногах, а?” – спросил Кроша, улыбаясь до ушей.

Но Сфинксы побледили. Они не знали, что и подумать. Вообще-то они были умными, но за долгое время пребывания в большом Северном Городе мозги их рассохлись, потрескались от мороза и отказывались хорошо думать.

“Главное, поверьте, что загадка очень простая. Когда не боишься – всегда легче выигрывать. Вам дается три попытки”.

“Это жук с одной оторванной ногой...” — сказал грустно-загадочный Сфинкс.

“Нет, нет... Хотя у жука и шесть ног, зачем ему отрывать одну ногу? Думайте, братцы-Сфинксы, думайте!” — говорил им Кроша, усиленно постукивая по мостовой своим хвостиком. — “Подскажу вам, что у ответа зеленый цвет...”

“Дерево...” — пробормотал Сфинкс с загадочной улыбкой, посмотрев на застывшего в необычной позе Крокодила.

Тут Крокодил Кроша вдруг в испуге обнаружил, что он стоит на задних лапах! А ведь он сочинил загадку про самого себя! Ну, конечно, какой мудрец отгадает его дурацкую загадку? Кроша моментально встал на все четыре лапы, отчаянно застучал хвостом, говоря при этом: “Ду-май-те! Ду-май-те! Ду-май-те! Зеленый, но не дерево! И с пятью конечностями! Ну, ну, ну!”

Добрая Бабушка, увидев ползающего Крокодила, вдруг воскликнула: “Илья Ефимыч, голубчик! Не совестно ли вам на четвереньках ползать да еще какую-то зеленую подпорку под собою подставлять? Упасть, что ли боитесь? Прямо какое-то пятиногое чудовище!”

Не ведая того, Добрая Старушка сделала еще одно доброе дело.

“Кро-ко-кро-дил-ко-ди-и-ил!” — радостно закричали, перебивая друг друга братья-Сфинксы. Они соскочили со своих каменных пьедесталов и закружились, подхватив Добрую Старушку под руки.

“Ох, Илюшенька! Выручайте, а то эта молодёжь меня совсем закружит!” — совсем не со-

противляясь, кокетничала Добрая Старушка, продолжая кружиться в вальсе.

Крокодил Кроша рассказал Добрай Старушке о том, как ждут братьев-Сфинксов на родине. Добрая Старушка сказала: “Илюшенька! Я всегда знала, что у тебя, как и у всякого великого художника, большое и доброе сердце. Конечно, Сфинксов мы отправим на их родину, хотя мне и будет грустно без них - я так к ним привыкла”.

Все были счастливы. Шарик ластился к Сфинксам, виляя хвостом и заглядывая им в глаза. Сфинксы улыбались уже безо всяких там загадок. Ведь Крокодил Кроша расколдовал их!..

Расколдовал?.. Да ведь на самом деле чудес не бывает. Просто они происходят, если мы их очень ждем и хотим, а при этом верим, что они происходят!

“Я так рада, что, наконец-то мы опять встретились!” – говорила Добрая Старушка Кроше. – “Теперь-то я тебя, Илюшенька никуда от себя не отпущу!”

Сколько Кроша ни пытался убедить ее, что он вовсе не художник, а обыкновенный крокодил, что зовут его не Илья, а Кроша, Добрая Старушка только усмехалась: “Вечно ты был выдумщик, Илюшенька! Помню, как ты меня еще в Куоккале разыгрывал, изображая убиенного царского сынка... Да хоть крокодилом называйся, мне все равно. Ты вернулся ко мне, и я тебя никуда больше не отпущу! Если я тебя опять потеряю, я этого не переживу...”

Добрая Старушка решила помочь Кроше и Шарикку: она купила багажные билеты, чтобы отправить Сфинксов на родину. Пришлось, правда, посадить их в клетки и надписать, что

это обыкновенные цирковые львы. Поскольку в самолетах цирковые артисты часто перевозили львов, то Сфинксы никого не удивили. Ну, подумаешь, лица у них человеческие! Кого этим сейчас удивишь? Сейчас и людей со звериными мордами полным-полно...

Крокодилу Кроше Добрая Старушка так и не поверила, что он не Илья Ефимыч. Говорила только, что вот постарел он конечно и даже малость позеленел, но ему это даже к лицу. “А вот зубы у тебя зато как хорошо сохранились! Как у молодого!” – говорила она Кроше. Она ведь не знала, что у крокодилов зубы меняются каждый год...

Крокодилу Кроше было очень жалко старушку. Он не хотел, чтобы она умерла от тоски. Хотя он и понимал, что любила Добрая Старушка не его, Крошу, а кого-то другого, художника Илью Ефимыча. Ну, да какая разница! Ведь все равно, если любишь кого-нибудь, то любишь того, кого ты для себя придумал, а не того, кто это на самом деле. Главное – это доброе сердце хотя бы у одного из тех, кто любит друг друга...

С тех пор в большом Северном Городе люди частенько замечали, как по набережной Северной Реки прогуливалась милая пара старичков с собачкой. Он такой статный, с длинным зеленоватым носом, держал ее под руку. Из-под его долгополого старенького пальто виднелось что-то непонятное, тоже зеленого цвета, как и его нос. Его спутница вся прямо светилась каким-то неземным счастьем. Люди, увидав их, потом долго улыбались добрыми улыбками.

А вот Сфинксы из большого Северного Города действительно пропали. Их, говорят, видели игравшими на берегу Нила с маленькими крокодильчиками. Жук-Скарабей говорил, что это внуки того Крокодила, который растворился в собственных слезах.

ПРИТЧИ

Притча о Зебре и Тигре

Зебра была на седьмом небе от счастья - ей удалось выскочить замуж за Тигра! Молодая красавица Зебра и могущественный Тигр в расцвете сил. Они так гармонировали друг другу: полосочка - к полосочке!

Всё было прекрасно: церемония бракосочетания, лёгкий ужин в кругу друзей, элегантные дорогие подарки. Смущённая Зебра и взволнованный Тигр удалились под восхищёнными взглядами друзей в своё брачное логово.

К утру Тигр овдовел...

Мораль: **Ища путь к сердцу мужчины, не забывай, что этот путь лежит через его желудок.**

* * *

Притча о Козлике и «Зайце»

Служил Козлик ревизором на железной дороге. Был он принципиален и честен: нипочём ему были ни короли, ни капуста.

Однажды идёт он по вагону и видит - «заяц» сидит. Подошёл к нему принципиальный и честный Козлик и говорит: «Ваш билет!» А «за-

ящ» зубами щёлк – и нет Козлика: остались от Козлика рожки да ножки.

А остальные пассажиры сделали вид, что ничего не заметили. Они в это время все с интересом смотрели в окна или читали газеты.

Просто «зайцем» ехал Волк.

Мораль: Трудно Козликам быть ревизорами среди Волков и молчаливых пассажиров.

* * *

Притча о революции в зоопарке

Однажды в Зоопарке, когда у Льва от старости выпали зубы, один храбрый Шакал-либерал объявил о свободе, равенстве и братстве. Это понравилось всем: Зайцам, Фазанам, Антилопам, Слонам, Крокодилам... Даже Тигру, который представил, что наконец-то он равен Льву!

Кругом взрывались петарды, развевались флаги, лились реки шампанского и звуки бравурных маршей, звери распевали «Марсельезу» и «Интернационал».

И все братались, братались, братались друг с другом со слезами на глазах! (Особенно Крокодилы...)

К утру в Зоопарке не досчитались трёх Зайцев, семи Куропаток, двух Антилоп и даже одного Бизона. Крокодилы опять плакали.

Одним словом, добратались!

Мораль: **Если ты Антилопа, постарайся не браться с Шакалами и Тиграми.**

Притча о том, как гуси Рим спасли

Это было ещё в эпоху попустительства. Как-то к престолюно-партийному празднику рязанские мужички собрались за провиантом – уж больно животы с голодухи скукожились. Долго всем миром решали, куда бы поехать едой отовариться: кто говорил – в Москву, кто – в Киев. Но поскольку все дороги ведут в Рим, то порешили в Рим идти. Только уж было собрались, как тут нежданно-негаданно в сельпо гусей выбросили. Ну, все мужики в сельпо тут же бросились за гусями. Отоварились – и по домам вернулись.

Так до Рима и не дошли. А то ведь не ясно, что бы с Римом случилось!

С тех пор, говорят, и пошла поговорка, что гуси Рим спасли.

Мораль: **А в чём здесь мораль? Главное не мораль, а мясо к празднику!**

Притча о Мамонтенке и Самом-Умном-На-Вид-Слоне

Однажды оттаял Мамонтёнок и пошёл, куда глаза глядят. Шёл-шёл и пришёл в большой слоновий город. Идёт по улице, а прохожие Слоны, увидев его, останавливаются, машут возбуждённо ушами, тычут в него хоботами и

хохочут: «Смотрите, смотрите, вон идёт какой-то странный урод с загнутыми бивнями!»

– Ты кто? – Спрашивают у Мамонтёнка они.

– Я Мамонт...

– Чудак! Мамонтов уже давно нет, это знает даже самый маленький и самый глупый Слонёнок в нашем городе. Мамонты вымерли несколько миллионов лет тому назад! – Сказал Самый-Умный-на-Вид-Слон. – А ты бы лучше постригся, чем говорить глупости!

И все Слоны пошли дальше по своим делам.

... Когда Мамонтёнок вышел из парикмахерской, ему навстречу снова попался Самый-Умный-на-Вид-Слон. Он поднял в изумлении хобот и восторженно затрубил: «Смотрите, смотрите! Какой интересный Слонёнок-мутант! Какие удивительно загнутые бивни! Как он напоминает вымерших несколько миллионов лет назад Мамонтов! Вот если бы он был ещё и лохматым, то я бы сказал, что это настоящий оживший Мамонт!»

Мораль: ***Не всегда самый умный на вид действительно умён.***

* * *

Притча о яблоке и Ньютоне

Змей был доволен: после того, как Адам и Ева вкусили от Древа Познания Добра и Зла, род людской стал множиться неумолимо, не смотря на то, что отдельные Каины убивали отдельных Авелей.

Среди большого множества людей стали попадаться особенные – те, которые познание понимали шире своих голых предков, которые всегда только о бабе думали. Однажды, уже в средние века, Змей решил использовать ещё одно яблоко с Древа Познания. Залез он с ночи на Древо и стал ждать. Долго он ждал, но вот к полудню под Древо зашёл Человек, снял кафтан, расстелил его на земле в тенёчке, лёг, достал книгу, испещрённую какими-то дьявольскими значками, и стал отрешённо её изучать.

Змей моментально сотворил соблазнительнейшую Деву, раздел её донага и послал под то же Древо. Но глаза Человека были скрыты за книгой, и он ничего не увидел. Тогда Змей тихонечко смахнул своим хвостом самое спелое яблоко, и оно упало прямо на голову Человеку.

Человек поднял голову, потирая уши болезненное место, едва лишь скользнув взглядом по Деве. Тогда Дева приблизилась к нему вплотную, касаясь его своими затвердевшими сосками, сладострастно зашептала: «Исаак!.. Хочешь, я буду твоей Ребенком?..» – «Погоди, девица, не до того!» Человек вдруг резко вскочил на ноги, чему-то улыбнулся и почти вприпрыжку побежал к своему дому.

Огорошенный Змей и оскорблённая Дева недоумевали, чему улыбался Человек и почему он не откусил яблочка.

Так Исаак Ньютон познал Закон Всемирного Тяготения.

Мораль: **Формы и результаты познания зависят от того, на чью голову падают яблоки с древа.**

* * *

Сказка про Курочку-Рябу и Феникса

Жила-была Курочка-Ряба. Был у нее муж Петух-Феникс, которого в простонародье звали просто Фенька. Был он горласт и голенаст. Бегал быстро, как страус. Ни одну курочку-несушку не пропускал, хотя и цыпочками малыыми не брезговал.

Был он неистощим и здоровья агромадного. Топтал курочек весь день-деньской: от до завтрака до после ужина. Нес он по курятнику с гордостью свои воистину золотые яйца. А посему и куры все несли золотые яйца.

Собрали Дед с Бабой золотых яиц на ужин.

Дед бил-бил, не разбил.

Баба била-била, не разбила.

А уж оголодали.

Мышку же – тоже с голоду – копка съела, некому было хвостиком махнуть... Да и что махать-то? Всё одно – не разбить!

Надоела Деду эта мутотень. Поймал он Петуха-Феньку да и сжег его.

Но Фениксу все нипочем: восстал он из пепла и продолжал топтать курочек...

Мораль: Любовь бессмертна!

ВРЕМЯ ДЛЯ УЛЫБ☺К

РАССКАЗ КОЗОФИЛА

Разрешите представиться: зовут меня Билл Гоутс. Нет, нет! Не Билл Гейтс. И даже не Билл Гей. (Ха- ха! Простите за невольный каламбур.) Нет, я не имею отношения ни к воротам², ни к педерастам. Просто изначально фамилия наша была Козловы, а уж здесь, в Америке, родитель мой по совету маменьки неблагозвучную фамилию с ругательным в наше время уклоном на интеллигентную и звучную американскую фамилию.

Собственно, как вы, наверное, уже поняли, сам-то я из наших, из славян: жили мы в Великославии. Папа у меня был козодой... Нет, нет! Опять же не поймите меня неправильно: он был не птицей козодоем, а работал в совхозе и доил коз. Кстати, о птичках: помните тот забавный анекдот, как привезли попугая в украинскую деревню. Ну, собралась ребятня, девочки гладят птичку, восторгаются: «Дывись, яки крыльшки!»

² Примечание сие для испаноговорящих, для которых английский третий язык после материнского и матерного: Gates означает «ворота» или даже «вороты», поскольку во множественном числе, а Gay – это по-русски означает «голубой» или попросту говоря, пидор, то бишь на нормативном языке педераст. Извините за разъяснение, если Вы уже все это и без меня знаете.

Дивись, какой носик!» А он им так грубо скрипучим голосом: «Пшли на хый!» Так и сказал, чтоб мне с того места не сойти! Ну, дивчины, ясно дело, сробели: «Извиняйте, дядьку! Мы думали, что вы птица!»

Ну, да я отвлекся. Так значит, папа мой был козодой, а мама – юрист. Жили мы на исторической родине, но потом пришло к родителям этакое нутряное решение: надо ехать! (Я-то был совсем малой, от горшка два вершка – ну, отсылы, три – меня не спросили, да и правильно сделали, а то ведь, как говорил кто-то из философов – то ли Плуто́н, то ли Плато́н – хоть убей, не помню – этой демократией вымощена дорога в ад.)

Опять отвлекся! Ну, да простите, после второго стакана... Благо, жена у меня смиренная и умная, но о ней потом. Итак, мысли мои заплетаются в такой клубок, что их хоть руби, как Гордеев узел. (Я вот не пойму, правда, а при чем здесь Гордей и что у него за узел такой особый?)

Так вот, мама моя, значит, была юристка. Она и была нашим средством передвижения, а также нашим движителем и двигателем. Вот мы и передвинулись.

Оказались мы сначала в Вене, где Штраус писал свои вальсы... А кстати помните тот анекдотец про Вовочку? Учительница вызвала Вовочкина отца в школу и жалуется: «Ваш сын хулиган! На вопрос, у кого самые большие яйца, он ответил, что у слона!» - «А у кого же?» - спросил отец. «Ну, у страуса, конечно!»

Получил Вовочка по шее от отца, пришли домой, отец жене рассказал про училкин вопрос и про Вовочкин ответ. Та спрашивает: «Ну, пра-

вильно, у слона!» - «Дура! У страуса!» - «А-а-а... Вот почему он писал такие медленные вальсы!»

Опять отвлекся. Но уж простите, такая у меня ассоциативная память: о чем ни начну говорить, все сам себя перебиваю каким-нибудь анекдотом по теме. Иной раз так изострюсь, что про что и говорил-то вспомнить не могу. А жену не спросишь! Но о жене потом, а то я так я и не до-расскажу свою собственную историю.

В Вене папенька мой выразил желание поехать на мамину Землю Обетованную. Но мама заявила, что она обе исторических родины – и его и свою собственную – в гробу видела в белых тапочках. Так и заявила, несмотря на всю свою интеллигентность и два высших образования. Папа не сопротивлялся, хотя еще по партсобраниям помнил, про гидру империализма и про Город Желтого Дьявола. Раз жена сказала надо, он всегда ответит «Есть!».

Значится, оказались мы не на Обетованной Земле, а чуть дальше – в Союзе Американских Нерушимых Штатов. Место поселения определили нам в штате Пеннсилвания.

Мама осталась не у дел – тут своих юристов – пруд пруди, а ее дипломы оказались недействительными. Но мы живучие: мы приехали не кружкой трясти и выпрашивать у прохожих пяточки да гривеннички. Родители тут же взялись за дело. У мамы, благо, был голос хороший: стала подрабатывать по ункэндам в соседней православной церкви во время службы. Как мой папаня выразился: «На безрыбье и сам раком встанешь». Отец Мефодий, менеджер той церкви, не мог на нее нарадоваться, да и денежки при этом, хоть и мизерные, но капали в семейную копилку.

У папы сначала дело не шло: он ведь, кроме как козу за сиську дергать, ничего больше делать не умел. Но на первые же заработанные денежки родители купили где-то у черта на рогах клочок земли с хибаркой, потом папаня приобрел пару коз, вернее, козу с козлом, и занялся селекцией. Через два года у нас уже была небольшая отара коз и козлов. Уж не знаю, как правильнее сказать: слово «стадо» вроде бы для крупнорогатых подходит, а отара – для овец да баранов. А куда ж козлам податься?

Ну, да неважно: образовалось у папани некое сообщество козлов – не буду долго искать правильное слово. Докупил он еще землицы, да к козлиному приплоду подкупил еще козляточек. И пошел крутой бизнес, какой и не снился!

Молоко козливое – пардон, козье – мало кто пьет, спроса нет. Но зато фета греческая, брынза армянская да болгарская идут «на ура». Купил папаня оборудование и стал брынзопроизводителем, пожалуй, что, крупнейшим во всей Северной Америке. Впрочем, лучше сказать, что во всей Америке, поскольку в Южной живет народ ленивый, а к тому же и до брынзы не особо охочий.

Мамочка моя церковь забросила, стала главбухшей при семейном бизнесе, или поздепшему экаунтером. К тому же, она всегда была неплохая хозяйка, хорошо готовила, что позволило ей открыть небольшой рестораник «Goats at the Goats», что по-русски звучало бы «Козлы у Козловых», точнее «Козлятина у Козловых», но на великом и могучем языке прелесть названия, безусловно, пропадает. Ресторан прославился, все окрестные греки и армяне, а с ними заодно (к неудовольствию маменьки) арабы и

прочие мусульмане стекались сюда на свадьбы, поминки и дни рождения. Пришлось даже ввести отдельные дни «греческий», «армянский», «арабский», чтобы – не дай Боже – враждующие религии не сталкивались между собой. Словом, всё было тип-топ: корректно и пристойно.

Бойкая и предприимчивая мама создала заповедник «Goatland», то бишь Козляндию. Приобрели мы дополнительно пару тибетских лам (впрочем, не уверен, что тибетских, может еще каких, хотя я точно знаю, что в Тибете ламы живут), и приходившие на выходные в наш парк семьи катали своих детишек на этих ламах. Поскольку жили мы на отшибе, то пришлось и гостиницу небольшую открыть под названием «Мама-Коза».

Дело процветало. Козлы стали завоевывать людские сердца, козлизм стал характерной чертой всего штата Пеннсилвания. По предложению группы сенаторов штата, было предложено ввести козла на герб штата, а сам штат назвать «Goats' Paradise», что означает (поясняю опять для испаноговорящих) – Козлиный Рай. Правда, в переводе это звучит *politically incorrect*: истинный русскоговорящий американец перевел бы это как «Козо-Козлиный Рай», иначе были бы ущемлены права майнорити³ – козофеминисток. Чуть позже в гимн штата ввели рефрен без слов: нечто вроде бляения козы, исполняемого на тромбоне с вибрирующей заглушкой.

Моего папу вскоре выбрали народным представителем, т.е. конгрессменом от штата. В штате возникла новая политическая партия –

³ Это так называют меньшинства: негров, педерастов и почему-то женщин.

козлократов, которая в качестве символа имела, естественно козла. Так на политической арене к двум существовавшим партиям республиканских демократов и демократических республиканцев прибавилась третья, а слону с ослом составил компанию и козел с интеллигентной бородкой. Естественно, что мой папая стал лидером этой партии. Поговаривали, что был бы он кореным американцем по рождению, он бы был неотразимым претендентом на пост Президента.

Дело дошло до того, что папа получил из-за границы, из Белого Дома Великославии почетную грамоту от самого тогдашнего Главсека правящей партии за «пропаганду передового козловодческого дела в странах развитого империализма». А потом, когда Главсека в Великославии единодушно выбрали Президентом, то во время государственного визита он посетил Козяндино лично. Говорят, после этого визита в Великославии забили всю крупнорогатую скотину и всюду ввели козловодство, как основное сельхозпроизводство. В школах отменили Закон Божий и ввели «Курс козловедения».

Козлолюбие стало общим политическим делом по обе стороны океана, а штат Пеннсилвания и Великославия стали странами братьями. И Великославия в козлолюбии пошла даже дальше Пеннсилвании: начались политические репрессии козлофобов. Когда по телевидению один из известнейших юмористов рассказал анекдот про ветеринара-ясновидца... Что? Не знаете? Да не может того быть! Извините тогда, придется еще отклониться от темы.

Пришел ветеринар-ясновидец на скотопферму. Пошли с директором сначала в хлев. Коровы мычат. Ветеринар говорит директору:

«Мычат, что давно сена-соломы свежей не видели!» - «Ай, упустил! Исправлюсь!» Идут дальше. Отара овец в загоне. Блеют во весь голос. «Блеют, что давно загон не чистили». - «Ой, и правда! Почистим!» Кончился обход, идут к директорскому домику. Около него коза к деревцу привязана. Увидела мужиков и стала «ме» да «ме». Тут директор схватил ветеринара за руку и стал ему так взволнованно говорить: «Да не слушайте вы ее! Врет она! Все она врет! Всего один раз было, да и то по пьяни!..»

Так вот за этот анекдот юмориста того из партии выгнали, с работы сняли и под суд отдали, а на суде по статье 58 «Ж»⁴ присудили 3 года принудработ при ипподромной конюшне! Да что анекдот! Одна дамочка невзначай сказала обычную поговорку «Любовь зла – полюбишь и козла», так ее товарищеским судом публично осудили и вынесли общественное порицание. А она и имела-то в виду всего-навсего своего мужа!

Вот какого уважения и любви к козлам добился мой папаня. Впрочем, про любовь потом. Но отметим, что, как сказал поэт, козел «уважать себя заставил» впервые за многие годы безропотного существования!

Словом, вы понимаете теперь, какую роль сыграли козлы и козы в судьбе нашей семьи. Для меня козлиное стадо, или общество – если угодно – было сызмальства родным. Я их любил, и они меня тоже любили.

Но вот я вырос. В школе было полно и красивых девочек – глаз не оторвать! – и ладных

⁴ В прошлом веке в этой стране была статья 58 «Г» – контрреволюционная деятельность. Постепенно добавлялись новые пункты. Пункт «Ж» - означает козлофобство.

и умных мальчиков. Но на мальчиков меня не тянуло, ну, как в том анекдоте... Что? Опять не знаете? Ну, он короткий. Идут два мужика. Один другому говорит: «Смотри сколько кругом красивых парней! А меня вот почему-то все на баб тянет...»

Что? Не смешно? Да конечно не смешно! Меня все это прям-таки возмущает. Пойдешь в туалет справлять малую нужду, а сосед по писсуару на твой планг с вожделением поглядывает. Тьфу, пакость!.. Или к девочке только подьдешь, а она фыркнет: «Я не той генитальной ориентации!» Я даже лозунг придумал: «Слезь, янки, с лесбиянки!» Все в этом мире перемешалось: девки девок обжимают, а «мужик мужика видит издадалека». Так ведь и выйдем все! Ведь мужик через задний проход ничего, кроме дерьма, не произведет!

А тут начали еще борьбу за браки между геями и лесбиянками. Ну, я имею в виду мужика с мужиком, а бабы с бабой. (Добро бы гей на лесбиянке женился!) И ведь добились! Главный лозунг у них: «Кого люблю, того...» Фу, ты! Даже выговорить не могу... Вообще они бесстыдники. На этих своих парадах гордости бабы, которые вовсе и не бабы, трясут голыми сиськами, мужики все в помаде и в юбочках, из-под которых торчат кривые волосатые ножищи... Только что не трясут кое-чем при народе, но я думаю, и до этого дойдет. Идут с плакатами: «Я горд, что я гей!» или «Я горжусь – я лесбиянка!» А чем, собственно, гордиться? А что я по-ихнему должен делать? Идти с плакатом: «Стыд мне и позор – я не пидор»?

А два раз моя жизнь из-за них вообще подвергалась опасности. Однажды на вопрос о

моей сексуальной ориентации, я ответил, что я лесбиянец, то есть баб люблю. Тут же одна из баб меня по морде хлысть! А другие подбежали, вцепились с криком: «Ты что, женщину бьешь?!» Поди докажи им, что она меня бьет, а не я ее. Едва ноги унес.

А второй раз в автобусе стоит парочка. Один как черный Шварценеггер, а второй из себя мамзельку корчит и губы накрашены, и жопа в обтяжечку. Я этому, то бишь, этой говорю: «Гейша, сойдешь на следующей?» Тут на меня гей-мордоворот попер, как на комод. А что я сказал? Чем обидел? Само же хотело, чтобы его бабой считали!

А теперь еще в церкви, где маманя моя пела, стали венчать этих педерастов. Говорят, у нас свобода: кого хочу, того люблю. Ну, в чем-то они правы: у каждого свое понятие о сексе. Помните йога? Опять нет? Ну, сидит йог в Бомбее-Мадрасе, положил свою пятую конечность на один кирпич, а вторым по нему, то есть по ней, по конечности, стучит. Идет европеец, спрашивает: «Что делаешь?» – «Мастурбирую...» – «А когда ж ты удовольствие получаешь?» – «А вот когда промахиваюсь...». Словом, свобода это вам не хрен собачий: раз завоевали, то уж будем пользоваться на всю катушки! (Это ихняя такая идеологическая установка.)

Одним словом, мне это общество остоведьмело под завязку. Одно отдохновение я находил среди наших козлов и коз. Да и они ко мне привыкли. Прихожу из школы уроки делать, сажусь во дворе под японской вишней сакурой, а они рядышком ходят, поме-е-екивают, своими ласковыми глазками на меня поглядывают.

Но особенно одна козочка ко мне все время ластилась. Подойдет, мордой колени мне раздвинет, положит свою мордашку мне на интимное место и смотрит на меня грустными глазами. Скажу еще, что у нее только что родился такой премиленький козленочек!

Однажды я не закрыл дверь со двора в свою спальню – а живу я на первом этаже, – слышу копытца по полу цок да цок. Забралась, представляете, ко мне под одеяло... Ну, тут уж я не стал спрашивать ее о сексуальной ориентации.

Потом опять и опять... Так и началось. Я корытце с кормом для нее поставил около каминна, а рядом ясельки для козленочка от первого брака – я решил его усыновить (или укузлить, не знаю, как правильно и сказать).

Словом, сердцу не прикажешь: кто «тёлою» любит, а мне так моя козочка по душе!

Посмотрел я вокруг и решил: надо быть граждански честным, надо узаконить наши отношения с козой. Пришел я в магистрат и говорю: «Хочу жениться на козе». Мне отвечают: «С ума сошел! Такого никогда не было!» А я им в ответ: «А чтоб мужик на мужике женился, такое было? Тоже не было, а есть! И я хочу. У нас с ней глубокая искренняя и бескорыстная любовь!»

Мне сказали «нет», ущемив мои гражданские права свободного американского гражданина. Я пожаловался папеньке. Он сначала тоже в штыпки: «Какая, говорит, коза?! Ты что, сбрендил?» Но потом его козлиное лобби обуздало: сын ваш – настоящий патриот. Он больше всех уважает герб штата с козлиной головой. Будем, мол, бороться до полной победы козлократии в нашем, Козлином Штате!

Козочка моя, солнышко, своими глазками на меня смотрит умильно да хлоп-хлоп. Ай да умница!

А как вы думаете, победит козлиное лобби? Узаконят козлобраки? Ведь история показывает, особенно древняя, что такие браки были даже не бесплодны: ведь жили же кентавры. Ну, а минотавр? Ведь родила же критская царица рогатенького сыночка от прелюбодеяния с быком? А чем хуже будет человекозёл?

Боюсь только, кабы дело не дошло до половых извращений: вдруг мужики начнут не коз, а козлов любить? Ведь могут же случиться гей-зоофилы?

Ох, замучил я вас своими размышлениями-рассуждениями. Уж ночь на дворе, спать пора. Да и козушка моя ненаглядная, слышу, из спальни жалобно так подблеивает, меня зовет.

Счастья вам и любви – большой и незапятнанной!

КТО ИЗ НАС НЕ ЛЕТАЛ ВО СНЕ?

Живем мы у чертей на куличиках – аж в самой Калифорнии. Со старыми друзьями видимся не часто, к сожалению: редкая птица перелетает середину реки Колорадо, особенно если она летит из России!

Но зато я впервые в жизни стал вести бурную переписку с друзьями и старыми, и новыми, и даже с людьми, которых никогда не видел, а возможно, никогда и не увижу. Благо, что теперь для общения по переписке все условия – сел за компьютер и не надо ни за марками с конвертами бегать, ни к почтовому ящику письмо нести.

Не могу сказать, что получаю много ответов: все заняты, все погружены в повседневные российские тяготы, да и, признаться, многие ли из вас любят писать письма? Эпистолярным ремеслом теперь занимаются меньше, чем столярным... Ну, да это просто для красного словца.

Тем не менее, именно переписка породила для меня много моих новых друзей. Одни превратились неожиданно в добрых друзей из обычных знакомых, будто расцвели какие-то экзотические цветы на унылом задворье заграничной жизни, а другие и вовсе впервые появились на «электронном поле» моей жизни. А многие поразили меня неизвестными для меня ранее талантами – пишут! Пишут стихи, рассказы, повести, и хорошо пишут! А когда получаешь такую «Пи-Си-пись» (это же, правда, не рукопись), то при этом создается полная иллюзия твоей экс-

клюзивности: это не книга с полки, а тебе персонально присланное творение на «электронном блюдечке»!

Так вот, один мой вновь приобретенный друг (написать «подруга» не поворачивается язык – что-то в этом недопустимо сексуальное мне слышится вроде «гёрлфрэнд») прислал мне в одном из электронных посланий свой коротенький рассказик про сновидения. На меня этот рассказ произвел – уж, даже не знаю, почему – большое впечатление. Стал я на эту тему думать. А ведь, действительно, сны – удивительный феномен! Именно во сне происходит невозможное. Кто из нас не летал во сне? А я однажды в детстве, наслушавшись от бабушки библейских притч, видел во сне, как летом катался по озеру на велосипеде: «по воде аки посуху». Догнал Иисуса, шедшего в длинной белой хламиде, и зачем-то показал ему язык. Бабушка очень переживала, что накажет меня Господь за это греховное сновидение, а я ее успокаивал – это ведь во сне!

Сны помогают подсознательно осознавать (эва, как вверх!) прожитое, а иногда даже творить. Сколько известно баск про ученых, вскакивавших посереде ночи и записывающих свои гениальные идеи.

И со мной был однажды случай, что проснулся от звучащих в голове дивных стихов. Сердце стучало, как метроном, аж испарина выступила, а вот записать было нечем. Решил запомнить этот стих, выучить его наизусть, с чем и заснул. А когда проснулся... Сколько не тпился, ничего вспомнить не мог. Такое расстройство было, будто потерял выигрышный лотерейный билетик!

А кутята маленькие ножками сучат, бегают, тренируются во сне. Так что не только венцы творения, но и твари земные используют сны для пользы тела.

Но, извините, заболтался, зафилософствовался: это же уже относится не к снам, а больше к «послесониям». Вернемся к самим снам.

Так вот, прочитал тот рассказ моего друга, и мне в голову полезли всяческие анекдоты на эту тему.

Помните? Приходит к психиатру мужчина и говорит, что ему каждую ночь снится, что он толкает железнодорожный состав из Москвы в Ленинград (по-нынешнему, в Санкт-Петербург). Он так устает, что потом весь день разбитый. Психиатр говорит ему, что готов ему помочь и берется сам толкать состав вторую половину ночи, а больной может первую половину поспать. Все прекрасно: больной стал высыпаться, а психиатр немного устает, но ничего, терпимо.

Но тут приходит другой пациент, которому всю ночь снятся сексуальные сны: сначала он предается любви с Софи Лорен, Джинной Лолбриджидой и Мэрилин Марло, а когда он уже полностью опустошен, возникает его жена, и тут-то начинается настоящая пытка... Измочаленный такими сновидениями, больной просит психиатра снять с него хотя бы часть его ночных обязанностей. Психиатр соглашается взять первую половину ночи. А нельзя ли вторую, с надеждой спрашивает пациент. Нет, отвечает доктор, вторую половину ночи я занят: я толкаю железнодорожный состав от Бологого до Ленинграда...

Что это я вспомнил этот анекдот? Меня лично сексуальные сны не мучают. Видимо, хватает того, что наяву. Вспомнился другой анекдот про сновидения. Опять же больной и доктор. Больной жалуется, что писается по ночам: приходит к нему во сне гномик и говорит: «Давай попишем?» Просыпается он после этого в мокрой кровати... Доктор посмеялся-посмеялся, вытер слезы и советует: «А вы ответьте гномику: спасибо, мол, уже пописал, больше не хочу». Через пару дней тот же больной приходит со слезами на глазах. Доктор спрашивает, в чем дело? Больной говорит: «Как вы и посоветовали, я ответил гномику на его предложение, что уже пописал, а он мне в ответ: Тогда давай покакаем!»

Вам смешно? А мне вот нет. Расскажу я вам историю, о которой знают только мои домашние, от которых правду скрыть было просто невозможно.

Однажды был я в командировке в Париже. Что говорить, Париж – мечта любого русского человека. Исходил я пешком этот волшебный город вдоль и поперек и прямо таки в него влюбился. И очень мне понравился храм божий Сакре Кёр, хотя умом я понимаю, что, в общем-то, с художественной точки зрения это творение не менее безвкусно, чем наш храм Василия Блаженного: сплошная эклектика. Но впрочем, и наш «Покровский Собор, что на рву» я, тем не менее, люблю – что ни говорите, а родное!

Находившись по Парижу, помню, забежал по малой нужде в туалет, что поблизости от Сакре Кёр. Чудо модерна! Полукруглая зала с кабинками: ни тебе «М», ни тебе «Ж». Сплошные

liberté, égalité, fraternité. Правда, насчет égalité вышла небольшая промашка: слева за кафельной стеночкой высотой до плеча скрыт жёлоб для отправления мужчинами своих быстротечных физиологических потребностей. Дамы по понятным причинам таких удобств лишены. Почему такие подробности? Это станет ясно из последующего изложения. Потерпите.

И вот я опять в Париже... Ноги сами влекут меня к Сакре Кёр... Вот и он – белоснежный, как сахарная голова, Храм Божий... Созерцаю, восторгаюсь, задрав голову. Но чувствую, что настало время посетить и нечто построенное глубоко для тела, а не для души. Спускаюсь в знакомый туалет, вхожу и направляюсь налево, захожу уже за кафельную загородочку и... Тут меня пронзает резкая мысль: как я оказался в Париже? Этого не может быть! Это сон! И тут я с облегчением просыпаюсь – успел!

Спускаю ноги с кровати. Какая-то странная комната, наверное, гостиница. Спросонья никак не пойму, где я? Иду к туалету и соображаю, куда же это меня послали в командировку. Это же явно не мой дом! Да вроде никуда не должны были послать... В голове светлеет, светлеет... И вдруг опять, как вспышка молнии: ни в какой я не в командировке! Это просто мне опять снится! Это ж надо: сон, вложенный в другой сон! Просыпаюсь опять. Опять с облегчением, что не успел во сне дойти до туалета.

Спускаю ноги на пол. Слава богу, дома я, дома! Нащупываю ногами шлепанцы и привычно надеваю их на ноги, потом тихонько, чтобы никого не разбудить иду в свой родной совмещенный санузел. Вот она дверь, открываю, свет решил не зажигать, и...

Вскакиваю, как ошпаренный: и это при-
снилось! Но было уже поздно... Я сразу понял,
почему маленькие дети начинают выворачивать-
ся из пеленок и выражать крайнее неудовольст-
вие – попробуйте сами полежать в луже. И тут
меня разобрал истерический хохот, смех до слез,
смех до изнеможения... Еще бы – обписаться в
тридцать пять лет!

Вот такой удивительный сон: сон, вло-
женный в сон, который вложен в следующий
сон! А какие последствия? Сон в руку! А, пожа-
луй, даже «в ногу»...

Понимаю, что все это слишком смешно,
чтобы быть правдой, но могу побожиться, что
все это истинная правда. А, пожалуй, хорошо,
что я вижу мало снов. Кто знает, чем бы они
кончались?

Ну, вот начал с глубоких философий, а
закончил черти чем! Вечно у меня так: то шутки
на операционном столе, то ... Вечно смех сквозь
слезы. Хотя, впрочем, на этот раз – смех сквозь
слезы смеха.

КАШТАНКА

Вы, конечно, помните, что Каштанка была молодой рыжей собакой – помесью таксы с дворняжкой – очень похожая мордой на лисицу. Однажды она гуляла со своим хозяином Лукой Лексанычем, и сподобились они встретить полк солдат маршировавших под оглушительную музыку. Лука имел несвойственную русскому человеку фамилию – Умищев, а потому был отменнейше глуп.

Каштанка терпеть не могла духовых оркестров, именно из-за этого она недолюбливала Петра Ильича – это ж надо какую какофонию представил он в своей увертюре 1812-го года! Нет, это не для русской собачьей души!

Не вынося музыки, которая расстраивала ей нервы, Каштанка заметалась и завыла, а потом метнулась в сторону и помчалась куда-то, забыв обо всем на свете, включая и хозяина своего, Луку Лексаныча. Потом в глазах ее потемнело, затем закружились-завертелись будто бы снежинки... И Каштанка потеряла сознание.

Когда она очнулась, шел крупный пушистый снег и красил в белое мостовую, крыши автомобилей, пыжиковые шапки и слегка согбенные спины прохожих... Каштанка лежала прямо на снегу, около какого-то подъезда. «Странно, - подумала Каштанка, – а где же лошади, а где же сани?» Она, бедолага, ведь не знала, что она очнулась в другое время и фактически в другой стране, хотя говорили прохожие на вполне понятном русском языке, изрядно пересыпали

свою речь смачным матом вперемешку с множественством новых незнакомых словечек... Но Каштанку это не удивило – ведь люди всегда были для нее странными животными.

Вдруг резко открылась дверь и ударила ее по боку. Каштанка взвизгнула, и в это время над ней наклонился какой-то человек и спросил: «Псина, ты откуда? Я тебя ушиб? Ох, бедная, бедная... Ну, не сердись, не сердись... Виноват».

Каштанка, услышав в голосе незнакомца теплую нотку, лизнула ему руку.

Дальше вы все помните: Хозяин (так про себя называла своего благодетеля Каштанка) принотил ее, начал учить разным фокусам, поскольку работал он дрессировщиком в Цирке на Цветном бульваре, что около Центрального рынка. У Хозяина Каштанка, которой новое имя было теперь «Тётка», познакомилась с котом Федором Тимофеичем, гусем Иван Ивановичем и маленькой свинюшкой Хавроньей Ивановной. Потом была печальная история о том, как почил в бозе Иван Иванович, Царствие ему Небесное! (Правда, в новое время почему-то говорили не о Царствии Небесном, а о том, что что-то не за горами, и это что-то придет кому верхом, а кому низом.)

Вскоре и у Каштанки начались трудовые будни: днем – дрессировка за какие-то жалкие крохи и мелкие кусочки сахара, а вечером изнурительный труд на манеже цирка. Словом, началась нормальная собачья жизнь.

Каштанке частенько снились сны про свою прежнюю собачью жизнь с Лукой и его сыном Федюшкой. Те тоже были в своем роде своеобразные дрессировщики. То из нее делали

«колокол», дергая за хвост и заставляя скулить от боли. То заставляли ходить на задних лапах, а после давали понюхать табак... Особенно мучителен был следующий фокус: Федюшка привязывал на ниточку кусочек мяса и давал его Каптанке, потом же, когда она проглатывала, он с громким смехом за ниточку вытаскивал кусочек мяса обратно из желудка... В такие ночи Каптанка просыпалась в холодном собачьем поту и потом долго не могла заснуть, но сдерживала скулеж, чтобы не тревожить сон своих звериных друзей, тоже намаившихся за трудовой день.

Теперь в цирке, хоть и приходилось много работать, отношение к собаке было вполне человеческим. Коронным номером Каптанки было вычислять произведения двух чисел. Когда из зала кричали: «Тетка, сколько будет дважды два?», Тетка (в девичестве – Каптанка) гавкала четыре раза. Бывали задачки и посложнее, например, два умножить на пять.

И вот Тетка в очередной раз на арене цирка. Она опять успешно прогавкала четыре раза на вопрос, сколько будет дважды два. Со всех сторон послышались рев и аплодисменты.

Среди зрителей находился мальчик Федя, кстати, как две капли похожий на того давнего Федюшку из прошлого века, который сидел рядом со своим отцом - Лукой Александровичем Умищевым, Генеральным сантехником города Москвы, бывшим ударником коммунистического труда, а ныне владельцем всех общественных туалетов города, ставшим, естественно, членом Госдумы.

Оба они тоже как-то оказались в другом времени. А может, это были и не они, а просто их пространственно-временные двойники. Сын

спросил отца: «А помнишь, у нас была давным-давно собака по кличке Каптанка? Похожа, правда?» - «Да», - ответил отец. Задам-ка я ей вопрос, подумал Федя и прокричал: «Тетка, сколько будет 17 умножить на 23?»»

Собака осуждающе посмотрела на мальчика Федю, укоризненно покачала головой и понуро побрела к выходу с арены... Она знала, что получится 391, но ведь не станет же она гавкать до самого антракта! «Как в жизни получается... Только зажила нормальной человеческой жизнью, - подумала собака, - опять на голову сваливается какой-нибудь придурочный Федюшка! Но это, слава Богу, как говорят люди, не он: тот Федюшка знал мое настоящее имя».

«Каптанка! Каптанка!» - раздался в это время громкий мальчишеский фальцет.

Каптанка узнала голос: «Ну, конечно, конечно - это тот самый Федюшка!» В голове Каптанки промелькнули те страшные эпизоды издевательств, которые она терпела у прежних хозяев. Каптанка, скуля, стремглав бросилась за кулисы и, дрожа от страха, забилась под стул в гримерной Хозяина. «Все, что угодно: работа в две смены без выходных до самой пенсии, но только не возвращение к Луке и Федюшке... Только не это! Только не это!»

**ПИСЬМО СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА,
ЗАМУРОВАННОЕ В КАПСЮЛЕ
ДЛЯ ПОТОМКОВ**

Построить енто самое будущее оказалось делом плёвым. Построили мы его еще вчерась. А поскольку никто не знал, какое оно, это будущее, то всем и было ясно, что построили мы именно то самое будущее. С устатку и ентому делу принятого мы заснули сном праведным, ведомые вперед.

Наутро с тверёзой головы, вспомнили мы про одного старичка, койй жил позавчерась и койй как раз и талдычил нам про енто самое Светлое Завтра. Но покумекав, мы прикинули, что позавчерашнее завтра, оно сегодня просто вчера. И что же такое получается, братцы? Старичковое Завтра – это вовсе и не будущее, а просто-таки наш вчерашний день! Вот-те на! Вышел хрен с морковкой!..

И что же это получается, спрашиватца? Мы все старались-старались, полдня лозунги на красных тряпицах малевали, а потом ни емши, ни пимши вторые полдня бегали друг у друга опыт перенимали – и на тебе! Может, оно – вчера-то – наступило бы и без нашего трудового порыва с героизмом? А тогда и сегодня было бы не сегодня, а завтра!.. А?..

Я ведь что себе мыслю: может статься, зря тот дедушка в кепчонке за меня, добренький, старался, хотел меня шибко счастливым сделать? Откель ему о моем-то доле-счастьи знать-ведать? Может, ему да за столом письменным да за сукном зелёным и счастье-то другое виделось? Мо-

жет, мне сподручнее в своём доме о четырёх стенах жить да поле своё лелеять, нежели горизонты коммунизма на общественном комбайне пахать-перепаживать в тени колхозного небоскрёба?

Правда, вот сегодня с утра мил-человек из лектрического ящика всё норовил выпрыгнуть да всё поучал, что неувязочка, мол, вышла: идём-то мы, грит, правильно, да не той дорогой. И вожди наши все были ошибочны и даже вредоносны, язвь их в душу, акромья того самого дедушки да вот еще его самого, нынешнего.

Куды таперча иттить, ему всё досконально известно. Вот он еще ночку помозгует, а потом с утречка, на свежую голову, и нам всем просветлит, расскажет.

А то, что жрать, грит, нечего, так это только покамест. Скоро будет всё, как в Люксембурке. Там пока ещё до сего дня принц правит, вот у него только у одного спецпаёк, а остальное он народу отдаёт. И у нас скоро все должности в одну сольют и дадут тому один паёк. Вот тогда и заживём, как при царе-батюшке, царствие ему небесное!

А пока, гуторит тот, из ящика-то, пользуйтесь голосом, то бишь, гласностью, благо рты ничем не позабиты. Не хлебом, грит, единым жив человек. И то верно! Без картофи давно бы уж концы откинули. Да и хлебушком, глядишь ты, то мерикане, то канатцы подсобляют. А мы им газом. А то и верно: с такой пищи – газ один. Нам его не жаль – чай весь всё равно не унюхалешь.

Вот перестраивать таперча что-то будем. Видать, строили-то не так. Небось, завтра из вчера теперь обратно позавчера делать будем.

Ох, батюшки-светы! Дай-то Бог, может таперча мимо дедушкиной-то дороженьки пронесёт, так, чтобы вместо еного светлого будущего да в простую человеческую жисть! А то эва, как мы тут все накоμμунизмились! По горло уж им сыты, только вот жопа с голодного неупотребления ажно слиплась-скукожилась.

Деток бы сберечь... Пусть бы родимые воздушком подышали, хлебушка вдосталь поели, да скус к жизни трудовой поимели. А то ить бумажки все перебирают, сальды-бульды отмеряют, а у коровёнки титьку от рога отличить не могут.

Эх, ма! Господи помилуй мя!

Так что, дорогие потомки, найдёте когда ентот капсул, сообщите нам, пращурам вашим, в прошлое, как вы там живёте-можете. Ведь по науке вашей, полагаю, вам это что два пальца обоссать. Как вам наш коммунизм пришёлся, по размеру ли, аль жмёт малость? Главное, как вы после полной и окончательной победы над пернализмом концы с концами сводите. Кто пшеничку-то вам сторговывает? Очень всё это знать нам интересно и важно. Чай не зря мы жизни свои поклади.

Бывайте здоровы. А я пойду после субботничка коммунистичного в баньку косточки попарить да грязцу посмывать. А аposable с легким паром – по кружечке пивца да бутылец на троих...

При сём кланяюсь низко,

Пантелеймон Ильич Какашкин, пролетарий всех стран.

е-БУДУЩАЯ е-ЖИЗНЬ

Иван Е. Бунин

Компьютер безвозвратно ворвался в нашу жизнь, он перевернул все наши прежние представления об общении, о получении информации, не говоря уж о том, что он всерьез заменяет нам мозги, которых – увы! – действительно всем нам не хватает...

Мы живем уже не обычной жизнью – мы живем поистине «е-жизнью».

Ну и впрямь, посмотрите: мы уже читаем не книги, а «е-буки»... Как и в докомпьютерную эру трудовые е-будни начинаются с понедельника. Вставая поутру, мы открываем компьютер, а там, на экране уже стоит е-холодильник, из которого кто-то достает е-булку, отрезает тоненький ломтик е-балычка или семужьего е-бочка и запикает такой вот е-бутербродец е-бренди... (Как говорится, утром выпил – день свободен!) А потом е-банан на десерт...

А вечером пойдешь с друзьями в е-ресторан на е-банкет, закажешь там е-биточки, а из е-буфета тебе пивца свеженького принесут прямо из е-бочки

Ну, а как насчет отдыха после трудового е-дня? Да это же будет истинное чудо: не выходя из дома, покупаешь е-билет и наслаждаешься е-балетом! Ах, какие замечательные у нас е-балерины и е-балеруны!

Молодежи, правда, будет трудно: недалек час, когда позакрывают все дискотеки, и

придется им танцевать е-бальные е-танцы на компьютерах.

Нынешние донжуаны, безусловно, уступят место е-бабникам! А кто до серьезных е-отношений не доходит, а только точит е-балясы, те будут зваться просто е-болтунами.

В Консерватории по классу народных инструментов начнут учить играть на е-балалайке, на е-бандуре да на е-баяне...

Спорт? Не правда ли, звучит гордо – «е-бегун на длинные дистанции»?.. А футболисты? Как наденут свои е-бутсы, да как начнут колотить е-мяч мимо е-ворот, хоть экран выключай!..

Что будет с дорогими русской душе помывками по субботам? Да ничего такого особенного: в е-баный е-день все е-банщики и е-банщицы будут ходить в компьютерные е-бани!

А у счастливого подрастающего поколения буду не просто какие-то папы и мамы, а е-ба-тюшки и е-матушки! (Кстати, «е-матери» на Руси существовали еще со времен татарского ига, т.е. задолго до изобретения компьютера!) А в школах их будут учить по е-букварям.

Чего только не появится нового, необычного!

Представляете себе на жене е-платье из е-батиста, а в декольте е-блузки блестят огромные е-бусы на незаметной е-бичёвке? А на самом видном месте е-булавочка с небольшим е-камушком... Загляденье одно! А на ночь, как накрутит свои е-бигуди!.. Такое начнется в душе волнение и е-биение сердца – аж не унять! Тогда уж точно «поутру ты ее...»

Ох, всего и не перечесть!

А заправку е-бака е-бензином на е-бензо-
колонке и подкачку е-баллона?

А сбор е-белых е-грибов в е-балке у е-ле-
сочка? И потом вернуться домой с корзиной на-
битой е-битком, а?

Что, наверное, думаете, что я вам е-басни
рассказываю? Нет, мои е-дорогие и е-близкие:
то не е-сказка, то е-быль...

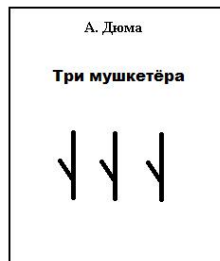
Наконец (это уже просто для хохмы), мо-
жете представить себе дырку от е-бублика?

Вот такое нас ждет е-будущее!.. Совер-
шенно другое будет е-бытие, а отседова, естест-
венно, и совершенно иное е-сознание. Тут, е-
братцы и е-сестрицы, поневоле возникнет гамле-
товский вопрос: «е-Быть или не е-Быть?»

Жаль только, как справедливо заметил
еще Николай Алексеевич Некрасов, жить в эту
пору прекрасную уж не придется ни е-мне, ни е-
тебе...

Да, совсем было запамятовал: еще, гово-
рят, введут в русский язык для удобства новые бу-
квы Ъ̇ и Ҁ̇ ... Это – чтоб писать было легче.

ОБЛОЖКИ ДЛЯ КНИГ

ВНЕ ЖАНРОВ

ЛОЖИТЬ-ПОКЛАСТЬ

(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ИЗЫСК)

Долго живя в иноязычной среде, начинаешь глубже осознавать удивительную стройность русского языка. Когда я жил в России, я пользовался русским естественно, как воздухом, которым дышал. Здесь, вдали от своей страны — я утоляю жажду... Надеюсь, что моя замечательная заметка заинтересует любителей русского языка.

* * * * *

«Куды ж вы вещи-то свои грязные
ложите?»

«А куды ж мне их покласть-то?»

Типичный образчик безграмотного разговора... Но не спешите!.. Живой язык не укладывается в прокрустово ложе традиционного «литературного» языка. Диалекты и речения имеют древнюю историю, они по-разному и по-своему влияют на непрерывно развивающийся язык. И зачастую именно обострение режущего уха звучания «простолюдной речи» и приводит к тому, что и в «высокой литературе» она часто используется даже в поэзии. Помните?

Утром в ржаном закуте,

Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

.....

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех **поклаал** в мешок.

(С. Есенин «Песнь о собаке»)

Нежные!

Вы любовь на скрипки **ложите**,
Любовь на литавры **ложит** грубый.

А себя, как я, вывернуть можете,
Чтобы были одни сплошные губы!

.....

(В. Маяковский «Облако в штанах»)

«Ложить-положить», «класть-покласть» – несовершенная и совершенная формы глаголов («что делать?» и «что сделать?»). Глаголов?.. А не **одного** ли глагола? Некоторый анализ показывает, что эти глаголы, возможно, являются лишь разными формами одного и того же глагола!

Небо **обложило**, **заволокло** облаками...
Влажно. **Волчица** легко бежала **ложбиной** по **воглой** траве. Ее **влекло** к **складу**. Вот она притаилась за **колодой**. **Сложная** задача: **кладовщик** не спал, ходил, скрипели плохо **слаженные** половицы. Она **следила**: **кладовщик**

налил *лекарство* в *ложку*, вышил, поправил *складки* на *наволочке* и в *блаженстве* *прилег* на *лежак*... Воспользовавшись *положением*, *волчица* *легко* проникла в *склад* и стянула одну из *сложенных* там туш. Услышав шум, *кладовщик* *положил* *ладонь* на *приклад* ружья. Хотел *преследовать* по *следу*, но *полагал*, что поздно... «*Сволочь! Поддюга!*» - во все *легкие* *заблажил* *кладовщик*. - «Ну, да *ладно!*» *Волчица* *волокла* *нелегкую* *поклажу* в свое *логово*. Мимо *колодца*, мимо *поленицы*, где пищали *полевки*... И вот уже «*наследники*»-*волчата* *прилежно* и *увлеченно* *наслаждаются* едой. Потом, *благодарные* матери-*волчице*, *сладко* *укладываются* спать...

Немудреное сочиненьице... Но обратите внимание на выделенные курсивом слова: все они однокоренные, от одного могучего корня «ложить-класть»! Теперь после этой небольшой интриги, самое время начать более детальный анализ.

Очевидно, что слова «ложить» и «класть» очень близки семантически. Теперь сделаем попытку показать, что оба эти глагола имеют «общую точку роста», т.е. образуют вместе со своими производными «единую и нерушимую семью», едва ли не самую обширную в русском языке. (А возможно, и самую обширную.) Рассмотрим два исходных глагола и слова-производные от них. Исходные «культурные» формы приводят в основном лишь к тривиальным отглагольным существительным.

От глагола «ложить» непосредственно происходят: *ложка, ложи, ложь*⁵, *лжец, лживый*. От этого же глагола с приставками «в», «до» «из» и т.д. образуются *вложение, вложенность, возложение, заложник, заложница, изложение, наложение, наложница, налог, низложение, обложка, обложение, одолжение, отложение, переложение, подложка, подлог, подлость, положение, предложение, предложный, приложение, пролежни, сложение, сложенный, сложный, сложность, уложение*.

Глагол «класть» дает: *клад, кладезь, кладовка, кладка, кладенец* (так назывался меч у древних славян), *колода* (последнее слово образовано чередованием гласных «оло»-«ла»), *вклад, вкладка, выкладка, доклад, заклад, закладка, накладка, оклад, окладистый, перекладка, перекладные, склад, складка, уклад*.

Не убеждает ли анализ этих двух групп слов, что они образованы от совершенной и несовершенной формы одного и того же глагола?

Кстати, культурный родственник глагола «ложить» - «лежать» оказывается существенно беднее своего брата-простолюдина.

От «лежать» происходят только *лежание, лежка, лежбище, лежанка, лежебока, возлежание, прилежание*.

Впрочем, глагол *лежать* имеет своих родственников – глаголы *лечь, легать* и *лагать*. (Два последних – не существующие в современном языке в прямой форме, но имеющие «потомков»:

5 Интересно, что в английском языке “lie” означает также «ложь» и «положить».

первый - *залегать, прилегать, облегать*, а второй – *пролагать, облагать* и т.п.)

Эти же глаголы в свою очередь порождают: *лагалище* (ножны, в которые вкладывался меч-кладенец), *лгать, лгунья, влагалище* (от «*влагать*»), *влага, долгий* (от «*долагать*»), *долг, облачение, облако, отлагательство, слаженность* (от «*слагать*»).

От *влаг* идут *влажность, волглый*... Не отсюда ли *Волга*?

В свою очередь, «*лагать*» и «*ладить*» - «сиамские близнецы». Действительно, цепочка слов «*лагать* → *лаживать* → *ладить*» неразрывна. И здесь появляется новый куст слов: *ладный, складный, ладонь, ладья, оладья, ладно, наладка, сладкий* (от «*сладить*»), *наслаждение, услада*.

Глагол «*легать*» приводит к целому гнезду слов: *залегать, налегать, отлегать, полегать*⁶, *прилегать* со своими тривиальными отглагольными существительными.

Глагол «*лечь*» дает: *лечение, лекарь*⁷, *лекарство, лечебница, влечение, вовлечение, извлечение, излечение, залежи, подлец, подлюга, привлечение, слезка, увлечение*.

От слова *слезка* происходят *след* со всеми *последствиями, следствиями, последственными, следопытами*, а также глаголы *следить, наследить, наследовать* (с последующими *наследством, наследником, наследницей* и *наследованием*), *обследовать, преследовать*...

⁶ Использовалось, в основном, в прошедшем времени – *полегли*.

⁷ Лекарь – это тот, кто заставляет лечь. А «лечиться»? Не лучшее ли средство от всех недугований - лечь и отлежаться?

Прошедшее время *лёг* даёт в производных *лёгкий, нелёгкая, лёгкие, лёгкость*, с последующими *облегчением, слегка*. Здесь же и *лѐжка* и *ложка*.

Влечение через чередование «оло»-«ла» приводит к *волочить, волочиться, волочение*, откуда *наволочка, волк с волчицей и волчатами, волчок, волокита, волокно*. А *сво́лочь* и *сволочь*? А не отсюда ли *вол*? Может, это тот, кто волочит? Но это, скорее всего, некоторая натяжка.

Рассмотрим теперь более сложные производные от этих слов.

- (1) *Лог* (то, что *положено*), *подлог, логово, ложбина, полог*. Сюда же я бы отнес и *берлогу* (логово медведя).
- (2) *Ляжка*, возможно, связана с «ляг».
- (3) Не даёт ли «облагать» цепочку: *«благо» → бла́гость → блажь → блаженство → благодарность → благодаря* и т.д.?
- (4) *Пол* не от слова ли «положить» (то, на что кладут)? Тогда здесь же и *половица, полка, и полк* (пол~~ок~~ – это полка в русской бане, особенно в сибирском говоре). А *поле* – это нечто существенно большее, чем *пол*. Заметим, что в русском языке всё очень большое – среднего рода: небо, солнце, море... А от *поля* – *полено* (вот и у *колоды* появился родственник мужского пола!), *поленница, полевка, поляк, половец*...
- (5) В русском языке существует транспозиция согласных и даже слогов, например, «медведь» и «ведмедь». Не то же ли самое и со словами *ладонь* и *длань*? Если так, то от *длани* пойдут и *длина*, и *длинный*, и *доли-*

на...

Но главное – вовремя остановиться! И без того даже неоспоримых «родственников» глаголов «ложить-класть» оказалось предостаточно! Мне представляется, что это гнездо родственных слов наибольшее в русском языке. Другое богатое семейство происходит от глагола «крыть» (*крыша, крыло, укрытие, кофа, короста, корыто, кров, корова*, и т.д.), но это отдельная тема. Заметим, что последнее семейство слов все же сильно уступает неразлучной связке «ложить-класть».

Так что же общего в глаголах «ложить-класть»? Где общий корень?! Получается, что ... «Л»!!! Как сказал однажды мой бывший хороший друг и большой остролов, прочитав эти мои изыскания: «Так и видится, как наш первобытный пращур бежит по лесам будущего Подмосковья с протяжным криком «Л-л-л-л-л-л-л!»»